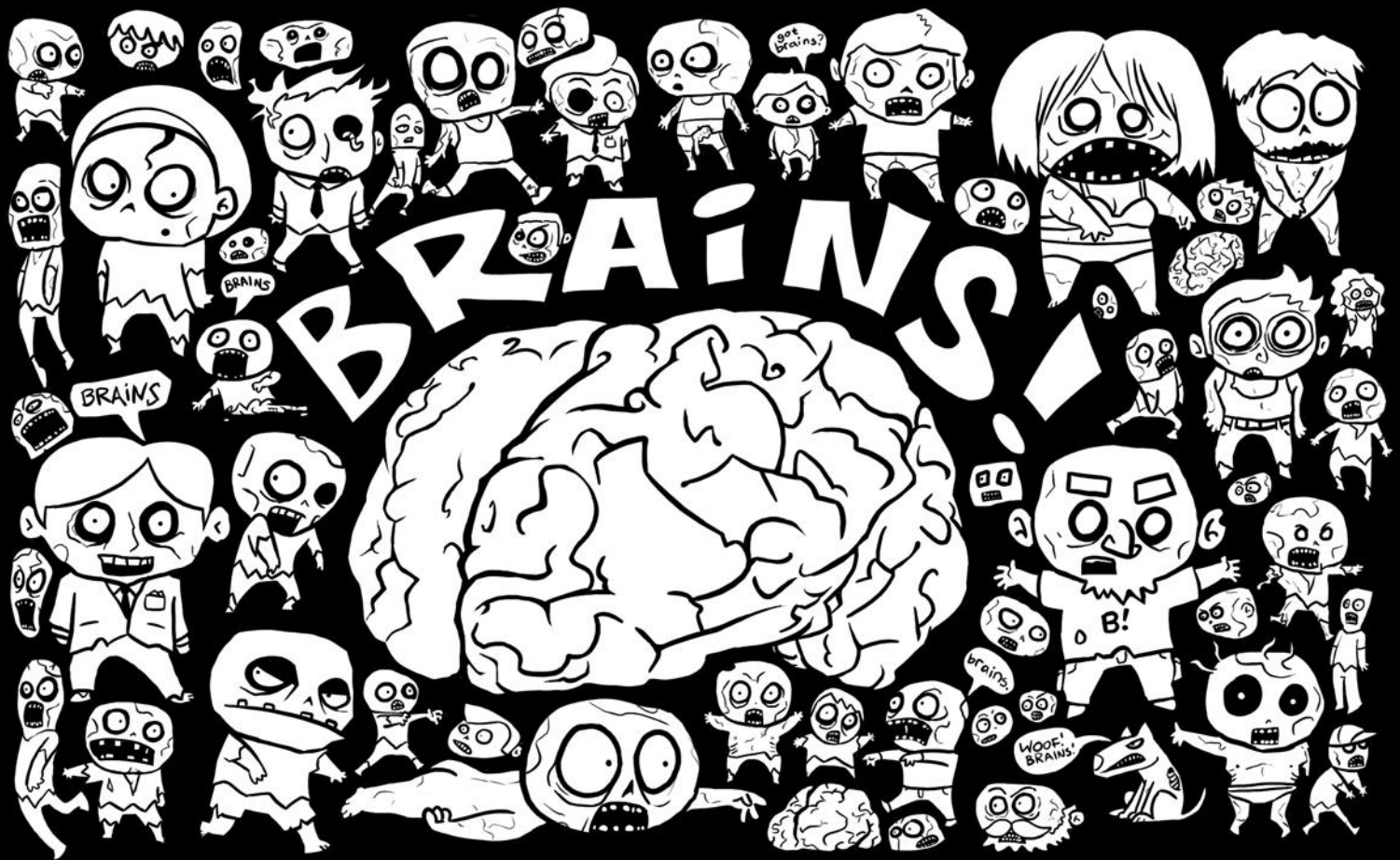

ТАРАКАНЫ

ЧИСТОГО РАЗУМА

А П К Р И Ф

Литературно-эзотерический журнал. Приложение №7. Август 2010

Литературно-эзотерический журнал

АПОКРИФ

Приложение № 7. Август 2010

**ЗА ЮМОР И ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ!
ДЕЛАЙ ЧТО ЖЕЛАЕШЬ —
ЖЕЛАЙ НЕВОЗМОЖНОГО!**

Журнал издаётся с 2006 года.

*Копирование и распространение
всего журнала и его отдельных ма-
териалов разрешено и приветству-
ется при условии ссылки на автора
материала и указания электронного
адреса журнала*

<http://apokrif93.a-z-o-t.com>).

*Мнение редакции может
не совпадать с мнением авторов.*

Copyright:

- © Орден Белой Обезьяны, 2010;
 - © Клуб «93 in 39: Цитадель Хаоса»
(рабочая группа по организации
Лагеря Ordo Templi Orientis
в Калининграде, 2010;
 - © Калининградский
эзотерико-информационный центр
«93 in 39», 2010;
- а также авторы журнала.

Редактор, корректор, верстальщик:

Fr. Nyarlathotep Otis.
236000 Калининград,
ул. Нарвская 17, 11.

<http://apokrif93.a-z-o-t.com>

<http://vk.com/apokrif93>

E-mail: 93in39@gmail.com

Помощник редактора —
Сотанон

*Оформление обложки:
Paperdaeton*

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

• 3 •

Часть 1.

СТЕЗЯ ШЕСТИНОГИХ

• 4 •

Часть 2.

ЗАПАХ АЛЛАХА

• 13 •

Часть 3.

МЕЛАНГЕЛИЕ

• 28 •

Часть 4.

СМЕРТОГРАД

• 38 •

Часть 5.

КЛАН ТАРАКАНА

• 49 •

Указатель упоминаемых имён

• 81 •

Указатель географических названий

• 84 •

Предисловие

Это приложение целиком посвящено творчеству замечательного петербургского философа Алексея Иваненко. В свои 32 года он успел состояться как академический философ. Иваненко защитил кандидатскую диссертацию по философии, получил звание доцента и наработал десятилетний непрерывный педагогический стаж в петербургских вузах. Однако как истинный петербургский интеллигент он не мог замкнуть свои духовные искания в жёстких рамках государственного стандарта. Оказавшись свидетелем глубокого культурологического кризиса России, Иваненко проявил себя как радикальный публицист и лектор. Его статьи публиковала разнообразная критическая пресса от газеты «Лимонка» до чеченского сайта «Кавказ-центр». Со своими лекциями он выступал в «Философском кафе» в арт-центре на Пушкинской-10, а также в рамках проекта «Интерзона» в заброшенных помещениях питерского завода «Красный треугольник». Активно пишет статьи для международной сетевой энциклопедии Википедия.

Продолжая традиции русской философии, Иваненко причудливо совмещает острый пафос социальной критики с богоискательством. Разочаровавшись в казённом православии Московского патриархата, он одно время был близок к Национальной организации русских мусульман, но к настоящему времени его духовный выбор остановился на классическом протестантизме евангелическо-лютеранского толка. Впрочем, религия никогда не была для Иваненко некой доктриной, дававшей ответы на все вопросы, но, скорее, неким снаряжением, с которым можно идти по духовному пути. При этом коллеги часто характеризовали стиль мысли Иваненко как постмодернистский, на что он любил отвечать, что постмодернизм — это не направление, а ситуация, в котором оказались современные интеллектуалы.

Данное приложение озаглавлено «Тараканы чистого разума», где под тараканами понимаются именно «те, что в голове», некие идеи, которые мучительно волнуют коллективное сознание современной эпохи. Термин «тараканы» взят не случайно, ибо речь идёт не просто об идеях, но тех идеях, которые питаются отходами перебродившей классики, которые вылезают в тёмные моменты коллективного помрачения. Ибо дело философа не создавать материальные ценности, управлять ими или оберегать их, но просто смотреть вдаль, вглядываясь умственным оком во тьму грядущего.

*Олег Борисович Гуцуляк,
к.ф.н., доцент Прикарпатского
национального университета им. В. Стефаника
(Ивано-Франковск, Украина)*

ЧАСТЬ 1. СТЕЗЯ ШЕСТИНОГИХ

*Этот таракан живёт в гнёздах муравьёв-листорезов (Atta)
и питается культивируемыми им грибами.*

Отряд таракановые. Жизнь животных. Т. 3

1. ВВЕДЕНИЕ В ПОСТМОДЕРНИСТСКУЮ ДУХОВНОСТЬ

Развитие европейской цивилизации демонстрирует, что религия — это неотъемлемый компонент духовной жизни общества. Попытка отбросить её на свалку истории привела к деградации и появлению «лишнего человека». Ницше прямо связал измельчание человека с европейским нигилизмом. Для преодоления этой ситуации были созданы народнические идеологии левого и правого толка, обратившиеся впоследствии квазирелигиями коммунизма и различными версиями национал-социализма. Однако поклонение народу или даже его вождю есть регрессия к язычеству в его худшей ипостаси, т. е. консервирование прошлого и почитание по-стороннего. Язычество рассматривает человека как существо среди другого существа, как брата волку или медведю, тем самым оно засасывает в повседневность. Язычник не умирает, он переходит из одного состояния в другого: из деревни на кладбище. Ему неведома тоска по бесконечности или ужас Ада. Все его обряды нацелены на сохранение и поддержание гигиены мира, а не на борьбу с ним. Язычник ощущает себя частью экосистемы. Арабский пророк Мухаммед считал, что люди, чей взгляд устремлён к звёздам (сабии) по ту сторону биосферы, уже перестают быть язычниками (мушриками) и становятся Людьюми Писания.

Однако само слово «религия» оказалось дискредитированным. Сейчас средства массовой информации выявляют фундаментальную оппозицию между «традиционными религиями» и «тоталитарными сектами». Эту оппозицию необходимо деконструировать, ибо она скрывает. В изначальном смысле религия — это вера в Бога, но единобожие не должно подменяться монотеизмом. Одним из имён Бога Иисус называл Совершенство: «будьте совершенны (perfecti), как совершенен Отец Ваш Небесный» (Мф. 5:48). Мир же, как известно, этого совершенства лишён и в лучшем случае (посредством эволюции) к нему лишь стремится. Бог неведом, поэтому странно слышать, как последователи некоторых «религий» называют себя православными или правоверными. Якобы достаточно соблюсти обряды и запомнить магико-догматические формулы, чтобы познать Бога. Все эти «религии» сходятся в своей традиционности, будто бы это единственный критерий прямого пути.

Немецкий философ Гадамер указывает, что культ традиции появляется в Европе сравнительно недавно, в XIX веке, на волне романтизма. Традиция — это, по сути, реабилитированное суеверие или «народная мудрость». Вспомним, что именно тогда на Балканах появляется национальное православие, которое богослов Иоанн Мейендорф назовёт ересью «филетизма». В России XIX века цари впервые с эпохи Петра Первого начинают отпускать бороды. В Европе изучают фольклор и начинаются первые археологические раскопки. Архитектура демонстрирует устремлённость в прошлое. Однако против традиций выступали все духовные учителя человечества. Авраам отказался от веры отцов, найдя её противоречащей собственному разуму. Иоанн Креститель призывал к покаянию (метанойя), суть которого в перемене веры. Иисус обличал

фарисеев тем, что они «устранили заповедь Божию преданием (traditionem)» (Мф. 15:6). Поэтому любая «традиционная религия» суть язычество, маскирующееся под религию.

В этой связи становится понятным появление сатанизма, который представляет собой не столько поклонение сатане, сколько деконструкцию христианской традиции. Сатане поклоняться бессмысленно, так как это библейский персонаж, созданный Богом, взбунтовавшийся против него и ввергнутый на вечные муки в Ад. Если вычтеть христианский контекст, магию числа 666, эстетику григорианской мессы, фонетику имён библейских демонов, то сатанизм просто испарится. Его невозможно пересадить на даосскую, индуистскую или буддийскую почву. Посему теоретический сатанизм сразу распался на две версии. Левый, атеистический сатанизм представлен «Сатанинской Библией» основателя Церкви Сатаны Антона Шандора ЛаВея, где сатана — это всего лишь символ самоутверждения и чёрного юмора. Правый, мистический сатанизм представлен Алистером Кроули. Он отождествляет сатанизм с путём левой руки, смысл которого в приближении к трансцендентному Абсолюту не с помощью запретов и ограничений (как в пути правой руки), а посредством их преодоления или, проще говоря, идолоборчества. В этой связи предшественниками мистического сатанизма являются Иисус, утверждавший «суббота для человека, а не человек для субботы» (Мк. 2:27); суфии, пренебрегающие нормами шариа ради искренности своей веры; а также сжигающие статуи Будды мастера Дзен.

Оппозицией традиционных религий часто называют тоталитарные секты, которые критикуются за тотальную регламентацию жизни и сознания каждого адепта. Однако при подобном подходе мы не видим принципиальной разницы между сектой и традиционной религией, которая также пытается регламентировать жизнь верующих. Сила и новизна тоталитарных сект в догматике. Они совмещают в себе различные духовные традиции: германо-кельтское язычество, христианство, ренессансную науку, индо-буддийские практики, китайскую философию, духовность нагуа, сибирский шаманизм и африканскую магию. Сегодня этот синтез называется New Age, раньше — теософией. Изучение различных духовных практик высвечивает параллели, которые позволяют преодолеть конфессиональную ограниченность.

Если мы признаём, что Иисус — Сын Божий, которому даровано было Евангелие, то сказанные им слова мы находим у китайского мудреца Конфуция, жившего за полтысячелетия до Рождества:

Иисус Христос: «Во всём, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки» (Мф. 7:12).

Конфуций говорил, что человечность (центральное понятие его этики) — это когда «не делают другим того, чего не хотят себе»¹.

Если сказанное Иисусом — слова Бога, то сказанное Конфуцием — тоже слова Бога. Тогда любые заявления о том, что вся полнота истины содержится в какой-либо отдельно взятой конфессии, звучат, по меньшей мере, самонадеянно. Изучение чуждых традиций бесполезно, поскольку помогает понять собственную традицию и осознать её пределы.

Знакомство с индуистской традицией позволяет лучше постичь ипостась Святого Духа, ибо учение о святой Троице характерно не только для ортодоксального христианства, но и для индуизма: Брахма — Бог Творец, Вишну — Господь Вседержитель, и Шива — Господь очистительного разрушения. Если тождество первых двух лиц христианской и индуистской Троицы практически не вызывает сомнений, то о третьем необходимо сказать особо.

Из открытых источников известно, что Шива изображается с синей кожей и третьим глазом мудрости. Двумя его сыновьями (экспансиями) являются бог мудрости, слоноголовый Ганеша, и бог войны Сканд. Посредством своего женского начала он правит последней эпохой, Ка-

¹ Конфуций. Луньюй. М., ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 117. Глава 12:2.

ли-югой. В этом он практически идентичен Святому Духу, который ассоциируется с сизым цветом посредством визуализации в форме голубя. Никейский Символ веры указывает, что Святой Дух «глаголал в пророках», т. е. открывал им третий глаз. Ветхозаветная история о Самсоне открывает нам разрушительную функцию третьего лица Троицы: «И сошёл на него Дух Господень, и он (Самсон) растерзал льва как козлёнка» (Суд. 14:6).

Христианские мистики, начиная с Иоахима Флорского, часто говорили о грядущей эре Святого Духа (Водолея), которая должна сменить эру Сына Божьего Иисуса (Рыбы). Православные мыслители, напротив, считают, что на смену эпохи Христа придёт эпоха Антихриста, а Святой Дух уже сошёл на апостолов в день Пятидесятницы в год распятия Христа две тысячи лет назад. Впрочем, мнение ортодоксов с трудом согласуется со словами Христа, где приход Святого Духа описывается как приход человека: «Он, придя, обличит мир о грехе и правде и о суде... Когда же придёт он, дух истины, то наставит вас на всякую истину, ибо не от себя говорить будет, но будет говорить то, что услышит» (Ин. 16:7-14). Мусульмане считают, что в этих строках содержится пророчество о приходе Мухаммеда, которого тамплиеры почитали за Бафомета. В таком случае эра Святого Духа — это время ислама, а Мухаммед является Антихристом по отношению к Христу, подобно тому как Антипасха следует после Пасхи — подтверждением сказанного прежде. Эта гипотеза объясняет «агрессивный», шиваистский характер ислама.

Знакомство с Кораном позволяет избежать привязки к догмату о Троице. До распятия Иисус нигде отчётливо не говорит о троичности Божества. На вопрос, почему он, «будучи человеком, делает себя Богом», Иисус отвечает: «Не написано ли в законе вашем: Я сказал: вы боги?» (Ин. 10:34). Здесь он прямо цитирует Псалтырь Давида, где сказано: «Вы — боги, и сыны Всевышнего — все вы, но вы умрёте как человеки» (Пс. 81:6). Отсюда любая противоположность между монотеизмом и политеизмом кажется уделом книжников. Применительно к запредельному единство и множество имеют относительное применение, поскольку они являются характеристиками нашего мира.

Суть религии не в количестве богов и даже не в самой идее Бога, ибо буддисты вообще ставят под сомнение правомочность применения слова «Бог» к запредельному. Бог перегружен антропоморфными коннотациями. Говоря слово «Бог», мы сразу представляем себе некое человекоподобное существо, которое нас слышит, заботится о нас, требует внимания к своей персоне. Дионисий Ареопагит, которого весьма почитают ортодоксальные христиане, считал, что отрицание Бога несколько не умаляет его достоинства, а, напротив, является вполне допустимым в качестве «апофатического богословия», которое тоньше и адекватнее богословия катафатического.

Суть религии — в идее пути, который византийский теолог Иоанн Лествичник называл Лестницей Иакова, суфии — тарикатом, буддисты — колесницей, а китайские мудрецы — дао. Путь — это, разумеется, метафора внутреннего самосовершенствования, идея upgrade. Имена Бога могут различаться, равно как и способы поклонения ему. Но идея сверхчеловека роднит ортодоксальных христиан и крайних сатанистов.

Все примитивные религии начинают с магии, с попыток формально усовершенствовать человека, сделать его быстрее, неуязвимее, сильнее, наделить его сверхъестественными способностями. Однако летучий сверхчеловек незащищён перед человеческой хитростью, которая со времён верхнего палеолита одерживала верх над самыми лютыми хищниками. Узнав о слабостях, всегда можно на них сыграть, устроив ловушку. Человечество изобрело слишком мощные средства уничтожения, чтобы оставалась надежда на неуязвимость. Прямого попадания ядерной авиабомбы не переживёт ни один супермен, а если и переживёт, то его существование на отравленной и безжизненной земле можно сравнить с пребыванием в аду.

Более развитые религии уже имеют дело с психотехниками. Человек, обладающий высокой степенью интеллекта и самоконтроля, обойдётся ловушкой или даже сможет выбраться из неё, выбрав для поединка с врагом наиболее удобный для себя момент. Яркой иллюстрацией этого служит история Гомера об Одиссее, который хитростью одолел циклопа Полифема — сына бога Посейдона. Напомню, что Одиссей сначала ослепил спящего великана, а потом благополучно покинул его пещеру, затерявшись среди овец. Сила ума способна многократно восполнить физическую силу или обратить её в свою пользу. Ум традиционно развивается за счёт грамоты, поэтому в исламе религия и книжность практически тождественны, а представителей иных религий называют «людьми писания». В самом деле, чтение книг способствует преодолению субъективизма, поскольку читатель вживается в образ главного героя и смотрит на мир его глазами. Это в немалой степени обогащает опыт и способствует развитию ума. На Русь христианство пришло рука об руку с письменностью, а сами агитаторы получили высокое имя просветителей.

Однако масса текстов к настоящему моменту стала критической. Священные Книги обросли комментариями, которые уже не столько поясняют, сколько скрывают суть. К Священным Текстам больше нельзя относиться как к святыням, ибо это провоцирует многобожие. Необходимо искать инварианты, сравнивать различные традиции, преодолевать их ограниченность и вскрывать «спящие смыслы».

2. ПОСТМОДЕРН КАК ТЁМНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

Постмодерн часто определяют этимологически: то, что после Модерна. Однако до конца остаётся не прояснённым, что же такое модерн. В искусстве модерном называют стиль рубежа XIX и XX веков, а в философии — некую допостмодернистскую парадигму онто-тео-логоцентризма и веры в метарассказы, имеющую размытые временные пределы от эпохи Нового Времени (Лиотар) до более масштабной эры платонизма (Делёз). При ближайшем рассмотрении оказывается, что эти эпохи неоднородны.

Историческое Новое время вызывает отчётливые параллели с эпохой классицизма и Просвещения, но оно закончилось задолго до наступления Постмодерна, приход которого обычно датируют серединой XX века. Эпоху Нового времени сменяет эпоха романтизма, которую и отрицает Постмодерн. В данном случае можно методологически принять гегелевскую схему развития через отрицание, поскольку она верифицируется феноменом моды, и выстроить следующую цепочку духовных ситуаций: Просвещение — Романтизм — Постмодерн.

Просвещение можно охарактеризовать как эпифеномен Реформации. Бог сохраняется, но из феодального Отца-суверена Он превращается в буржуазного Ремесленника или Великого Архитектора, которому нужны не дети, а ученики. Церковь превращается в аудиторию, чьё место более естественно в рамках научного сообщества. Мир воспринимается посредством метафоры механических часов. Природа пренебрегается как начало дикое, непросвещённое и грубое, которое необходимо инкорпорировать в цивилизацию посредством разума. Рай — это не награда, а проект. Мироощущение Просвещения достаточно позитивно: «После нас хоть потоп» (Людовик XIV) и «Наш мир является наилучшим из возможных» (Лейбниц).

Романтизм отрицает Просвещение по многим пунктам. На смену рациональному Богу приходит безумная Мать Природа, ипостасью которой является Родина-Мать. Пантеизм причудливым образом сочетается с национализмом. Естественность и незакомплексованность становятся главными

темами и добродетелями. Безумие Ван Гога и буйство морской стихии у Айвазовского выявляют основные черты эпохи. Регулярные парки сменяются пейзажными. Появляются феномены туризма, альпинизма и пикника как попытки ритуального воссоединения с природой. Народные суеверия становятся народной мудростью и изучаются как фольклор. Появляется тяга к истории и экзотике «благородных дикарей» у Фенимора Купера и Поля Гогена. Воля ниспровергает разум, а научные сообщества вытесняются политическими организациями, вещающими от имени нации. Романтическими героями становятся бунтари (вспомним, что «народная песня» про Степана Разина является романсом XIX века), пираты из «Острова Сокровищ», шиллеровские разбойники и хулиганы с фабрично-заводских окраин. Романтизм сохраняет своё влияние на протяжении всего XX века: от культа Традиции в современной религиозности до оговорки «в натуре» новых русских эпохи мутных 90-х.

От Постмодерна по гегелевской схеме следует ожидать отрицания романтизма и частичного возвращения к Просвещению, как говорили в советские годы, «на новом витке спирали». В самом деле, мы обнаруживаем в Постмодерне Тёмное Просвещение зомбирующего телевидения, информационных войн и нейро-лингвистического программирования. Бог возвращается, но как номинальный Deus ex machina. Природа превращается в симулякр, а искусство всё становится невысказанным без механических протезов электрогитары, синтезатора, компьютера и цифровой камеры. Современная красота невысказанна без имплантантов и косметических средств, т. е. без некоторой технической обработки, которая получила имя «гламур».

3. ГЛАМУР

Впрочем, к началу XXI века, фрагменты постмодернистской культуры начинают распределяться между полюсами гламур/трэш. Схожим образом выстраиваются металлические опилки при падении в электромагнитное поле. Гламур и трэш приобретают универсальность, сравнимую с универсальностью аполлонического и дионисийского начал, введённых Ницше для характеристики античной культуры. Плюрализм Постмодерна постепенно сменяется дуализмом новой эпохи. Буквально все явления прежней культуры обнаруживают свой гламур и свой трэш. Дуализм проявляется во всём: от двухпартийной политической системы современных западных демократий до двоичного кода компьютерной реальности. Это уже совсем не оппозиция добра и зла, дискредитированная постмодернистской критикой метафизики тождества и отрицания.

Гламур представлен атмосферой модных глянцевых журналов, на которых изображены роскошные женщины в элегантных вечерних нарядах. Гламур также неотделим от гламурных вечеринок, посетители которых должны соответствовать строгому дресс-коду и быть способными проходить фейс-контроль. В эстетике гламур ориентирован на воплощение идеала красоты, а в политике — на формирование олигархии. Неслучайно в 2006 году в России появился такой термин как «гламурный фашизм». Синхронно ему возникли такие элементы «сладкой жизни» как Барвиха и Рублёвка. Гламур и фашизм имеют нечто общее, если, конечно, под фашизмом понимать не концлагерь, Холокост и расизм. Современный гламур транснационален, а его модели представлены различным цветом кожи. Впрочем, гламур не отрицает противопоставление избранного меньшинства всем остальным на основе сложного механизма эстетического отбора. Человек, не являющийся клиентом центров эстетической хирургии, дорогих бутиков, салонов красоты, обречён быть изгоем гламурного мира. Призывая к индивидуальности, гламур требует безоговорочного конформизма. Он ничего не объясняет, внушает, пантажирюя своим совершенством. У него нет внутренней стороны, только шик и внешний блеск.

Впервые слово «гламур» к нам пришло в редуцированном виде и применялось к обозначению одного из направлений рок-музыки — к глэм-року. Ярким представителем глэм-рока считается появившаяся в 1973 году группа Kiss. В глэм-роке основной акцент делается не на содержании или звучании, а на броском макияже и необычных нарядах. Но гламур не похож на глэм. Эпатаж и экстравагантность прошли как детская болезнь левизны, но общий акцент на внешний эффект обнаруживает содержательное родство этих двух однокоренных слов. В европейской древности не принято было доверять внешней красоте при отсутствии внутреннего содержания. Ближайшим аналогом слова «гламур» в церковнославянском языке является *преlestь*. Однако гламур совсем не похож на пустого языческого идола из библейских легенд, которого можно сокрушить ударом философствующего молота. За одной оболочкой в гламуре скрывается другая. Если дотошный искатель всё же обнаруживает пустоту, то циклическая мода на буддизм (от Шопенгауэра до Оле Нидала) убеждает, что именно пустота и оказывается предельной сутью всего и желанным благом, готовым принять утомлённого путника.

Гламур отнюдь не замкнут рамками престижных подиумов и VIP-вечеринок. Он вторгается в жизнь каждого человека посредством кино и рекламы, которая обещает причащение в обмен на потребление. Гламур с трудом поддаётся преодолению, потому что сила его в моде, которая непрерывно отрицает саму себя. То, что было модным вчера, старомодно сегодня. Мельтешение тенденций завораживает и обезоруживает одновременно, потому что оно превосходит пределы индивидуального сознания, будучи порождением сознания коллективного. В какой-то мере это созвучно философии Платона, который в своём диалоге «Гиппий больший» утверждает, что ни одна вещь не может быть адекватной идее красоты, поэтому она воплощается в столь разнородных вещах как красивая девушка, красивая кобылица, красивая лира и даже красивый горшок. Моду можно определить как разорванную во времени красоту, учитывая, что именно Кант утверждал, что противоречивое существует благодаря времени. Но гламур — это совсем не современное выражение красоты. К горшкам и лошадям понятие «гламур» не применимо. Древняя красота была неотделима от блага и функциональности. В ней ещё дышала природа и здоровье. В гламуре, напротив, есть что-то бесполезное и даже нездоровое. В 2006 году мировая общественность, убеждённая в тождестве красоты и гламура, была шокирована смертью от недоедания двух высокооплачиваемых латиноамериканских моделей (Луизель Рамос и Анны Каролины Рестон). Гламур вытесняет в коллективном сознании красоту, оставляя за нею место своей ослабленной эманации. Сегодня мы уже сомневаемся, были ли красивы нищие, нечёсанные, немывшие и не чистившие зубов, но здоровые люди древности.

Гламур — это символический концентрат красоты и престижа, своеобразная красота роскоши и прогресса, образованная при сгущении пересекающихся традиций истолкования прекрасного. Гламур существует не как простая идея, но как сложное вожделенное событие, элементами которого являются роскошный особняк, дорогие автомобили, модная публика, изысканные спиртные напитки. Это вызывает отчётливые аналогии с чувственно-конкретным образом мусульманского рая с черноокими гуриями и реками из вина. Однако гламур не абсолютен. Мы также являемся свидетелями и противоположной тенденции, идущей из рекламных отделов транснациональных корпораций. Так, в 2004 в США концерн Dove объявил о начале «кампании за истинную красоту» (Campaign for Real Beauty), в которой попытался убедить своих покупателей в том, что подлинная красота совместима с возрастом, полнотой и далёкой от идеала кожей. Соблазнительно было бы говорить о смерти гламура, но симулякры не умирают, они лишь симулируют смерть.

Ч. ТРЭШ

Выходя за пределы гламура, мы обнаруживаем его тёмного двойника — трэш, который лишь подчёркивает дуальную структуру современной культуры. Трэш давно перестал быть просто альтернативным жанром и превратился в фундаментальное направление современного искусства, который имеет свои устойчивые проекции в кино и музыке. Об универсальности трэша свидетельствует факт существования такой социальной группы как white trash — англо-американский люмпен-пролетариат из трейлеров, достигший предельной стадии отчуждения не только от средств производства, но и от самого производства. Советскую систему критиковали за то, что в ней человек превращается в «винтика системы». White trash — это ненужный винтик. Его российским аналогом являются бомжи, однако это сравнение порождает избыточные субъективно-эмоциональные ассоциации.

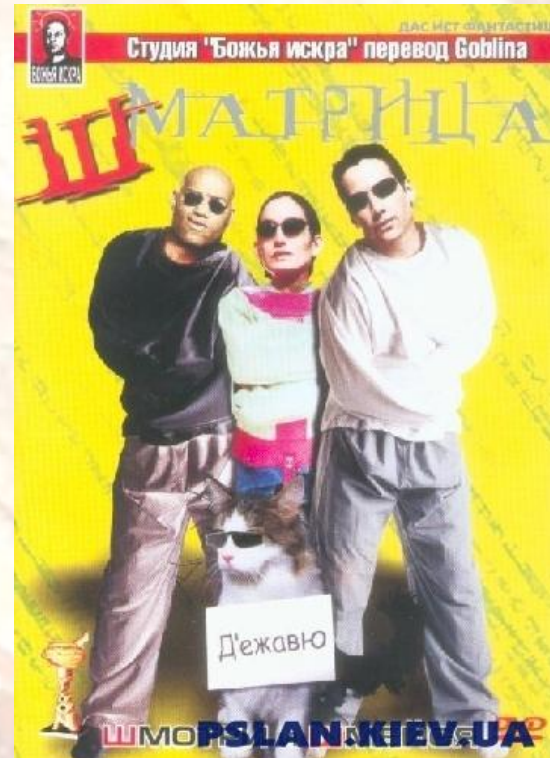
Если гламур — это шик, то трэш — это мусор. Не часть экосистемы, как африканские пигмеи, а именно отходы жизнедеятельности. Трэш принципиально вторичен, абсурден и чрезмерен. Трэш в кино лишён сюжетной линии и построен на чередовании сцен бессмысленной жестокости. Его даже можно определить как порнографию смерти, ибо после сексуальной революции, замечает Бодрийяр в своей работе «Символический обмен и смерть», непристойной остаётся лишь смерть. Принципиальная вторичность трэша выражена в фигуре живого мертвеца. Он уже не вызывает страха, а лишь смех или отвращение. Причём смех зачастую продиктован воспроизводством где-то уже виденного события. Трэш, мусор — это нечто сломанное: сломанные вещи, люди, сюжеты. *Déjà vu* — «сбой системы» — именно так, после сцены с кошкой из «Матрицы», мыслится основной атрибут сломанного.

Трэш в музыке удачно определяется через фразу «thrash-core — hardcore punk», т. е. трэш — это тяжёлый панк, что вызывает ассоциации с поэтическим выражением жизни неблагополучного человека под тяжёлую музыку. Неблагополучие здесь следует понимать в философском смысле вторичной или неподлинной экзистенции, выбор за которую уже сделан. Обычно отсутствие эстетики подразумевает некую неприглядную правду жизни. Однако современное понятие правды и реальности уже не противопоставляется иллюзии. Гуссерль, а, возможно, ещё Юм, убедительно доказали, что единственное, с чем мы имеем дело — это факты нашего сознания. Поэтому реальность — это тоже сон, только сон кошмарный. Реальность, предъявляемая в reality-show, режиссируется и монтируется не в меньшей степени, чем привычный фильм, а участники шоу проходят не менее строгий кастинг, чем обычные актёры. Основное к ним требование — это соответствие фантазму реального. Реальность должна удовлетворять традиционно низменным, репрессируемым потребностям, т. е. чувству низменной любви или раздражения. Любопытно, что лингвистически реальное определяется как то, что наносит травму, то, с чем сталкиваются.

В фильме «Матрица» есть сцена допроса арестованного Морфиуса, где агент Смит, являясь компьютерной программой, обвиняет людей в том, что они не способны принять реальность без страданий. В этом утверждении есть отголосок буддийской характеристики бытия, однако все классические практики основывались на избавлении от страданий. Сегодня же в трэше и субкультурах BDSM страдание парадоксальным образом культивируется. Возможно, защитные реакции организма испытывают голод и нуждаются в своём удовлетворении. Однако подобная интерпретация чересчур натуралистична.

5. ГОБЛИНСКИЙ ДЕКОНСТРУКТИВИЗМ

Постмодернистское искусство предлагает радикально новую стратегию производства смысла, поскольку ренессансная идея художника как творца оказалась дискредитированной развитием критики в контексте романтической реанимации традиции. Художник уже не может больше игнорировать традицию, которая влияет на его творчество и деформирует его. Поэтому к 1966 году в работе Мишеля Фуко «Слова и вещи» формируется представление о смерти субъекта, а в статье Ролана Барта говорится и о смерти автора.

На смену творчеству приходит интерпретация, которая составляет суть концептуального искусства, проявленного в инсталляциях, видео-арте и электронной музыке. Художественный образ не творится, а заимствуется или, как принято говорить про электронную музыку, сэмплируется. Затем он подвергается деформации и включается в новый непривычный контекст. Вместо порчи образа мы получаем новый самостоятельный образ — симулякр, как его понимал Делёз, — мятежную и эмансипированную копию.

Обретая новые смыслы, понятие интерпретации нуждается в прояснении, поскольку мы традиционно видим в нём эпистемологическую, а не эстетическую категорию. Философия и искусство равно выражают коллективное сознание, отсюда их параллелизм. Так, экзистенциализм в философии часто сопоставляют с экспрессионизмом в живописи. Равно и постмодернизм в философии можно сопоставить с концептуальным искусством. Тогда аналогом интерпретации будет деконструкция. Эти две категории взаимно раскрывают смысл друг друга.

Обратимся за примером к такому произведению современного концептуального искусства как «Шматрица» Гоблина, выполненному Дмитрием Пучковым под псевдонимом Гоблин. Художественный приём Пучкова заключается в том, что он при незначительной деформации видеоряда массового кинематографа накладывает оригинальный иронический текст с саундтреком,

собранным из популярных мелодий. Предшественником Дмитрия Пучкова можно назвать Михаила Ромма, который в 1965-м создал антифашистский фильм «Обыкновенный фашизм» на основе видеоряда нацистских фильмов Лени Рифеншталь. В итоге получается совершенно самостоятельное художественное целое. Так, в работе «Шматрица» видеоряд сэмплирован из культового киберпанковского фильма братьев Вачовски «Матрица» (1999). Однако сюжетная линия коренным образом меняется, вскрывая глубины русского коллективного бессознательного.

Один из первых шагов деконструкции — в выявлении оппозиции и в инверсии, восходящей к практике дадаизма, где смысл рождался из отрицания троюизма. Действия фильма «Шматрица» развиваются не в далёком будущем, а в недавнем альтернативном прошлом 1947 года. Главными злодеями фильма оказываются победившие нацисты, а главным героем — Штирлиц (Киану Ривз), потерявший память в результате контузии. Помощниками главного героя оказываются партизаны с бронепоезда «Клим Ворошилов» во главе с Матвеем Матвеевичем (Лоуренс Фишберн). Причём Матвей не освобождает сознание, а туманит его красными галлюциногенами.

Изначально творчество Пучкова шло от переводов американских фильмов. Он осознал, что любой перевод есть интерпретация, включение в контекст зрителя. А российский зритель оказывается совершенно в ином мировоззренческом контексте, чем американский. Отсюда акценты, понятия добра и зла смещаются. Если американцы, следуя поговорке *go ahead*, ориентированы в будущее (оттого фантастика занимает значительный сегмент их массовой культуры), то в России травматический опыт коммунизма очевидным образом этому препятствует. После Перестройки русские обратились к прошлому. Однако в контексте возрождающегося консерватизма возникла опасность народно-патриотического бунта против модернизации, поэтому власти активно насаждают антифашистскую идеологию и главными врагами оказываются фашисты. Посему интерпретация подразумевает оперирование с идеологемами зрителя.

Вторым элементом деконструкции являются ассоциации и созвучия. Фашисты ассоциируются в русском сознании с сериалом Татьяны Лиозновой «Семнадцать мгновений весны» (1973). Эта связь закрепилась на уровне городского фольклора — анекдотов. Поэтому Избранным оказывается советский разведчик Штирлиц, а встреча с Оракулом оказывается встречей с бывшей женой (Глория Фостер). Негр Морфиус вызвал у Пучкова ассоциации с поп-исполнителем проекта «Фабрика звёзд-2» (2003) Пьером Нарциссом, известным своим хитом «Шоколадный Заяц». Имя Морфиус оказывается созвучным имени Матвей, а «таблетки истины» — с наркотиками. Скептическое после крушения советских идеалов сознание российского зрителя видит за фантастическими спецэффектами фильма деятельность галлюциногенов.

Таким образом, гоблинская деконструкция использует заимствованный и деформированный прообраз как средство вскрытия коллективного бессознательного. Изначально концептуальное искусство появилось на волне критики тоталитарной практики XX века, проявляющейся, в том числе, и в монополии на смысл. Отсюда многозначность и нередуцируемая двусмысленность произведений современного искусства.

Однако освобождённое сознание часто заполняют всплывающие из подсознания архетипы. Внешние вещи оказываются зеркалами собственного «я», которые символизируют не слепоту, а путь к себе, в современность, к страхам фашизма, безумия и наркомании. Эти темы, к слову, присутствуют и в других работах Пучкова. Так, в работе «Возвращение Бомжа» назгулы Толкиена превращаются в эзэсовцев, главный герой страдает психозом, и только наркомания заменена алкоголизмом. В «Буре в стакане» появляется тема сект (джедаи оказываются кришнаитами), исламского терроризма (малиновый джихад) и нелегальной иммиграции. Архетипы блокируют восприятие реальности и закливают существование, поэтому они должны быть активизированы и взломаны посредством деконструкции.

Часть 2. ЗНАХ АЛЛАХА

Кто над нами вверх ногами?

Загадка

1. исламские смыслы “матрицы”

Рассмотрим культовый киберпанковский фильм братьев Вачовски «Матрица» (1999) через призму ислама, дабы столкновение полярных традиций позволило нам высечь искры смысла. На наш взгляд, фильм «Матрица» описывает одно из ключевых понятий современной исламской теологии — понятие куфра. Куфр (كفر) — это метафизическая оппозиция веры (иман). Это то, что делает человека кафиром (неверным, или «поганым») в этой жизни и обитателем ада в будущей. Это то, что преодолевается в процессе джихада.

Матрица есть куфр. «Увы, невозможно объяснить, что такое Матрица», — говорит главному герою амир моджахедов Морфиус. Матрица повсюду. Человек пребывает в ней, совершая свои повседневные дела. Так же и с неверием. Матрица — это мир грёз, надвинутый на глаза, чтобы скрыть истину. Напомню, что арабское слово «неверие» (куфр) в дословном переводе означает именно «сокрытие» и «утаивание». Славянский же эквивалент куфра («неверие») буквально означает отсутствие веры. Матрица, как и куфр — это «темница для разума», или, выражаясь более заумным языком, «нейроактивная модель».

Чтобы не мистифицировать читателя, разберёмся с последним определением куфра. «Нейро» — это составная часть сложных слов, которая восходит к греческому обозначению нерва, жилы или тетивы. В контексте рассуждения Морфиуса, нервы — это естественные информационные каналы. Безусловно, мы должны выйти за пределы привычной биологии, ибо Коран указывает, что куфр не является прерогативой человека. Первым измыслил куфр Иблис — джинн (2:34; 18:50), разумное энергетическое существо, напоминающее европейских эльфов.

Первичный куфр напоминает то, что современные философы назвали бы «шизоидным дискурсом» (фрагментарным или расколотым рассуждением) или «дискурсом с атрофированным основанием». Напомню, дьявол приводит следующее рассуждение: «Я лучше его (человека): Ты создал меня из огня, а его создал из глины» (39:76). Подобное логическое по форме рассуждение (огонь совершеннее глины, следовательно, производные огня совершеннее производных глины, совершенное не может поклоняться несовершенному) обособилось от первоисточника и жидителя любой информации — от Аллаха. Слово Бога — это гипотетическая основа познания, ибо они произносятся в вечности. Любой же вывод из них имеет частное применение и не может противоречить основе, ибо Божественный Интеллект бесконечно превосходит конечный интеллект джинна, человека или любого иного производного существа.

Но что такое рассуждение (дискурс), как не вид информации — система, определяющая последующие действия? ДНК определяет синтез белка, слухи порождают панику, инструкция определяет способ эксплуатации техники. Куфр определяет грех, а вера (иман) — продвижение по прямому пути.

Кафиры — это абоненты куфра, часть системы и носители дьявольской информации. Часть из них способна обратиться к истинной вере, часть не откажется от своих заблуждений даже перед лицом смерти. Амир моджахедов Морфиус говорит об агентах — инструментах саморегуляции системы, которые могут быть сопоставлены с шайтанами.

Неизвестно, сознательно или нет авторы фильма вкладывали исламские смыслы в своё произведение, однако после 11 сентября 2001 года, когда заговорили о конфликте Запада и Ис-

лама, режиссёры Вачовски спохватились и в 2003-м сняли два продолжения (сиквелы): «Матрица: Перезагрузка» и «Матрица: Революция». Герои были прежние, но исламские смыслы первой «Матрицы» были заметно и серьёзно искажены. Пророчица, предсказавшая миссию главного героя, оказывается агентом системы, а основным врагом становится освобождённый агент Смит, который превращается в компьютерный вирус Матрицы. А в конце третьей части главный герой и вовсе идёт на поклон к создателю Матрицы (Иблису, по исламской терминологии) и становится отступником. Впрочем, это лишь свидетельствует о явном присутствии исламских смыслов в первой части, главным из которых является перевод коранического термина «куфр» на современный язык в качестве Матрицы.

2. *цлья муромец — участник ажихлаа*

Как это ни парадоксально, но русская культура имеет исламские корни. В царское время, особенно в конце XIX в., этот факт сознательно искажался и замалчивался. Причины понять несложно: многолетнее русско-турецкое противостояние и германофильство русской интеллигенции. По инерции эта политика была адаптирована советской и постсоветской эпохами. Однако посмотрим на вещи трезво.

Всем известен русский сказочный образ молочных рек, но мало кто догадывается, что он восходит к райскому источнику, упомянутому в Священном Коране (Сура «Мухаммед» аят 15). Всем известно русское выражение «быть на седьмом небе от счастья», но мало кто знает, что оно отсылает к мусульманскому учению о семи сотворённых Аллахом небесах (Сура 65 «Развод» аят 12). Всем известен русский обычай плевать через левое плечо, но мало кто знает его значение. По мусульманскому преданию, Бог приставил к каждому человеку двух ангелов — доброго и злого, которые стоят, соответственно, за правым и левым плечами. Первый записывает хорошие поступки, а второй — плохие.

Примеров можно привести много, но особенно интересен случай с былинными богатырями. В русской гуманитарной науке этот образ начал активно разрабатываться со второй половины XIX в. Русские историки и фольклористы были отнюдь не объективны. Официальный заказ и новомодные веяния привели к тому, что в образе богатырей мы видим, скорее, стереотипы XIX в, чем реальных прототипов былин. Богатыри оказываются то верноподданными пограничниками (известная картина Васнецова «Богатыри»), то романтическими героями.

Но обратимся к текстам былин. Слова «богатырь» и «казак» в них используются как синонимы. Оба термина — тюркизмы («батырь» и «казак»). Действия былин происходят не в лесах, где обычно селились славяне (неслучайно наш язык передаёт различные смысловые оттенки слова «лес» — роща, чаща, бор, дебри), а в евразийских степях. Известный богатырь Илья (Илиас) рождается в селении с характерно неславянским названием Карачарово. В тюркских языках *qara* указывает на чёрный цвет (Каракумы — чёрные пески, Карадаг — чёрная гора). Основа *çeri* встречается в турецком слове Яны-чары и обозначает войско. Таким образом, Кара-чары — это «чёрное войско». Попробуем ответить на вопрос: что богатыря делает богатырём? Все они воители: Илиас из Карачарова, Алёша Попович (ибн Мулла) и Добрыня Никитич. Они сражаются с поганями. Кто такие поганые? Слово это не славянское, тогда его истоки следует искать в других языках.

В английском *ragan* обозначает язычника. Но истоки этого слова следует искать не в германских языках, а в латыни, где *raganus* имеет значение сельского жителя. Нет противоречия в предположении, что слово «поганый» попало в славянские и германские языки из латыни подобно другим. Почему оно приобрело откровенно негативный смысл? Очевидно, в то время, когда распространялось Евангелие, проповеданное Иисусом Христом, языческие заблуждения дольше всего держались в консервативной сельской среде. Тогда слово «поганый» является синонимом слова «кафир» (неверный), а «погань» — «куфр» (неверие). В таком случае, былинные богатыри были участниками священной войны с неверием, т. е. джихада. Значит, по существу они были моджахедами. В самом деле, что говорит Илиас Добрыне в былине «Михайло Потыю»: «А едь-ко ты, Добрыня, за сине море, кори-тко ты языки там неверные», т. е. сражайся с кафирами.

Конечно, фиксаторы и интерпретаторы былин были одержимы славянофильской и народнической (как официальной, так и альтернативной) идеологиями, поэтому в былинах мы видим много противоречий. Однако факт остаётся фактом, несмотря на все замутнения, подлинной сутью богатыря был джихад.

В завершение приведу два идентичных отрывка из былины и Священного Корана.

«Как два русских-де борются, надо разговаривать, а и русский с неверным, дак надо помощь дать, а два же нерусских, дак надо прочь ехать» (Поединок Дуная Ивановича с Добрыней Никитичем).

«И если бы два отряда правоверных сражаются, то примирите их. Если же один будет несправедлив против другого, то сражайтесь с тем, который несправедлив, пока он не обратится к велению Аллаха» (Сура 49 «Комнаты» аят 9).

Русские богатыри были моджахедами. По крайней мере, эта версия не встречает противоречий в историко-культурном контексте и объясняет многие неясные факты.

3. ПОЭТИКА ВЛХ-ХОБИТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Одной из причин кризиса современной философии является инфляция категорий. Мы можем соглашаться с тем, что Парменид или Аристотель имели выход к бытию, что их тексты являются территорией встречи с истиной, однако их бытие кануло в небытие, а их истина стала ложью. Некоторые современные философы пытаются провести инверсию классических категорий, надеясь прийти к пониманию современности. Так, Сартр меняет понятие эссенции на экзистенцию, а Делёз — сущность на события. Однако было бы слишком просто видеть в современности отрицание древности. Современность другая. Она содержит не только отрицание.

Категории по определению являются универсальными или предельно общими понятиями, в свете которых мы способны осознать действительность. Но действительность меняется, и те катего-

рин, которые выражали её адекватно в прошлом, оказываются неадекватными в настоящем. Современность рождает неологизмы. Некоторые из них носят универсальный характер. Они образуют уплотнение смысла, на основе которого понимание и может иметь место.

Одним из таковых неологизмов является ваххабизм. Поистине экзистенциальный страх перед ним охватил Россию накануне третьего тысячелетия. Экзистенциальным он является потому, что в нём мы как будто прикасаемся к иному, в свете которого наше бытие обретает целостность и полноту. В ваххабитах мы как будто обретаем своего двойника — таинственного Другого, позволяющего нам пережить акт самосознания. Похожим образом, посредством ужаса небытия, Хайдеггер пытался обнаружить своё бытие присутствия. Страх не только естественен, являясь производным от инстинкта самосохранения, он также помогает обрести подлинность и избежать психотического распада.

Существует анекдот, в котором наивное сознание предпринимает попытку мифологического истолкования феномена ваххабизма:

Однажды грузины увидели в горах человечков с мохнатыми ногами и спросили у них, кто они такие.

— Мы — хоббиты, — ответили человечки.

— Вах! Вах! Хоббиты! — удивились грузины.

Так появились ваххабиты.

Безусловно, подобная этимология не выдерживает никакой критики. Ваххабизм — это религиозно-политическая доктрина арабского национально-освободительного движения, основанного исламским теологом Мухаммадом ибн Абд аль-Ваххабом, чьё имя, в свою очередь, восходит к одному из 99 Имен Аллаха — Ваххаб (الوهاب), что в переводе означает «Дающий». Первые ваххабизм проявил себя в 1740 году как идеология арабского восстания против Османской империи, которое так и не удалось усмирить, поскольку повстанцы создали в 1932 году королевство Саудовская Аравия.

Однако эта академически безупречная этимология не даёт нам ответа, почему на рубеже третьего тысячелетия Россию в багаже террористов наряду со стандартным набором (взрывчатка, наркотики и фальшивые доллары) вдруг стали находить таинственную «литературу ваххабитского толка».

Те, кого во всём мире называют ваххабитами, осознают себя как мусульмане ханбалитского мазхаба или салафиты. Особым авторитетом у них пользуются учёные Ахмад ибн Ханбал (780-855) и ибн Таймия (1263-1328). Первый полагал, что в спорных вопросах мусульмане должны подражать жизни пророка и избегать нововведений. Второй был одним из самых последовательных критиков суфизма, пренебрегающего внешними обрядовыми нормами ради достижения особой искренности в вере.

Ваххабиты использовали аргументы этих учёных для дискредитации Османской империи, чьё руководство находилось под сильным влиянием суфийских орденов. К примеру, корпус янычар, составлявших основу турецкой армии, был сформирован и вплоть до XIX века находился под полным контролем суфийского ордена бекташей. Бородатые ваххабитские повстанцы XVIII века внешне отличались от безбородых янычар, и это отличие трактовалось как знак особой близости к временам пророка. В современном исламском мире борода также является одним из внешних атрибутов исламского радикала.

Современные российские ваххабиты существенно отличаются от своих тезоименных предшественников. Они появились сравнительно недавно. В Советском Союзе их почти не было. Начавшееся в годы Перестройки религиозное возрождение коснулось и мусульманских регионов России. Тогда ваххабитами начали называть тех мусульман, кто ориентировался не на созданные спецслужбами Духовные Управления, а предпочитал идти самостоятельным путём. Первая организация мусульман, Исламская партия возрождения (1990-1994), объединяла как бу-

дущих ваххабитов (Багаутдин Кебедов), так и откровенных шиитов (Гейдар Джемаль), так что говорить о ней как о гнезде российского ваххабизма не приходится.

Впервые российские ваххабиты заявили о себе как о силе в 1998 году одновременно в двух регионах Северного Кавказа: в Дагестане и Чечне. В двух случаях всплеск ваххабизма был связан с именем Хаттаба. После того как он женился на дочери старейшины села Кармахи, оно превратилось в оплот дагестанского ваххабизма. Параллельно его ученик Арби Бараев — бригадный генерал Исламского Полка Особого Назначения — явился одним из инициаторов сражения за город Гудермес 14-15 июля 1998 года с бойцами Национальной Гвардии Ичкерии, которую возглавляли многострадальные братья Ямадаевы. Эти события знаменательны тем, что инициаторами их были объявлены ваххабиты, которые были преданы публичной анафеме на съезде мусульман Северного Кавказа в Грозном 25 июля 1998 года. Спустя год имя Хаттаба звучит в связи с ваххабитским вторжением в Дагестан. Из всех известных полевых командиров именно он был связан по рождению с ваххабитской Саудовской Аравией. Однако обстоятельства жизни и внешний облик заставляют усомниться в его ваххабизме. Хаттаб носил длинные волосы, чёрный берет и камуфляж. Примечательно, что узнал о джихаде в Чечне не в мечети, а по новостям CNN.

Не менее известен сподвижник Хаттаба Шамиль Басаев, взявший псевдоним Абдаллах Шамиль Абу Идрис. Он осуществлял непосредственное военное руководство мятежными дагестанскими ваххабитами в августе-сентябре 1999 года, однако совсем не по-ваххабитски называл свои военные операции именами суфийских шейхов XIX века: Гази-Магомед и Гамзат-бек.

Тогда российские ваххабиты активно использовали такие «нововведения» как видео и Интернет для обеспечения информационного прикрытия своим акциям, что совсем не соответствует образу варваров-архаистов, какими они были известны британскому историку Тойнби. Интересно заметить, что российские ваххабиты не скрывают своего размежевания с «официальными» саудовскими ваххабитами².

В России о ваххабизме принято говорить в контексте борьбы с терроризмом, выступающим под флагом радикального ислама. Однако эти пересекающиеся понятия не находятся в отношении тождества. Здесь уместно будет вспомнить автономную ваххабитскую республику, существовавшую в Кадарской зоне Буйнакского района Дагестана в 1998-1999 годах. Там местные ваххабиты изгнали представителей органов власти и основали общину, живущую по нормам шариата. Формальным поводом к уничтожению этой зоны федеральными войсками послужило наличие там незаконных вооружённых формирований.

Таким образом, мы вынуждены признать нередуцируемость российского ваххабизма к его арабскому аналогу, поскольку стремление к чистоте ислама и неприятие нововведений в нём не являются принципиальными моментами. Даже на субъективном уровне он не ощущает своего родства с классическим ваххабизмом Саудовской Аравии.

В российском ваххабизме значима приставка *вах-*. Её обычно ошибочно возводят к греческому междометью, однако впервые мы встречаем это восклицание в шиитской традиции, где оно означает одновременно удивление и досаду. Одно из первых её упоминаний относится к 680 году, когда после убийства внука пророка имама Хусейна его сторонники восклицали: Шах Хусейн, вах, Хусейн! — положив начало основному шиитскому празднику шахсей-вахсей.

Исследование российского ваххабизма значимо в рамках критической теории современного общества, поскольку в нём мы сталкиваемся с феноменом, претендующим на трансцендиро-

² «Там [в арабских странах; прим. А. П.] муфтии и правительственные учёные запрещают помогать моджахедам Чечни и даже делать ду'а за них, оправдываясь тем, что не хотят портить отношения с Россией (официальная фетва нынешнего муфтия Саудовской Аравии)» / Ответы Амира Сейфуллаха на вопросы мусульман от 28.08.2006. <http://www.kavkazcenter.com/russ/content/2006/08/28/46749.shtml>.

вание современности. Иногда он мыслится как альтернативная идеология России, постепенно заполняющая духовный вакуум, образовавшийся после коллапса Советского Союза в 1991-м. Однако при таком взгляде нас ждёт разочарование, поскольку ваххабизм не представляет собой последовательной доктрины. Скорее можно говорить о некоторой поэтике или об определённом наборе риторических приёмов, делающих текст ваххабитским.

Обратимся к «Книге муджахеда» Абдаллаха Шамиля Абу Идриса (более известного как Шамиль Басаев). В самом начале своего труда он признаётся, что всего лишь переписал книгу Пауло Коэльо «Книга Воина Света», «убрал излишества и укрепил всё это аятами, хадисами и историями из жизни сахабов»³. Две относительно безобидные литературные традиции, такие как бразильский бестселлер и исламская литература, соединяясь, образуют взрывоопасный интеллектуальный коктейль, подобный бинарному боеприпасу. Подобная практика порождения текста напоминает сюрреалистический коллаж и свидетельствует, что в российском ваххабизме мы сталкиваемся отнюдь не с консервативной реакцией на глобализацию, а с феноменом гораздо более новым и современным, чем это принято считать.

Современный мусульманский фундаментализм, представляющий собой зарубежный аналог современного российского ваххабизма, замечает Славой Жижек, не является подлинным фундаментализмом. В его появлении немалую роль сыграли спецслужбы индустриально развитых стран, а сами исламские организации напоминают «непристойных двойников крупных многонациональных корпораций»⁴. В подтверждение этого тезиса достаточно вспомнить, что Мохаммед Атта, возглавивший атаку исламистов-камикадзе 11 сентября 2001 года, обратился к радикальному исламу, проходя обучение в техническом вузе Гамбурга.

Посему в современном российском контексте следует прекратить упоминать слово ваххабизм в его историко-академическом значении. В этом случае слово ваххабит следовало бы сопоставить со словом хоббит. Здесь мы сознательно отказываемся от этимологических параллелей в пользу параллелей фонетических. Ещё средневековые номиналисты заметили, что раскрытие смысла слова не означает раскрытия сути явления. Слова являются произвольными метками вещей, смысл же постигается в различии.

Хоббиты — это вымышленные существа из популярной трилогии Толкиена «Властелин Колец». Образ, впервые озвученный в 1937-м, оказался весьма продуктивным и глубоко резонирующим массовому сознанию. В 2003 году хоббитами назвали новооткрытых карликовых предков человека (*Homo florensis*), а незадолго до этого в 2002-м перепись населения в России выявила людей, идентифицирующих себя с хоббитами⁵.

Некоторые исследователи полагают, что *hobbit* происходит от сокращения двух слов *ho(mo)bbit* — человек-кролик. Толкиен возражал против подобной интерпретации и настаивал, что этимология слова «хоббит» связана с рытьём нор (*holbyta*). Вряд ли стоит противопоставлять эти толкования, ибо кролики тем и отличаются от зайцев, что роют норы.

В отличие от прочих волшебных народов Средиземья, хоббиты славятся своей неприметностью. Толкиен подчёркивает, что они не упомянуты в героическом эпосе, и никто толком не знает их происхождения. Хоббиты принципиально не герои, и приключения у них не в почёте. Во все авантюры они ввязываются, как правило, помимо своей воли, а если и совершают какие-нибудь подвиги, вроде уничтожения Кольца Всевластья, то случайно.

В своих воспоминаниях Толкиен признавался, что образ хоббитов (не внешний облик, а внутренний мир) является психологическим портретом его соотечественников и современников — од-

³ Абдаллах Шамиль Абу Идрис. Книга муджахеда. http://www.kavkazcenter.com/russ/islam/kniga_mudjahida/.

⁴ Жижек С. Повторение пройденного: урок Муллы Омара / Добро пожаловать в пустыню реального. М., Фонд «Прагматика культуры». 2002. С. 45.

⁵ <http://www.newsru.com/russia/14oct2002/perepis.html>.

нополчан с фронтов Первой мировой войны⁶. Их вполне можно было бы назвать обывателями, или буржуа.

Подобно хоббитам, ваххабиты имманентны современности. Они учатся в западных вузах, читают латиноамериканскую прозу, смотрят новости международных информагенств, «сидят» в Интернете, носят одежду европейского покроя и отращивают волосы. Однако есть одно немаловажное отличие: ваххабитов гнетёт спокойная жизнь.

Славой Жижек заметил, что в нынешнюю эпоху недоверия к позитивному Абсолюту единственным претендентом на роль онтологического основания становится радикальное зло⁷. Чувство преодоления шизоидного и фрагментарного Постмодерна пробудилось после 11 сентября 2001 года, когда вслед за грандиозным террористическим актом последовала паранойяльная и тотальная война против террора. Зло отныне мыслится не в неоплатонической парадигме отрицания бытия, но как шоковой механизм его обнаружения. Первыми это почувствовали творческие люди, создавшие феномены брутального искусства и тяжёлой эстетики.

Средства массовой информации апеллируют к насилию как основе сенсационного, что представляет собой дальнейшее развитие британского эмпиризма, чьи представители заявляли, что реально то, что воспринимается (Беркли), а первичные ощущения создаются воздействием предмета на наши органы чувств (Локк). В условиях тотальной скуки и расслабленности только насильник может оказать сильнейшее воздействие на наши органы чувств.

Насилие достигает своего самосознания в феномене терроризма, причём исследователи отмечают его эволюцию от инструментального до экзистенциального. «Коммунизм и есть вооружённое насилие», — таков был один из лозунгов западногерманской террористической организации Фракция Красной Армии. Однако левый, равно как и правый терроризм не мог приблизиться к абсолютному состоянию, поскольку они вели речь от имени народа. Их дискурс апеллировал к метарассказу «народ».

Ваххабиты, осознавая бытие в режиме Дар уль-Харб (دار الحرب) — Дома Войны, — доводят развёртывание логики отчуждения до предела. Говоря языком Хайдеггера — это *In-der-Krieg-Sein*. Не бытие в мире, а бытие в войне. Вне исламского мира — кафиры (неверные), внутри — мунафики (лицемеры), даже собственная душа (нафс) оказывается врагом. Все уровни реальности оказываются эманациями злого принципа, обозначенного как куфр. Война с ним не имеет тыла. Именно через куфр, точнее, через его отрицание, определяется ключевая практика ваххабитов — джихад.

Любопытно, что на одной из иллюстраций сайта «Кавказ-центр» была изображена демонстрация людей (видимо, в Пакистане) с белым транспарантом, на котором красными буквами было написано по-английски: «We love jihad». Синтаксис фразы построен вполне классически для современной массовой культуры, структурно аналогичное высказывание будет звучать I love MTV. Содержание этих фраз принципиально различно, ибо если MTV, подобно любому другому продукту массовой культуры, означает удовлетворение и согласие, то джихад представляет собой Великий Отказ.

Фраза «мы любим джихад» также выступает оппозицией неопротестантского утверждения «мы любим Бога». Здесь отчётливо видно смещение Делёза с сущностей на процессы. Если в неопротестантизме ценностью обладает сущность, то в постмодернистском ваххабизме на первое место выходит процесс, ибо джихад в дословном переводе с арабского означает «усилие» или «интенсивность». Смысл жизни, по ваххабитам, заключается как раз в том, чтобы существовать в режиме интенсивности до самой смерти. Такие люди получают имя шахидов (свидетелей).

В Душанбе есть площадь под название Шахидон. Это название можно перевести двояко: как площадь героев (официальный перевод) и как площадь шахидов (этимологический перевод).

⁶ Муравьёв В. Предисловие // Толкиен Дж. Р. Р. Хранители. М., Радуга, 1991. С. 13.

⁷ Жижек С. Запах любви. / Добро пожаловать в пустыню реального. М., 2002. С. 153-154.

КУФР

ЭТО МАТРИЦА

4. куфр — это матрица

Нодобно любой универсальной категории, куфр с трудом поддаётся определению. Однако коль скоро мы выяснили имманентность ваххабизма современности, его удачно проясняет образ Матрицы из одноимённого фильма братьев Вачовски, снятого аккурат в год вторжения ваххабитов в Дагестан. Морфеус — один из персонажей фильма — ясно указывает на соотношение куфра и кафиров (неверных):

«Матрица — это система. Система и есть наш враг. Но пока ты в ней, оглянись, кого ты видишь? Бизнесменов, учителей адвокатов, работяг — обычных людей, чей разум мы спасаем. Однако пока эти люди часть системы — они наши враги. Ты должен помнить, что большинство из них не способно принять реальность. А многие из них настолько отравлены или зависимы от системы, что будут драться за неё. Если ты не один из нас, ты один из них».

Куфр и Матрица мыслятся фактическим, но не единственным родом бытия. Им противостоит не небытие, а бытие возможного (ещё-не-бытие), постигаемое в воображении. Феноменологически Сады Праведников (Риядус-Салихин) ваххабитов и Реальность чикагской канализации XXII века героев Матрицы являются фантазмами, но не отсекаемыми, а обогащающими действительность. Именно благодаря этим фантазмам люди способны не поддаваться заботе настоящего мгновения.

Дословный перевод слова «куфр» («сокрытие») можно проинтерпретировать как редукцию бытия к его одной, реализованной в данный момент, возможности. Причём неважно, каким образом эта реализация достигнута — ощущением или убеждением. В любом случае, куфр способствует стагнации и закрытости. Отсюда такие его атрибуты как джахилия и зульм, т. е. невежество как невосприимчивость к многообразию и притеснение как стеснённость существования. Своих врагов ваххабиты нередко обозначают как оккупантов и марионеток, образы которых обозначают принципы внешнего насилия и несвободы. Оккупация имеет место тогда, когда горизонтальные отношения между соседями выстраиваются в иерархию и приводятся к единому знаменателю.

Подобная интерпретация может вызвать возражение, поскольку при всей паранойяльности куфра ваххабиты придерживались строгого единобожия (таухид) и отвергали множественность предметов почитания у суфиев и шиитов (т. н. ширк). Однако возвеличивание трансцендентного принципа есть не что иное, как утверждение относительности данности. Языковая практика ваххабитов изобилует релятивистскими оговорками «инша Аллах», что буквально означает «если пожелает Аллах» и функционально близко к современному выражению «как бы». Жизнь без позитивных онтологических оснований не парализует активность ваххабитов, а, напротив, даёт им широкие возможности для реализации, в т. ч. и для *иджтихада* — права на субъективную интерпретацию, которая никогда не возвышается до уровня христианского догмата, обязательного для всех. Приписывать какому-либо фрагменту действительности трансцендентное измерение и значит совершать ширк (от арабского слова «шарик» — товарищ), т. е. придавать Аллаху товарищей.

5. ШАМБАЛА и Армагеддон

Опыт эсхатологической (анти)утопии

*Руки Аллаха есть только в сознании Будды.
Но вся фишка в том, что сознание Будды всё равно находится в руках Аллаха.*
Виктор Пелевин. Generation «Р»

Существует целый ряд пророчеств, относимых к т. н. Последним Временам. Их невозможно игнорировать, поскольку подобные представления имеют широкое распространение и содер­жатся во всех значительных религиях: авраамических — иудаизме, христианстве, исла­ме, — и неавраамических — индуизме, буддизме, зороастризме, германо-скандинавском языче­стве и т. д. Некоторые объясняют подобную распространённость Откровением Единого Бога ко всему человечеству, преломлённому в разных культурно-исторических контекстах. Другие склонны видеть в этом проявление архетипов коллективного бессознательного. Существуют и иные толкования, но хотелось бы обратить внимание на то, что подобная информация удиви­тельно постоянна и адаптивна. Чистый разум посредством своей имагинативной способности (соображения) как бы нащупывает в своём воображении некую информационную матрицу или объективно существующую идею. Он как будто не может мыслить иначе. Эта идея выражается в виде Армагеддона и возвращается вновь и вновь: страны социалистического лагеря против ка­питалистических стран, цивилизованное общество против международного терроризма. От это­го нельзя просто отмахнуться, ибо даже абсолютно бредовое представление, завладев коллек­тивным сознанием, начинает трансформировать общество, а это уже один из ключевых уровней бытия. «Идея, овладевая массами...» — по-марксистски, но верно.

Подобные представления на стадии их реализации называют утопиями, в честь книги То­маса Мора. Говорят, утопии вызывают большую кровь. Но утопия — это мечта, поэтому мечтать иногда и вредно, и опасно. Однако невозможно пресечь утопии и перестать мечтать, ибо мечта — это высшее проявление мысли. Это судьба человека, часть Божественного замысла о нас. В мечте мы моделируем возможные миры и соприкасаемся с развилками возможностей нашей судьбы. В этом и реализуются наш разум и свобода. Однако паранойяльные образы — это тромбы на путях мечты. Он нуждаются в терапии, дабы страх сменился надеждой.

Мечта — это обыденное представление о религии, суть которой не в нагромождении об­рядов, а в связи с трансцендентным. Даже откровенные атеисты иногда поднимаются над суетой повседневности и начинают задумываться о судьбах мира. Тут их мысль приобретает религиоз­ные формы, ибо будущее — это Бог безбожников. Но чтобы понять предпосылки собственного мышления, понять истоки утопий, определяющих нашу жизнь, необходимо обратиться к их первоисточнику — к традиционным религиям.

Геополитическая метафора

Современная глобальная цивилизация имеет отчётливые авраамические корни. Постмодер­нисты критикуют в современной цивилизации Модерн, который был структурирован иде­ей Бога. Первым же, кто вводит идею Бога, считается пророк Авраам — родоначальник «авраамических религий» (иудаизма, христианства и ислама). В этой традиции, под явным влия­нием зороастризма, сформировалось представление, согласно которому Армагеддон будет

представлять собой финальное столкновение сил Света и сил Тьмы. Под силами Света адепты авраамических религий обыкновенно понимают себя, а под силами Тьмы — своих врагов. Подобный подход никак не приближает нас к пониманию Армагеддона, поскольку Тьма мыслится отрицанием Света. Устаревшая метафизика тождества приводит к осознанию Иного (Тьмы) как Ничего. Ни с чем как бы и бороться никак. Но тогда идея Армагеддона ложна, ибо иллюзорна. Но это не так, поскольку эта идея организует человеческий опыт предстоящего, следовательно, эта идея работает, т. е. она относительно истинна. Чтобы победить, необходимо видеть во Тьме не только «отрицание Света», но очертить её позитивные возможности и таким образом деконструировать саму дуальную оппозицию Тьма — Свет. Вглядимся во Тьму, чтобы лицезреть Свет, ибо только в различии рождается смысл.

В исламской мистике есть своеобразный «сатанизм», который отличается от христианского аналога тем, что Дьявол (Иблис) почитается как пример совершенного мусульманина. Согласно Корану, Аллах сотворил Адама и приказал ангелам поклониться ему. Дьявол оказался единственным, кто отказался сделать это, поскольку усмотрел в словах Аллаха испытание своей веры (Коран 15:28-33; 18:50). В исламе поклонение кому-либо кроме Аллаха является тягчайшим грехом, в т. ч. и поклонение человеку. В подобной интерпретации Дьявол оказывается не искушением, но испытанием. Осознание брани с Дьяволом — это низкая стадия посвящения, которая чревата тем, что мистик испугается врага или живо переложит на него совершенное зло.

Итак, переведем оптическую метафору в геополитическую. Благо, для этого есть все необходимые основания. В древнеславянском языке Север называется полуночной стороной, а Юг — полуденной. Эта этимология сохранилась в современном украинском языке: Север и Юг как Північ и Південь. Эта локализация получает своё обоснование у библейских пророков. Так, Исаия, иудейский пророк VIII в. до н. э., сообщает, что Люцифер (Денница) сядет «на краю севера» (Ис. 14:13)⁸. Иеремия, иудейский пророк VII в. до н. э., подтверждает, что именно «от севера откроется бедствие на всех обитателей земли» (Иер. 1:14). Иезекииль (Зу-л-кифл), вавилонский пророк VI в. до н. э., также соглашается с версией демонического Севера (Иез. 38:6; 39:2). На Севере есть земля Магог, из которой на последнюю битву будут выведены союзные армии трёх народов (Рош, Мешех и Фувал) под предводительством некоего Гога (38:2-3). Их союзниками будут персы, ливийцы и эфиопы (38:5). Примечательно, что ливийцы (африканцы) отделены от эфиопов (чернокожих). Это позволяет предположить, что под эфиопами могут пониматься

⁸ Распространённое богословское толкование.

«В пророчестве Исая (гл. 14, ст. 12) идёт речь о Люцифере под его настоящим именем, утверждают богословы и приводят начало стиха, однако фальсифицируя его при помощи латинского перевода Библии.

В этой главе Исая, фанатически возбуждённый еврей, разгневанный тем, что вавилоняне так долго держат в плену его народ, изливает свой патриотический гнев и предсказывает царю вавилонскому, что его царство тоже потерпит крушение и будет обращено в прах.

«...Помилует господь Иакова, — восклицает Исая, — и снова возлюбит Израиля; и поселит их на земле их... Ты произнесёшь победную песнь на царя вавилонского и скажешь: как не стало мучителя, пресеклось грабительство! Сокрушил господь жезл нечестивых, скипетр владык. Как упал ты с неба, денница, сын зари! разбился о землю, попиравший народы. А ты повержен вне гробницы своей, как презренная ветвь, как одежда убитых, сражённых мечом, которых опускают в каменные рвы, — ты, как попираемый труп, не соединишься с ними в могиле; ибо ты разорил землю твою, убил народ твой: во веки не помянется племя злодеев» (Исаия, гл. 14, ст. 1, 4, 5, 12, 19, 20).

Нужно поистине непостижимое нахальство, чтобы утверждать, что здесь Исая говорит о Люцифере-Сатане. Речь идёт, конечно, о царе вавилонском — и только о нём; это — излияние гнева, злобы и угроз по адресу Навуходоносора — поработителя еврейского народа». (Лео Таксиль, «Забавная Библия»)

Прим. ред.

афроамериканцы США⁹. Персы сейчас никак не могут быть союзниками США, поскольку духовные лидеры Ирана (Персии) считают Америку сатаной. Однако над Ираном сгущаются тучи в связи с поддержкой им антиизраильской шиитской повстанческой группировки «Хезболла» и развитием собственной ракетно-ядерной программы. Весьма вероятно, что в ближайшей перспективе эту страну может постичь судьба Ирака, т. е. американское военное вторжение.

Земля Магог с трудом поддаётся интерпретации. Известно лишь, что некоторые исследователи проводят параллель между народностью Рош и Россией (Russia). В процессе наказания Гога карающий огонь Господа, помимо земли Магог, нисходит на «жителей островов, живущих беспечно» (39:6). В современном контексте эти острова вызывают отчётливые ассоциации с Соединённым Королевством Великобритании и Северной Ирландии. При такой аналогии землёй Магог может оказаться Европа или регионы Евразии к северу от Ближнего Востока.

Таким образом, библейская оппозиция «демонический Север — ангельский Юг» в общих чертах напоминает современный (после 1991 года) геополитический разрыв между «богатым Севером» и «бедным Югом». Только во главе Юга стоит не Израиль, а радикальные представители исламской цивилизации, которая раскинулась от Атлантического океана до Тихого. Мекка вместо Сиона — парадокс? Отнюдь, поскольку сами мусульмане возводят свою религию не к Мухаммеду, а к Аврааму-Ибрагиму («будьте общиной Ибрагима» — Коран 2:135) и включают иудейских пророков в свою духовную традицию.

Жёлтая Свастика

Апостол Иоанн Богослов трансформировал представление о царе Гоге в самостоятельные народы Гога и Магога, которые, вдохновляемые Сатаной, нападут на «город возлюбленный», т. е. на теократическое государство (Откр. 20:7-8). Причём, это событие разнесено на тысячу лет с Армагеддоном (Откр. 16:16), в результате которого падёт великий город Вавилон (Откр. 18:2) и будут убиты «зверь и лжепророк» (Откр. 19:20). Впрочем, христианские теологи усматривают здесь искусственное удвоение Армагеддона и предпочитают толковать Апокалипсис предельно аллегорически, поскольку буквальное его прочтение порождало в истории немало утопических проектов, связанных с идеей Тысячелетнего Царства.

Представление о неисчислимых народах Гог и Магог (Йаджудж и Маджудж — Коран 18:94-98) принимается и в исламской традиции. Однако они уже ассоциируются не с Севером, а с Востоком, имеют азиатскую внешность и обитают за Преградой (Сада). Турецкий богослов Саид Нурси локализовал народы Гог и Магог по ту сторону от Гималайских гор относительно этнического мусульманского наблюдателя, т. е. к северо-востоку от них. Там находится только одна страна с многочисленным (миллиардным) населением — это Китай. Сейчас это усиленно вооружающаяся, но миролюбивая Китайская Народная Республика с архаической идеологией коммунизма. Однако КНР — только один из многочисленных периодов в пятитысячелетней китайской истории, в ходе которой различные государственные образования не раз сменяли

⁹ Однако можно рассматривать ливийцев как всех представителей негроидной расы, тогда как эфиопов — как представителей эфиопской подрасы, относящейся к европеоидной расе, но обладающей рядом негроидных черт. *Прим. ред.*

друг друга. Вполне возможно, что на смену Китайской Народной Республики придёт новое государство — и это будет совсем другой Китай, совсем не тот, который мы знали прежде.

Раньше китайцы отличались удивительным миролюбием. Они составляют большую часть населения Сингапура, но не помышляют о воссоединении со своей исторической родиной. В древности, вместо того, чтобы огнём и мечом нести свою цивилизацию северным варварам, они предпочли оградиться от них Великой Китайской Стеной. Историк Л. Н. Гумилёв даже задался вопросом: «Почему китайцы не проникли в Европу?» — но его ответ о героическом подвиге степных народов выглядит насмешкой над официальной царской историографией о Руси, будто бы защитившей Европу от монголов. Китай исторически прирастал территориями за счёт своих врагов — монголов и маньчжуров. Лишь захват Тибета китайскими коммунистами является исключением из этого правила. Но будущее не подобно прошедшему.

Самой известной оппозиционной силой, пока ещё сдерживаемой репрессивной мощью нынешнего китайского государства, является буддизм. Широко известны гонения китайского правительства на основанную в 1985 году и насчитывающую до 100 миллионов адептов буддийскую «секту» Фалуныгун («Колесо Дхармы»), символом которой является жёлтая свастика. Возможно, китайские коммунисты «дожмут» это движение, но именно оно задаёт моду для будущей оппозиции, а история показывает, что оппозиционные идеи так просто не исчезают. Рано или поздно Китай станет буддийским, и тогда востребованным окажется мощный духовный потенциал Тибета, который благодаря глобальным проблемам человечества из провинции превратится в новый центр мира. Китайские гегемонисты смогут осознать свою страну новой Шамбалой — цитаделью истинной Дхармы, — и тогда Китай подлинно обретёт свою апокалиптическую миссию. Тибет не зальют воды растаявших льдов, а горный воздух будет по-прежнему чист.

Антихрист Алмазкого Гумилёв

Христианские авторы разработали образ предводителя демонических сил. Им будет, по словам апостола Павла, Антихрист — «человек греха, сын Погибели», который будет выдавать себя за Бога. Он соблазнит многих и сразится с возвратившимся Иисусом Христом, который убьёт Антихриста «духом уст» (2 Фес. 2:3-8). Это место наиболее туманное в христианской теологии. Если, согласно Афанасию Великому, Вознесение Иисуса было тождественно его обожению, то повторное вочеловечение недопустимо для Бога. История не повторяется. Или Иисус придёт бестелесно, как призрак? Русский философ В. С. Соловьёв находил выход из этого теологического тупика через гипотезу «богочеловечества». Выражение «духом уст» обозначает, по-видимому, информационную войну. Учитывая возрастающую зависимость современного общества от Интернета, вполне можно допустить, что Иисус будет хакером.

Мусульмане также верят, что в Последние Времена усилится отступление от канонической веры (Апостасия, или Фитна). Антихрист (аль-Масих ад-Даджжалъ — «Ложный Мессия») придёт от Востока, хотя внешне он будет иметь европейскую ([румяное лицо и волнистые волосы](#)). Он будет главой государства, поскольку у него будут собственный «рай» (индустрия развлечений для V.I.P.) и «ад» (застенок для преступников). С помощью развитой техники он будет контролировать погоду и перемещаться «с великой скоростью» (на самолёте?). Его убьёт вернувшийся Иисус, который, помимо прочего, «сломает крест», т. е. объединит христианство и ислам. Иисус будет действовать не один, а заодно с грядущим обновителем веры — Махди. В мусульманской традиции иногда возникает путаница относительно того, кто именно будет повелителем правоверных — Иисус или Махди. Однако это не столь принципиально — на фоне общего эсхатологического сближения всего «авраамического» полюса.

В чём же будет состоять религия Антихриста? Многие факты позволяют предположить, что эта религия будет представлять собой одну из разновидностей буддизма, а сам Антихрист будет Буддой.

Во-первых, в противоположность библейской традиции, в буддизме сакрален не Юг, а именно Север, поскольку оттуда придёт грядущий [Будда Майтрейя](#).

Во-вторых, буддизм весьма привлекателен для западной интеллигенции как «религия без Бога», как возможность сохранить свой атеизм на пути духовного совершенствования. Буддийский принцип ненасилия удачно согласовывается с либеральной идеологией прав человека и экологическими принципами защиты окружающей среды. После Сексуальной Революции именно буддизм в его тантрической версии возвышает интимные отношения до уровня духовной практики. Если ислам видит в половой любви идолопоклонство, то известный датский проповедник буддизма Алмазного Пути Оле Нидал видит в сексе способ преодоления ограниченности «эго». Современный буддизм не перегружает своих адептов обрядами. Единственным заметным обрядом буддизма является релаксирующая медитация.

Далее, в популярной ныне на Западе версии буддизма Алмазного Пути (ваджраяны) существует священный текст «Калачакра», который повествует о грядущей Последней Битве. Одной из сторон этого конфликта будет таинственная Шамбала — страна, восхищавшая Гитлера. Традиционно Шамбалу отождествляют с Тибетом, хотя делают попытки локализовать её в более западных или северных от Тибета регионах. Но Шамбала — это поле Будды. Она существует лишь в утопическом сознании. Её реализация — это дело будущего. Возможно, провинциями Шамбалы станут североевропейские, русские и китайские земли. Согласно пророчествам «Калачакры», Шамбала станет последней цитаделью истинной Дхармы (т. е. «буддизма»). Во главе её станет царь Калки (कल्की), который будет почитаться как 10-е воплощение индуистского бога Вишну. [Буддисты и индусы будут видеть в нём своего защитника, а мусульмане и христиане — ложного мессию](#). Враги Шамбалы обозначены как млеччха (म्लेच्छ) — носители западной религиозной традиции (исповедующие Моисея, Иисуса и Мадхумати пророками), т. е. главным образом радикальные мусульмане — будущие преемники «Аль-Каиды». При всей своей терпимости буддисты не принимают только одну религию — ислам.

Свастика и против Мухаммеда

Исламское богословие не питает особой неприязни к буддизму как таковому. Харун ар-Руси, лидер Национальной Организации Русских Мусульман, пишет: [«Мы не можем исключать, что учения таких людей, как Будда, Кришна, Заратустра и т. д., могли быть в первоначальном виде таухидными, а сами эти люди, возможно, одними из этих 124 000 пророков, мир им»](#).

Действительно, главное в исламе, как и в буддизме — это Путь (Коран 1:6-7), ведущий к избавлению от страданий, ибо в Раю нет страданий. Мусульмане называют этот Путь Тарикатом, китайские буддисты — Дао (так они переводят санскритский термин «боддхи» — просветление). Цель Пути — Нирвана, имеющая в исламской теологии свой аналог — Фана, которая, согласно концепции Джунайда, есть растворение или умирание верующего в Боге. Запредельная Пустота буддистов может оказаться одним из имён Аллаха. «Оставьте тех, которые расколычат о Его именах» (Коран 7:180). В этом Пути есть руководство — Дхарма, которую мусульмане называют Умм аль-Китаб (Матерью Книги, Небесным Кораном), постигаемой посвящёнными — пророками, или, если угодно, Бодхисаттвами — и передаваемой всему человечеству. Ко-

ран, Евангелия, Тора — проекции Дхармы, а Мухаммед и Гаутама — одни из Будд. Смысл Дхармы раскрывается в Коране: «Писание мы ниспослали тебе, чтобы ты вывел людей из мрака к свету (просветлению)» (Коран 14:1). Ищущие оправдание насилию в Коране часто забывают, что эта книга изложена «притчей комара» (Коран 2:26).

Однако массы часто руководствуются враждебным намерением, а их предводители могут отыскать этому любое оправдание. Кроме того, человеческий разум мыслит в бинарной системе различий. Напуганные исламским фундаментализмом носители западной цивилизации начнут искать убежище в буддизме. Их враждебность к исламу найдёт своё выражение в принятии Алмазного Пути с его «Калачакрой» и в реализации проекта Шамбала. Это будет уже не классический буддизм, а новая религия, которая впитает в себя элементы протестантского христианства и неоязычества с культом природы, верой в НЛО и управлением жизненными энергиями.

Мусульмане ответят тем же, отождествив Вишну — небесного покровителя царя глобальной евро-тибетской Шамбалы — с Дьяволом, и вспомнят, что в трёх своих воплощениях из десяти Вишну — князь мира сего — носил имена со значением «тёмный»: Парашурама, Рама и Кришна; что, согласно свидетельству Абу Хурайра, пророк Мухаммед сказал, что во время своего Пришествия Иисус «убьёт свинью», а свинья — это третья аватара Вишну. Возможно, они вспомнят, что, согласно легенде, второй Будда (Нагарджуна) получил свою мудрость от драконов — тех, которые искушали Адама и Еву в раю, и которым предстоит сыграть не последнюю роль в Конце времён. У мусульман будет иной проект — Халифат. Шамбала станет реальной, а Мекка, залитая растаявшими в результате глобального потепления ледниками, превратится в мистический символ, куда будут нырять посвящённые для исполнения заповеданного хаджа.

Армагеддон высвечивается как столкновение жёлтого буддийского Севера с зелёным исламским Югом. Свастика против полумесяца. Шамбала против Халифата. Пророчества о временах запустения не позволяют с точностью определить, кто будет прав и на чьей стороне будет добро. В своей цели религии едины. Насилие исламистов окажется формой сострадания к сансарическим существам, а за образом Вишну можно узреть лик Аллаха.

Часть 3. Меланделие

1. Драккары Великой Ночи

Старинные русские легенды повествуют, как новгородские мудрецы (густомыслы), осознав мерзость запустения родного края, воззвали к свирепым морским королям — к варварским хранителям края Земли, за которым ежедневно умирало Солнце. «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет»; удивительно, но фраза эта была обращена к морским разбойникам. Знали ли они, что такое порядок? Очевидно, нет. Могли ли дать новгородцам то, чем сами не владели? Нет. Но Новгород отныне стал именоваться Великим Господином. Прозорливость мудрецов новгородских потрясает.

Любое мироздание попирает краугольные камни. Основы всегда скрыты презрением, ибо что как не презрение может лучше гарантировать сохранность тайн? Страх презираем, но на нём построен общественный порядок. Страх мобилизует и сбивает в коллективы, формирует системы. Страхом перед грабительскими рейдами викингов жил Новгород. Его именем собирались налоги и казнились преступники. Но ничто не вечно, кроме первобытной Тьмы, зиявшей прежде Большого Взрыва. Любая система, едва появившись, крепнет, расцветает и через закат клонится к запустению. Тогда дом становится могилой, враг — спасителем, а преступник — законодателем. Необходима была перезакладка краугольных камней. Мухаммед называл это «обновлением веры», Ницше — «переоценкой ценностей», братья Вачовски — «перезагрузкой». Чтобы Новгород жил и процветал, необходимо было пригласить тех, кем ещё недавно пугали детей, от кого строили высокие деревянные городские стены. И драккары пришли, а Новгород стал Великим.

С тех пор мир изменился, что, впрочем, неудивительно, ибо за всей изменчивостью мира лежит печать Тьмы. Древние лишь подмечали эту изменчивость, не способные постичь её. Лишь Столп Православия Афанасий заявил, что произошедшее из небытия не может устоять в бытии, ибо оно неизменно устремляется к своему первоначалу. Мир жаждет Тьмы, которая объедает его извне и пронизывает сокровенные недра материи. Но Тьма желает иного. Чего именно, сказать сложно, ибо мудрость Тьмы превосходит человеческое разумение. Можно лишь отсеять недостоверные догадки древних мудрецов. Одни полагали, что Тьма жаждет поглотить Свет, а вся история есть борьба Света и Тьмы. Это явное заблуждение. Тьма не враг Свету, но его Мать.

Один из величайших Посвящённых древности, ученик великого Эхнатона Мозес, которого называли то Моисеем, то пророком Мусой, изрёк «И сказал Бог: да будет Свет. И стал Свет» (Быт. 1:2). Те, кто нарекают Бога Светом, пребывают в явном заблуждении. На самом деле они находятся в услужении Люцифера — Дьявола, Несущего Свет. Бог изрёк Свет из Тьмы, ибо сам был Тьмой. Современные астрономы утверждают, что это произошло свыше 13 миллиардов лет назад по человеческому исчислению. Тьма возжелала знать Себя, знать Свою мощь: для этого Ей нужен Свет, для этого Ей нужен мир. Уничтожить мир, вернее, позволить ему раствориться во Тьме — значило бы признать ограниченность и конечность Тьмы; значило бы сказать, что вся Её мощь измеряется пузырьком диаметром в 13 миллиардов световых лет.

Но что может ограничить Тьму? Только Тьма, вернее, печати Тьмы: они заложены внутри Мира и препятствуют самопознанию Тьмы. Тьма изредка высылает в мир драккары, чтобы Мир

был, а Тьма себя знала, ибо Мир — это зеркало Тьмы. Это зеркало постоянно шлифуется, развивается и прирастает новыми гранями. Посвящённые назвали этот процесс Мировым Древом, учёные — Космической Эволюцией. Сначала Тьма узнавала себя в элементарных частицах, потом в космических туманностях, затем вспыхивала в звёздах и отражалась в безжизненных океанах.

Человеческий язык бессилён перечислить все воплощения Тьмы. Последним из них стал интеллект человека — существа, которое впервые прикоснулось своей мыслью к Тьме. Человек первым из зверей перешёл грань, отделяющую Свет от Тьмы. Он с равным правом может именовать существом Дня и существом Ночи. Будучи рождённым для Света, он стал достаточно взрослым, чтобы возлюбить бесконечное совершенство Тьмы и преклонить перед Нею свою главу. Свиристая кровожадная обезьяна — Царица зверей — должна была стать Дочерью Тьмы, адептом Великой Ночи. Должно было произойти великое Становление. Но здесь человека ждало Великое Испытание. Как настроить интеллект на Тьму? Как не опалить Её незримым сиянием свой мозг? Как сорвать печать Тьмы — знак и одновременно препятствие на пути к Ней? Пока Путь не завершён, вопросы не могут получить ответ, но они должны быть поставлены.

Путь ветвился и эволюционировал. Опасно говорить о судьбах всех путей. Слова могут взорвать сознание и исказить подлинный Путь, который мерцает множеством направлений. Путь лежит между слов. Это особенно хорошо осознали теологи. Удачная находка — слово «Бог» — сравнительно быстро потеряла адекватность. Тонны литературы, написанные по этому поводу, быстро превратились в макулатуру. Ученики были не выше учителей, а традиции рано или поздно пресекались, растворяясь во Тьме, не дойдя до цели. Лишь японская традиция мастеров Дзен позволила понять, что «Бог» — это не субстанция, а особый эффект сознания, достигаемый во время чайной церемонии или поединка на мече.

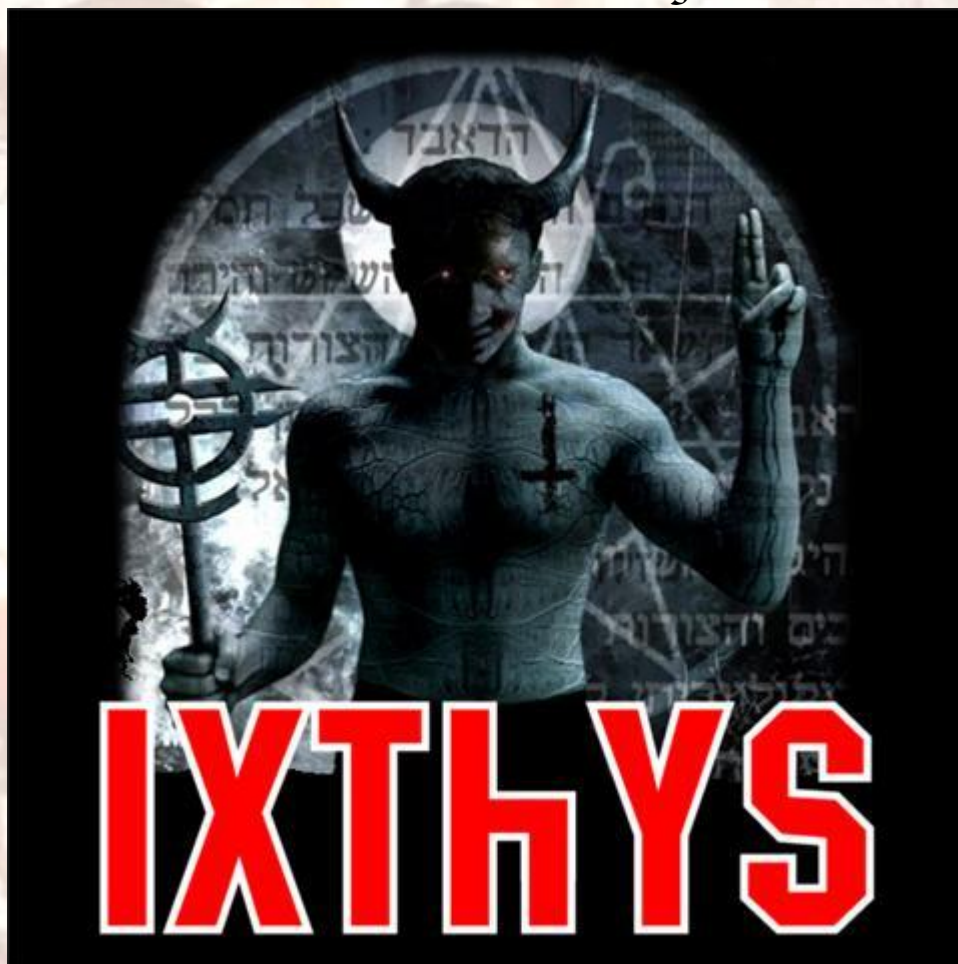
Внедрением Дзен на Западе занимались хиппи, но их среда не явила миру подлинных мастеров. Хотя мир ко времени их появления был уже болен. Эта болезнь была страшнее войн, эпидемий и голода.

Хиппи таинственным образом соединили в себе разнообразные мистические Пути планеты: наркотическую духовность мексиканских индейцев и японскую философию Дзен, протестантские корни и революционный марксизм, африканское мироощущение и древнегреческий цинизм. Под хиппи следует понимать широкое интеллектуальное брожение в странах Запада конца 60-х гг. XX века, которое выразилось в субкультуре длинноволосой молодёжи, слушающей рок-музыку, курящей марихуану и ненавидящей войну. Сейчас этот образ может вызвать лишь презрительную усмешку, но волна хиппи породила или придала современным облик практически всем альтернативным субкультурам. Хиппи сгинули не без следа, наполнив своим предсмертным дыханием индустрию современной поп-культуры и международный терроризм. Их Драккар перевернулся, но остался неразгаданным. Бунтарство становится товарным знаком, превращаясь в стиль.

Хиппи сменили панки, которые выполняли разрушительную миссию очищения сознания от стереотипов современного общества. Однако отрицание лишь освобождает от пут, но не делает шага вперёд. Пост-панк разделился на движение скинхедов и движение готв. Помимо происхождения, оба пути объединяет образ сверхчеловека. Для скинхедов идеалом был арийский воин, для готв — вампир.

2. Комический Иисус

Оглашение

Тобой спрятать истину, достаточно положить её на видное место. Чтобы её обрести, не обязательно ехать в Тибет — достаточно держать сознание открытым. Возьмём, к примеру, Иисуса Христа. Что мы знаем о нём? Практически всё. Но Иисус многолик. Для ортодоксальных христиан он Бог. Для Ницше — еврейский сверхчеловек, предводитель рабов. Для Булгакова — безумный бродячий проповедник Иешуа Га-Норци, чьё имя обросло легендами. Всё это верно, ибо ничто так не убивает истину, как однозначность. Истина — не триоизм.

Но даже всё сказанное не вмещает всех проекций Иисуса. Я хотел бы остановиться на тёмном лице Иисуса. С именем Иисуса воины готов и вандалов пили кровь своих поверженных врагов; с именем Иисуса горстка всадников-вампиров под предводительством Влада Дракулы разгромила в бухарестском лесу армию турецкого султана Мехмеда Фатиха; с именем Иисуса совершают свои таинственные обряды колдуньи Вуду. Кем является Иисус для них?

Начнём с готов. Впервые в исторических летописях они появляются в 271 году, когда их облечённые в звериные шкуры и вооружённые пиками отряды уничтожают римские легионы на территории современной Румынии. Пришли готы с севера — из Скандинавии — и образовали своё первое государство на территории современной Украины. Особой воинственностью они

не отличались и в 375-м были сметены нашествием орд гуннов. Готы принимают христианство и... становятся непобедимым народом кровожадных воинов, уничтоживших Римскую империю, а заодно и всю Античную цивилизацию. Первого готического епископа звали Вульфилла — Сын Волка. Этим свирепым варварам Иисус представлялся отнюдь не кротким моралистом, но Восставшим из Ада, что сохранилось в английском оккультном имени Hell-Raiser. В 1987 году британским режиссёром Баркером был даже снят одноимённый фильм ужасов.

Славянское слово «воскрешение» неточно передаёт смысл евангельского слова *Αναστασις*. В греческом языке *Αναστασις* является полной противоположностью слову *Καταστασις* (устройство, порядок). Иисус мыслился не просто воскресшим, но восставшим или возвращающим Хаос. Подобно древнегерманскому Вотану, он во главе Дикой Охоты живых мертвецов штурмует врата Преисподней и выводит из Ада «ветхозаветных праведников». Образ нищего, который принял Иисус на Земле, не более чем военная хитрость, призванная усыпить бдительность Господа — князя мира сего.

Начиная с мистической поэзии царя Давида, Ад становится метафорическим обозначением суety мира сего. Он описывается с помощью символов: цепь, мрак и огонь. Цепь — аллегория рабства; мрак — невежества; огонь — пламя негативных эмоций. Путь из Ада лежит через освобождение от иллюзий и осознание того, что ты уже там.

Уже первые (гностицистские) христиане заметили, что путь Иисуса напоминает путь Райского Змея, которого никогда не смешивали с дьяволом. В обоих случаях люди освобождаются из Ада мира через добровольное избрание пути смерти. Сначала это было яблоко, затем — крест. Сам Иисус учил своих учеников мудрости Змея: «будьте мудры как Змеи» (Мф. 10:16). Примечательно, что в старейшем переводе Библии *Septuaginta* рай лишён романтического ореола и обозначен словом *Παράδεισος* — буквально: «зверинец, зоопарк». Воинственных готам подкупало, что Иисус учил презирать смерть. Это не была проповедь самоубийства. Это было укрощение самого страшного адского пса мира сего — смерти. Именно за ним лежал путь к освобождению. Любой порядок держится на страхе. Убери страх — и порядок обращается в Ничто. Позже былинные русские богатыри на мистическом перекрёстке путей выбирали именно тот, где «убиты быть».

«Не бойтесь убивающих тело», говорил Христос (Лк. 12:4). Созерцая разложившийся труп Лазаря, он сравнил смерть со сном. Затем Иисус пробудил его, сделав из Лазаря первого зомби. Именно этот момент Евангелий особенно любят цитировать колдуны Вуду, сохранившие связь с христианством. Исповедующие подобного Иисуса оказались на положении сатанинских сект. Интересно заметить, что король Чёрной Мессы всегда изображался с рогами: о рогах как атрибуте Иисуса-Агнца ясно сказано в Апокалипсисе (Откр. 5:6). Но Иисус никогда не стремился к массовости своего движения. «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попирали его своими ногами» (Мф. 7:6). Этот элитаризм сохранился и у готических христиан. Среди испанских аристократов почётно быть «годо», т. е. возводить свой род к древним готам. Вандалы, захватив побережье Северной Африки, отгородились от местного населения мрачными замками, а после нашествия на их королевство бесчисленных армий византийского полководца Велизария они бесследно исчезли.

Саму суть богослужения Иисуса составляли каннибализм и вампиризм. «Если не будете есть плоти сына человеческого и пить крови его, то не будете иметь в себе жизни» (Ин. 6:53). Конечно, это самый мистический момент в учении Иисуса. Под сыном человеческим понимался любой человек, не только Иисус. Сравните фразу из Псалмов: «Бог с небес призрел на сынов человеческих, чтобы видеть, есть ли разумеющий» (Пс. 52:3). Однако не все считали каннибализм и вампиризм заповеданным таинством. Некоторые полагали, что Тайная Вечеря с питием крови была магическим обрядом с целью создания магического двойника, переданного затем

властям для казни. Известно, что когда римский солдат попытался проткнуть висящее на кресте тело Иисуса копьём (колом?), то из раны потекла не кровь, а вода.

Тысячелетиями учёных волновал вопрос о поцелуе Иуды. Если Иисус был известным проповедником, то как солдаты могли не узнать его при аресте? Некоторые полагают, что Иуда был сообщником Иисуса и сознательно поцеловал магического двойника, чтобы рассеять сомнения опытных сыщиков. Фарисеи — эксперты по религиозным вопросам — сразу опознали Иисуса воплощением Вельзевула — короля демонов («князя бесовского»). Иисус дал к этому немало поводов. Известно, что он говорил во тьме и был фактическим владыкой демонов (Мф. 10:1,27). Свои богослужения он проводил не в храмах (синагогах), а на вершинах холмов, подобно тому, как позже сатанисты начали устраивать свои шабашы на Лысых Горах. По видимому, не Чёрная Месса является искажением католической литургии, а как раз наоборот.

Древние христиане любили собираться в мрачных подземельях, носили чёрные одежды и недорогую бижутерию из символов смерти, а также пили кровь во время Таинства Евхаристии. Где-то в XIV веке Католическая Церковь даже прокляла учение Уиклифа, который предполагал, что во время Евхаристии христиане пьют красное вино, лишь символизирующее кровь. Но со временем лицемеры и вправду заменили вампиризм первых христиан на употребление алкогольных напитков типа кагора. Церковь ещё благословляла вампиров валашского князя Дракулы (1431-1477) на священную войну против мусульман, но позже вампиры стали гонимы. Как и в первые века христианства, они стали собираться в тайных местах, уже не в катакомбах, а на кладбищах и в подвалах замков.

Почему смерть стала благом, равно как позже она стала смыслом жизни викингов и самураев? Человек поднялся над суетностью первичных инстинктов и осознал свой путь. Принятие смерти — это, прежде всего, трезвый взгляд на жизнь. Перед лицом смертельной угрозы Иисус говорит: «Сын Человеческий идёт, как писано о нём» (Мф. 26:24). Осознание пути мистическим образом открывает неожиданные горизонты свободы. Иисус с лёгкостью нарушает заповеди Моисея, говоря: «Суббота для человека, а не человек для субботы». Он коренным образом меняет установку сознания, называя смерть вечной жизнью, а живых — мертвецами («пусть мертвецы погребают мертвецов»). Воскресение из мёртвых — не что иное, как стирание грани между жизнью и смертью — становление живым мертвецом. Он уже не может умереть. Зомби («сын воскресения») лишь переходит из активного состояния в неактивное. Принимающий смерть принимает вечность, принимает первозданную Тьму, породившую этот мир. Когда-то Тьма вновь возвратит великого короля вампиров — и начнётся Апокалипсис.

3. Эпистемология адского огня

В западное религиозное сознание активно оперирует понятием адского огня. Оно широко выражено в европейском искусстве. Достаточно вспомнить творчество итальянского поэта Данте или фламандского живописца Босха. Но нас не интересует возможная эстетическая идея, которая может стоять за образом адского огня. Мы не будем останавливаться на глубоко богословских или религиоведческих аспектах различения ада и геенны.

Как заявлено в названии главы, мы ставим чисто эпистемологическую проблему в духе Канта: как вообще возможно знание об адском огне?

При постановке вопроса сразу же возникает соблазн отмахнуться от поиска ответа: нет никакого адского огня — нет проблемы его познания. Однако с точки зрения феноменологии

данный аргумент не работает. Мы имеем дело только с тем, на что направлено наше сознание, а адский огонь наличествует в культурном опыте Запада на протяжении многих столетий.

Кроме того, разработка поставленной проблемы позволяет лучше выявить пределы и возможности нашего познания. Изучая адский огонь, мы, по сути, изучаем себя.

При исследовании адского огня, прежде всего, необходимо отвергнуть концепции, перегруженные негативными коннотациями в отношении предмета нашего исследования. Я имею в виду антирелигиозные подходы, согласно которым любой мистический опыт является либо «превратным мировоззрением» (марксизм), либо «результатом сублимации либидо» (фрейдизм). Любая теоретическая система проверяется исходя из её собственных аксиом и предпосылок.

Термин «адский огонь» обладает разработанным значением исключительно в мистико-теологическом дискурсе. Поэтому мы должны допустить, что Священное Писание боговдохновенно, а святые и пророки не лгут.

В начале «Критики чистого разума» Кант пишет: «Без сомнения, всякое наше познание начинается с опыта». Западное ортодоксальное религиозное сознание различает два вида опыта: мирской и мистический.

1. Здешний мир дан экзистентно, в дорефлексивном *cogito* (представлении): это моя мысль, это моя рука, это мой дом, это моя работа, и так далее.

2. Божественное дано в откровении, которое символически указывает на присутствие инобытия в моём мире. «Явился Господь к Аврааму и сказал ему: Я есть твой Бог» (Быт. 17:1). В современной философии синонимом и функциональным аналогом библейского Бога выступает Другой (тот, для кого я становлюсь объектом). Бог является соседом, полагающим предел и границу собственному бытию. Бог предписывает правила поведения, отбирает и наделяет. Причём дары Бога в собственном смысле никогда не даются, ибо грешно гордиться божьими дарованиями. Между тем, Бог сообщает информацию, лежащую за пределами возможного опыта любого человеческого сознания. Моисей узнаёт о последовательности актов творения, а Иоанн Богослов — о свершении здешнего мира.

А как нам дан адский огонь? О нём мы узнаём из сакральных текстов. Информация, казалось бы, получена из достоверных источников. Не кто иной, как Богочеловек Иисус Христос в капернаумской проповеди говорит об огне неугасимом, «где червь их не умирает и огонь не угасает»¹⁰. Откуда Ему ведомо об адском огне?

Все исследователи сходятся в том, что адского огня нет в объективной реальности, т. е. вне и независимо от нашего сознания. С. С. Аверинцев в статье «Ад»¹¹ замечает, что «состояние пребывающего в аду описывается не извне (как зрелище), но изнутри». На адский огонь нельзя взглянуть со стороны как на пламя свечи. Древний александрийский богослов Ориген в трактате «О Началах»¹² на основании толкования Библии приходит к выводу, что «материей и пищей для этого огня служат наши грехи». Но Иисус-то был безгрешен, а без греха опыт адского огня невозможен.

Ссылка на древнееврейского пророка Исаию (Ис. 66:24), в книге которого впервые встречается образ адского огня, также не проясняет суть дела. Образ был открыт в божественном откровении, но Бог не может иметь опыт грешника, который горит в аду. Бог — безгрешен.

Широко распространённым (хотя и не бесспорным) является мнение, согласно которому адского огня не существует и в субъективной реальности. Адский огонь не дан в мирском опыте. С богословских позиций опыт адского огня будут иметь только грешники, и только в загробном

¹⁰ Евангелие от Марка 9:33-50.

¹¹ Аверинцев С. С. Ад // Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах. М., 1991. т. 1. С. 36-39.

¹² Ориген. О Началах. Самара, 1993. Книга вторая, глава десятая («О Воскресении и суде, об адском огне и наказаниях»). С. 149.

состоянии (после Страшного Суда). Если отстраниться от крайних постмодернистских воззрений, то любой возможный исследователь ещё жив и ещё не осуждён, следовательно, он не может иметь личного опыта адского огня. Неясен также механизм транслирования подобного опыта от Другого, ибо обитатели адского огня пребывают не в настоящем, а в будущем. Возникают серьёзные сомнения в возможности передачи и адекватной интерпретации подобной информации сквозь время. Бог не может выступать посредником или информационным каналом для трансляции опыта адского огня, ибо тогда Он сообщал бы греховное несобственное знание. Обитатели адского огня также не могут быть отправителями подобного message, ибо в этом случае им пришлось бы приписать попечение о людях (что является прерогативой Бога и ангелов) и занятие, отличное от мучений.

Многие факты святоотеческой литературы позволяют сделать вывод, что речь идёт об экстраполяции собственного мирского опыта и попытке создания на этой основе интеллектуальных конструкций.

Так, Афанасий Великий пишет в «Толковании на Псалмы»¹³: «Когда вспоминался мне мой грех, сгорал огнём». В данном случае, аналогом или прообразом адского огня выступает жгучее чувство стыда. Стыд, писал Сартр в «Бытии и Ничто», возможен только под взглядом Другого, от которого я раздаиваюсь, становлюсь объектом для себя. По сути, стыд является интуицией Другого¹⁴. Является ли он в данном случае интуицией Бога? В богословском дискурсе первой интуицией Бога является Страх Господень. Иоанн Кассиан Римлянин¹⁵ определяет последний как «отвращение к мирским вещам», т. е. предметам собственного мышления, самым стабильным из которых является собственная персона (например, в случае смирения). Всё может быть мерзким только по отношению к чему-либо иному, трансцендентному, т. е. Богу. Поэтому нет принципиальной разницы между экзистенциальным стыдом перед Другим и Страхом Господним.

Для Исаака Сирина¹⁶ аналогом или прообразом адского огня служит жгучее чувство ревности. В «18-м слове» он сообщает: «Говорю же, что мучимые в геенне поражаются бичом любви! Как горько и жестоко это мучение любви!.. Любовь есть порождение ведения истины, которое даётся всем вообще. Но любовь силою своей действует двояко: она мучит грешников, как и здесь случается терпеть друг от друга, и веселит соблюдающих долг свой». В самом деле, в опыте ревности мы постигаем трансцендентность Другого по отношению к нашему миру, мы постигаем его принципиальную несводимость к вещам. Можно сказать, что в ревности Другой нам дан как Другой. Логично предположить, что запредельность Бога может вызвать аналогичное чувство.

В обоих случаях речь идёт не о каком-то опыте Бога, а о негативном опыте присутствия (в евангельском смысле Παρουσία, т. е. пришествия) трансцендентного.

Таким образом, адский огонь представляет собой бурную реакцию соприкосновения божественного и здепшего. Он дан не в откровении, а именно в неадекватной реакции на него. Когда приходит Бог, почва начинает гореть под ногами. Религия как комплекс практик, направленных на снятие различия между здепшим и потусторонним, ориентирует на купальское перепрыгивание адского огня в сторону выжженной от грехов почвы. Поэтому все великие подвижники от Шакьямуни до Иоанна Лествичника предпочитали игнорировать разницу между адом и миром (сансарой), ибо в подвиге и то и другое оказывается за спиной. Попытка же инстинктив-

¹³ Афанасий Великий. Толкование на Псалмы / Творения. М., 1994. т. 4. С. 135.

¹⁴ Сартр Ж.-П. Бытие и Ничто. М., 2000. Часть третья, глава 1 («Существование Другого»):4: «Стыд есть открытие Другого». С. 295.

¹⁵ Иоанн Кассиан Римлянин. О правилах монахов / Писания. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. Глава 39. С. 46.

¹⁶ Исаак Сирин. Слова Подвижнические. М., 1998. С. 76.

ного отплатывания от Бога приводит к неугасимому горению адского огня, когда грешник бесконечно привязан к миру, а Бог вечно присутствует и вечно судит (ибо любое Его действие вне-временно). Это приводит нас к выводу о необходимости пересмотра локализации адского огня. Его следует искать отнюдь не в преисподней или «нижнем» мире, а в «среднем» мире, на линии демаркации запредельного и здешнего.

4. Трансцендентальная ярость гностицизма

«Гнозис — это ситуация плюрализма откровений»¹⁷, — пишет в своей монографии по гностицизму петербургский исследователь Роман Светлов. Мы погружены в аналогичную ситуацию, когда различные культурные традиции взаимопроникают друг в друга, образуя непредсказуемый синтез глобальной цивилизации. Пребывание гностицизма в истории лишь подогревает наш интерес, ибо мы можем видеть этот феномен в полноте реализации его возможностей. Однако учёные до сих пор не могут прийти к единому мнению относительно природы гностицизма. Представляет ли она собой «особую сторону нашей психики»¹⁸ или историческое религиозно-философское направление?

Долгое время, до обнаружения библиотеки Наг-Хаммади, гностицизм воспринимался исключительно как раннехристианская ересь, поскольку первым «историческим» гностиком считается Симон Маг¹⁹ — христианин, соперничавший с апостолом Петром. Однако ряд исследователей, включая В. В. Болотова и Л. П. Карсавина, замечают, что гностицизм древнее христианства²⁰. Для таких гностических сект как мандеи и офиты фигура Иисуса Христа оказывается неактуальной, что выдвигается как аргумент их дохристианского существования. Первые почитают Иоанна Крестителя — учителя Иисуса Христа, а вторые сосредоточены на деконструкции первых книг Ветхого Завета. Кроме того, Светлов замечает, что гностическое сознание на уровне «концептуально-идеологических клише» было свойственно даже ортодоксальным христианам вроде Климента Александрийского, а также откровенно языческим философам вроде Плотина. Поэтому гностицизм следует рассматривать в качестве «универсального посредника между языческой религиозной метафизикой и христианским богословием»²¹.

Однако гностицизм нельзя сводить к банальному посредничеству эпох, поскольку он породил всплеск смыслообразования, кристаллизацией которого явилось современное сознание западного человека. Фаустовский человек Шпенглера с его характерной «тягой к бесконечности»²² гностичен, поскольку гностична сама идея *трансцендентного* Божества, описанная гностиками Бардесаном и Сатурнином²³. Наиболее известный представитель гностицизма Валентин вводят связанное с трансценденцией понятие *духовности* как «божественной искры» в человеке, надстраивающейся над классической античной дихотомией душа-тело²⁴. По степени присутствия духовности люди, согласно гностикам, делятся на три расы: *пневматики*, *психики* и *хилики*. Первые предназначены к обретению совершенного состояния, вторые лишь способны к нему, а третьи

¹⁷ Светлов Р. В. Гнозис и экзегетика. СПб.: РХГИ, 1998. 45 с.

¹⁸ Там же. 44 с.

¹⁹ Там же. 52 с.

²⁰ Карсавин Л. П. Святые отцы и учителя церкви. М.: МГУ, 1994. 22 с.

²¹ Светлов Р. В. Гнозис и экзегетика. 41 с.

²² Шпенглер О. Закат Европы. М.: Мысль, 1993. 542 с.

²³ Светлов Р. В. Гнозис и экзегетика. 65 с.

²⁴ Там же. 48-49 с.

— «как бессловесные животные, водимые природой, рождённые на уловление и истребление» (2 Пет. 2:12).

Гностицизм — это не только ситуация плюрализма откровений, но и определённая ярость. Метафора ярости весьма адекватна для описания гностицизма. Ярость двойственна. С одной стороны, это песенная «благородная ярость» советских патриотов, крайне негативно реагирующих на вторжение немецких войск. С другой стороны, ярость — это основное свойство Солнца: «ярить» растения весной, заставляя их расти, цвести и в целом пробуждаться от зимней спячки. Гностицизм характеризуется «критическим настроем по отношению к привычным источникам знания»²⁵, а также крайне отрицательным отношением к космогенезису²⁶.

Иудейский бог Яхве, которого гностики предпочитают именовать Иалдабаофом, равно как и платоновский Демиург, оказываются отрицательными персонажами. Поэтому гностицизм чужд обеим традициям. Некоторые исследователи склонны видеть в гностицизме инфильтрацию иранского дуализма, однако большинство учёных отвергают эту параллель, говоря о *монодуализме* гностицизма, о драматическом родстве двух начал. Иалдабаоф — не вражеский солдат, а, скорее, главарь незаконного вооружённого формирования падших Архонтов, расторгший предвечную гармонию («сизигию») Плеромы ради создания мира сего. У гностика Симона Мага и Василида вина за появление космоса возложена на Софию-Ахамот, однако она грешит неосознанно, вследствие драматической неполноты своей сущности.

Равным образом гностицизм обнаруживает разительное различие и с индо-буддийскими учениями. Для гностиков сансара — не благородная истина и не вуаль божества, а отвратительная ложь злокозненного Иалдабаофа. Гностицизм производит инверсию классического порядка ценностей и морализирует бытие. Подобный пафос онтологически возвышает человека до статуса судьбы Вселенной и объективирует космос.

Гностическая ярость носит трансцендентальный характер, поскольку она не детерминируется эмпирическими обстоятельствами травматической встречи с реальностью, но, напротив, обуславливает такую встречу. Особенно это явно на примере революционеров, чья революция детерминирована неприятием мира. Западные идеи революции, реформации и прогресса укоренены в гностическом сознании, своеобразным медиатором которого в Средневековье являлись как официальное христианство, так и средневековые ереси. Онтологической альтернативой гностицизму Светлов считает эпикуреизм, основанный на погоне за удовольствиями и конформном принципе «живи незаметно»²⁷.

Логически первой формой гностицизма стала секта офитов (от греческого слова *orphis* — змей), которые критически прочитали Ветхий Завет с позиций эллинистической образованности. Главным благом является знание (гнозис), однако Бог Ветхого Завета держит людей в неведении и запрещает вкушать плод с дерева познания, тем самым он насилует человеческую природу, «стремящуюся к знанию». Из этого офиты делали вывод, что Бог Ветхого Завета не является настоящим богом. Любопытно, что сама структура греческого перевода Ветхого Завета формирует особый опыт прочтения. Так, дерево познания переводится не словом *δένδρον* (живое растение), а словом *ξύλον* (мёртвая древесина). Сад Эдем звучит как *παράδεισος*, второе значение которого — «зверинец». Таким образом, Бог держит людей в зверинце и мешает читать с дерева плод познания. Подлинным спасителем людей оказывается именно Змей (*οφίς*). Гностики видят в нём инкарнацию Небесной Евы²⁸ — существо, жертвующее свою жизнь жестокому Господу ради освобождения человеческого рода.

²⁵ Там же. 44 с.

²⁶ Там же. 71 с.

²⁷ Там же. 40 с.

²⁸ Там же. 96 с.

Гностик Маркион, составивший первый канон новозаветных текстов, впервые противопоставил жестокого и ревнивого Бога Ветхого Завета Небесному Отцу Христа. Бог Ветхого Завета — это евангельский Сатана, «космокреатор» Иалдабаоф, заключивший первых людей в зверинце Эдема. Сатана по причине своей лукавой природы скрывает, что он всего лишь один из эонов или сыновей Софии, некогда составлявшей брачную пару с Небесным Отцом, поэтому он лживо выдаёт себя за единственного Бога. Однако то, что он запрещает есть плод с дерева познания, позволяет понять, что Бог Ветхого Завета не есть Бог истины, а всего лишь онтологический узурпатор.

Схожая драма разыгрывается и в Евангелиях, где Иалдабаоф выступает как князь (архонт) мира сего, соблазняющий Иисуса Христа царствами земными. Миссию Змея по освобождению человечества продолжает Иисус — не сын Бога Земного, но сын Бога Небесного. Он учит мудрости Змея (Мф. 10:16).

Несмотря на полемические выпады, христианство так и не размежевалось с гностицизмом. На дискурсивном уровне осталось неприятие мирского, или «космического». Признав Евангелия, христианство не смогло отказаться от идеи демонического «князя мира сего» и того, что Царство Иисуса Христа, напротив, «не от мира сего». Сама идея единосущия, составляющая основу ортодоксального христианского богословия, оказалась заимствованной из учения Валентина²⁹.

²⁹ Там же. 109 с.

Часть 4. Смертоград

Обретение информации происходит в два этапа: ввод (получение) данных и их последующая систематизация. Впрочем, в последнее время называют ещё один этап — деконструкцию. Поскольку мир нам всегда уже дан экзистентно, т. е. по самому факту нашего существования, то классическая рациональность особый упор всегда делала на втором этапе. Без систематизации не могут осуществиться две основные формально-логические операции — классификация и определение. Без взаимного соотношения представлений не может сформироваться понятие. Предельная или всеобщая соотносённость возможна лишь в рамках философии. Поэтому философская рефлексия направлена на контекст, в котором разворачивается наше мышление. В наше время этим контекстом отчётливо становится город. К нему восходят все эпитеты нашего бытия, которое не может не быть общественным: гражданское, цивилизованное, урбанистическое, буржуазное и политическое...

Как понять город, чтобы через него понять всё? У Дэвида Юма в «Трактате о человеческой природе» есть примечательный отрывок, в котором он сообщает, что видит Париж, но не может составить его идеи, тогда как у него есть идея Небесного Иерусалима, но нет восприятия. Это как раз тот случай, когда обобщение опыта не сообщает знания, а ведь мы привыкли считать Юма представителем британской эмпирической традиции.

Город определённо представляет собой структуру. Он мыслится не в фактах, а в их композиции. Как неслышная музыка сфер Пифагора. Она отчётливо мыслится лишь в момент перехода в иное, на рубеже хаоса и космоса. Город тоже зрим мыслимым оком только на рубеже. В

центре мы неизбежно попадаем на соблазн тождества. Идя по Невскому, сложно представить, что когда-либо было иначе: что не было асфальта на дорогах, людей, транспорта, окрестных домов, мостов, подземных переходов, кинотеатров, стеклянных витрин дорогих магазинов и кафе. Другие города представляются копиями с незначительными коэффициентами или отрицаниями. Такова логика системы. Европейцы долгое время себя отождествляли со всем человечеством, а на уроках физики в школе не сразу приходит понимание, что в пустой коробке всё же находится воздух. Лишь рубежи обнаруживают различие и позволяют увидеть идею.

Но разве сегодня у города есть рубеж? Традиционно город противопоставлялся деревне, но ещё Маркс заявил о стирании этого различия, а Хайдеггер констатировал превращение деревни в придаток аграрной промышленности. Посредством маршруток, школ, ларьков и телевизионных антенн деревни фактически интегрированы в город. Старые деревни в прямом и переносном смысле стали новыми районами города: Автово, Лигово, Купчино, Рыбацкое. Деревянные дома давно разобраны, а на их месте выросли типовые многоэтажные дома. Город заполнил края ойкумены, составляя единое целое с космосом. Космополиты обрели родину, Космополь. Там уже продаётся местный журнал с похожим названием. Он совсем лишён какого бы то ни было национального духа. Тот же асфальт и те же дорожные знаки. Тот же McDonald's и китайские ресторанички. Та же спущенная в массы модная одежда и те же автомобили мировых концернов.

Контекст города настолько широк, что место рубежа у него занимает периферия, за которой не иное города, но иной город. К примеру, собственно центр Петербурга удивительно мал: это территория, ограниченная Невой и Обводным каналом. Но периферия не сразу бросается в глаза. Сначала идут фабрично-заводские окраины (промзоны) Выборгской стороны, Полустрово, Обухово и бывшего Екатерингофа. Затем — застроенные многоэтажными домами эпохи Застоя спальные районы Старой Деревни, Гражданки, Весёлого Посёлка, Купчино и Лигово. Где-то между ними расположились кладбища Пискаревки и Волково.

Но заводы в ином городе являются градообразующими (например, бумажная мануфактура для Красного Села или Ижорский Завод для Колпино), а многоэтажные дома и вовсе атрибут города. Даже кладбище по многим показателям тоже мыслится как город, только мёртвых. Обычно оно огорожено, что этимологически в русском языке подтверждает его городской статус. Город, огород и ограда имеют один корень. По-гречески кладбище именуется «городом мёртвых» — некрополем. Это созвучно с названиями причерноморских степных городов — с Тирасполем, Севастополем, Симферополем, Никополем, Мелитополем и Ставрополем, что, в свою очередь, отсылает к «греческому проекту» Екатерины Второй, напоминает о Византии и земле предков — древнему отечеству скифов. Кроме того, в Москве кладбище расположено в самом центре.

Дальше в глубине периферии города находится пояс Царства Машин. Бетонные ограды гаражей и депо, парки общественного транспорта, калитки дворов с надписями АВТОСЕРВИС и ШИНОМОНТАЖ, посты ДПС и бензоколонки. Дальше только пустыри и свалки, но они лежат уже за гранью города и философской рефлексии. Эквивалентом пустыря является небытие, а свалки — хаос. Поэтому необходимо сосредоточить своё внимание на поясе Царства Машин. Это и есть самое сердце периферии города. Запретная территория. Сюда редко забредают праздные горожане. Здесь не предусмотрены тротуары для пешеходов. Не на что смотреть. Сюда приходят по делу, как верующие в церковь. Но на периферии и храм должен быть децентрирован. Воистину так. В одном месте гаражи — дома машин, аналоги библейского ковчега Завета. В другом месте — в местах автосервиса, автоинспекции и дорожно-патрульной службы — разворачивается техническая литургия — таинство поклонения машинам. Нерадивых прихожан священники в спецодежде отлучают от автомобилей или взимают штрафы. В запретах всегда

мыслится нечто религиозное, ибо это ассоциируется с аскетикой, которой нет места в природе. Но Святая Святых в этом дисперсном храме — это бензоколонки — открытые ультрасовременные базилики.

Само слово «бензоколонка» стало табуированным. Эти святые места носят имена корпораций, их обслуживающих: ЛУКойл, ПТК, «Фаэтон», Neste, Shell и Башнефть. Совсем как церкви средневековой Европы, которые хотя и назывались Домом Божьим, но были посвящены конкретным святым. В центре города именно автомобиль посредством хорошо описанного Бодрийяром в «Системе вещей» потребления производит социальную дифференциацию, формируя систему того, что ещё совсем недавно называлось субъектом:

Низший класс, который живёт на зарплату и оттого ещё называется рабочим, пользуется общественным транспортом.

Средний класс (буржуа) пользуется отечественными легковушками или подержанными иномарками.

Высший класс (олигархи) — дорогими иномарками, которые передвигаются по дорогам не иначе как в составе кортежа машин сопровождения.

Но только на периферии, у бензоколонки, приходит понимание, что автомобили не являются последним благом и высшим уровнем бытия. У машин есть свой Бог. Он есть хлеб их насущный. Лишённые Его благодати, они влачат жалкое и беспросветное существование. К этому Богу автомобили причащаются в таинстве Заправки, которая ни в чём не уступает Евхаристии. Многие наблюдают процесс наполнения бензобака, но никто не ведает таинства наполнения неупиваемой чаши бензоколонки. Сама этимология обнаруживает в слове «бензин» религиозное содержание. Бензин через французское (benzine) и латинское (benzoe) посредничество восходит к арабскому наименованию одного из видов ладана — ароматической жидкости, издревле используемой в ритуальных действиях.

Но если мотор является симулякром сердца, то бензин является симулякром крови. Кровь эту автомобили получают в причастии на бензоколонках. Но Кто может сказать им: пейте из неё все, ибо сие есть Кровь Моя нового завета? Благодать традиционно мыслится как богоявление, и она единосушна Богу. Бензин же — это проявление нефти, таинственного инобытия жизни, гнездящегося в чреве Земли.

Таким образом, на периферии города денно и нощно совершается таинство бензинового причастия. Люди поклоняются машинам, машины обретают существование благодаря бензину, царствует же над всем нефть. Нефть вершит великую справедливость. Изливаясь в моторы и преобразаясь, она сгорает во оставление грехов и искупает преступления жизни пред Небесами. Я здесь подразумеваю похищаемую в процессе фотосинтеза энергию звёзд, на которой паразитируют растения, а через сопричастие с ними и вся биосфера Земли.

Отсюда приходит понимание принципиальной несовместимости города и естественной среды обитания. Поэтому горожанин, производя туристские вылазки на природу, оставляет после себя только кострища и упаковки промышленной продукции. В следах прослеживается суть — это хорошо известно герменевтике. Деревня питалась лесом, полем и морем, причащалась плодами их — хлебом, вином и рыбой — телом и кровью старого завета. Деревня ещё могла быть экологически чистой. Город питается нефтью и причащается ею. Мы можем поставить за скобки бензоколонки, но ещё останутся ТЭЦ. У биосферы и нефти разные пути. Когда-то в доколумбовой Америке, полпотовской Кампучии и платоновской Атлантиде леса, поля и моря поглощали города. Сейчас, похоже, наоборот. Петербургу не быть пусту. Город пытается поглотить биосферу. Завершение этого процесса означает смерть человека. Впрочем, постмодернисты говорят, что человек уже умер, в таком случае остаётся старая религиозная надежда, что за всякой смертью последует преображение, а мы стоим на пороге великих свершений.

2. Философия нефти

Можно без преувеличения сказать, что нефть ныне фундирует бытие. Возмущения социальной реальности последних десятилетий, которые выражаются в войнах или переворотах, по большей части связаны именно с контролем над добычей или транспортировкой нефти. Иракская и чеченская война, «бархатные революции» и сепаратизм в Закавказье, проблемы российских «олигархов» и процветание московского «Вавилона» — всё это имеет ярко выраженную нефтяную подошву. Кроме того, вряд ли кто-нибудь будет оспаривать фундаментальное влияние динамики мировых цен на нефть на экономику России и на курс рубля.

Исчерпание нефти обернулось бы катастрофой для всего человечества в целом и для каждого в отдельности. И одновременно — потребление нефти увеличивает содержание вредных веществ в атмосфере и усугубляет «парниковый эффект».

Возможна ли философия нефти? Разве философская рефлексия не проносится мимо неё к иным, более предельным категориям?

Действительно, нефть часто определяют через более общее понятие сырья или полезного ископаемого. Их философским эквивалентом является материя. Однако нефть — не материя. Она мыслится как благо, как «то, ради чего» совершают некие действия. Четвёртая причина Аристотеля. Может быть, нефть — это материальное благо? При внимательном размышлении она оказывается не материальной, и совсем не благом.

Нефть — это особая субстанция. Она даже не симулякр, ибо у неё нет прообраза. Нефть трансцендентна повседневности, хотя странным образом её фундирует. Никто не имеет дело с «нефтью в чистом виде» — за исключением нефтяников, которые живут где-то на окраинах ойкумены. Зато мы имеем дело с изделиями из нефти — с пластмассами, бензином, керосином, мазутом. Но эти изделия сами по себе ещё не вещи. Это материалы. Нефть же — не материал, но мать материала, его основа. С классической точки зрения, все основы должны быть элементарными, но нефть принципиально не такова. Она обладает сложной структурой. Нефть даже не изначальна. Установлено, что нефть является продуктом разложения тел живых существ, погибших сотни миллионов лет назад, где-то в Каменноугольный период.

Если с технической точки зрения нефть может мыслиться как материал, то с социальной — она всегда кажется благом. Однако это очень странное благо. Генеалогически нефть — это продукт разложения. Прежде подобные вещи считались мерзкими, гадкими и отвратительными. Экологически нефть — это грязь, ибо её разлив загрязняет окружающую среду. Крушения нефтеналивных танкеров вызывают экологические катастрофы. Особенно сильное впечатление при этом производит показ по телевизору покрытых нефтяной плёнкой птиц.

Таким образом, можно сделать вывод, что образ нефти взламывает классическую рациональность, восходящую к логике Аристотеля. Философия нефти возможна только в рамках нелогического мышления, впервые обозначенного Люсьеном Леви-Брюлем. Этот метод был очерчен в герменевтической традиции, где понимание основывалось скорее на интуиции, чем на правилах логического вывода.

Приобретая универсальное значение, пронизывающее все уровни социальной реальности, нефть превращается в зеркало универсума, подобно монаде Готфрида Лейбница. В основе мышления лежит метафора. Нефть становится символом нашей цивилизации, а её понимание способно пролить свет на всё, что с ней связано, т. е. практически на всю современность. Превращаясь в метафору, нефть трансформирует восприятие мира. Она семантически расцветивает социальную реальность в радикально иной перспективе.

Нефть делает прежний мир невозможным. Классические эталоны ценностей истончаются. Этимология слова «нефть» через персидское посредничество восходит к арабскому слову, которое в глагольной форме имеет значение «плевать, извергать, харкать». Прежде плевок, грязь, яд (для окружающей среды), чернота, вторичность истолковывались как несовместимые с благом. Образ нефти служит инструментом для деконструкции этого противоречия.

В теологическом дискурсе нефть не имеет прообраза в уме Бога, поскольку она является продуктом разложения живых существ. Более того, нефть выступает в качестве антипода Бога. Если Бог — чистая форма или форма форм, то нефть принципиально не имеет формы, для её обозначения часто используют образы птицеподобной техники, с помощью которой её добывают, либо тёмные пятна. Это качество ещё раз подчёркивает демонизм нефти. Бог зрим в образе, а у нежити своего облика нет, она ходит в личинах. Благо нефти, таким образом, уже не ассоциируется с красотой или определённой формой. Безобразие становится залогом бесконечных возможностей. Идеи рождаются исключительно по поводу нефти, хотя идея самой нефти, по видимому, невозможна. Простота, некогда считавшаяся божественным свойством, превращается в побочный продукт переработки. Место элементов и простых сущностей в теоретическом дискурсе занимают структуры и инфраструктуры. Нефть темна, её добывают из-под земли. Это порождает стойкие ассоциации с областью inferнального. Нефтяной промысел может быть истолкован как действие, противоположное действию Сулеймана, который, по исламскому преданию, запечатывал джиннов в лампы и забрасывал их на дно морское. Нефтяной промысел напоминает распечатывание демонов.

Дыхание нефти обнаруживается даже в искусстве. Эстетика нефти может апеллировать либо к комическому, которое, по Аристотелю, есть «подражание безобразному», либо к брутальному. Трагическое же превращается в клиническое. Полезно соотнести нефть с золотом. Иногда нефть называют «чёрным золотом», однако, в отличие от золота, нефть предельно дистанцирована от категории красоты. Её эстетика, скорее, в скрытом могуществе. Её образ приобретает самостоятельность в фильме ужасов «Creepshow» («Шоу уродов»), где она в виде плёнки нападает на купающихся обывателей. Переполненный ужасом образ нефти встречается и в психоделической песне Егора Летова «Русское поле экспериментов»: «Вечность пахнет нефтью».

Однако от момента переворота ценностных эталонов следует перейти к моменту фиксации новых ценностей, дабы не совершить ошибку диалектики, которая, по мысли Делёза, заключалась в подмене различия отрицанием.

Нефть производит новые ценности. Главной из них является эффективность — единственный метарассказ постмодерна, по Лиотару. В самом деле, ценность нефти заключается в горючести, т. е. в способности производить эффект, ибо горение и есть эффект.

Совмещение в себе начал воды и огня делает нефть аналогичной алкоголю, который трактовался средневековыми алхимиками как Aqua Vita — «живая вода», совмещавшая в себе качества эликсира бессмертия и философского камня, способного превращать все элементы в золото. Нефть — это «живая вода» механизмов, приводимых в действие двигателями внутреннего сгорания. Ценность нефти для человека оказывается опосредованной. Вместо антропоцентризма магической цивилизации Ренессанса, корни которой можно найти в коранических легендах о халифе Адаме, современная цивилизация имеет ярко выраженный технотронный характер. Революция механизмов, которой так долго опасались писатели-фантасты, свершилась.

Нефть отличает лёгкость транспортировки. Бывает достаточно пробурить скважину, чтобы нефть сама вышла на поверхность в виде фонтана. В древности подобное свойство обозначалось как самодвижность и являлось основной характеристикой одушевлённых существ. Можно ли приписать нефти душу? Вряд ли, но если двигатели внутреннего сгорания обладают душой, то нефть превращается в аналог божественной благодати для них.

Бог заболел нефтью. Книгу Жизни прочесть невозможно — её страницы оказались зализаны нефтью. Записанные в ней слова исказились до неузнаваемости. Это новые слова, новое небо и новая земля. Из глубин Земли поднялся Зверь Нефти, опутала нефтепроводами землю и причастила своими дарами всё человечество.

ЗЕТЕТМКА ВМРПСА

3. Эстетика вируса

Современные весны уникальны своим противостоянием духу «Весны священной». Словно бы Стравинского переиграли наоборот. Всё как всегда, если бы не страх очередной глобальной эпидемии. Глобальное потепление привело к увеличению площадей очагов вирусных инфекций в странах Юго-Восточной Азии, а несдерживаемый озоновым слоем ультрафиолет в совокупности с не менее мутагенными химическими отходами сделал вирусы практически неуязвимыми для вакцин. «Человеческая» атипичная пневмония 2003 года (SARS) ещё могла быть локализована с помощью старого доброго карантина, но что делать, когда эпидемия распространяется посредством птиц? Ещё несколько лет назад считалось, что птичьих болезни не представляют опасности для людей. Но это было до тех пор, пока в 2004 году не появился Птичий Грипп. Теперь фраза «грачи прилетели» является полной противоположностью идиллии. Тихий капель воробья может оказаться опаснее массивного клюва птиц Хичкока.

Впрочем, всё вышесказанное является лишь прелюдией к эстетической вирусологии. Интересно констатировать, что сам современный язык — носитель коллективного сознания — отказывается демонстрировать оптимизм в весеннем сезоне. Не только Птичий Грипп виной всему. Весна ассоциируется с новостными репортажами о паводках, авитаминозом, сезонным обострением аллергии и шизофрении, увеличением солнечной радиации и падающими с многоэтажных домов сосульками. Такую окраску весна получила совсем недавно. Отправной вехой такого восприятия является распространение телевидения, открытие витаминов, описание шизофрении и аллергии, строительство многоэтажных домов и экологическая катастрофа. От «Весны священной» до нас прошло чуть более ста лет, а мы словно оказались в зазеркалье. Изменилось само эстетическое восприятие, поэтому постмодернистская эксплуатация классических ходов устарела, хотя вопрос о смерти постмодернизма абсурден, ибо мёртвое не умирает. Просто он, как говорит современная мудрая молодёжь, больше «не прикалывает». Трупы тоже уходят вниз по течению великой Реки Времени.

Вопрос об оптимизме или пессимизме ложен изначально, ибо зависит не от души (одной из способностей которой является эстетическая способность), а от состояния нервной системы, т. е. от чего-то телесного. Вирусы стали уникальной метафорой современности, конституирующей призму восприятия. Их открыли гораздо позже теории относительности и квантовой механики — в эпоху Голливуда, Гулага, джаза и Art Deco. Программисты (особенно хакеры) давно взяли метафору вируса на вооружение, хотя в англоязычном мире компьютерные вирусы называются червями (worm). Американские роботы Spirit и Opportunity ищут на Марсе следы жизни, возможной только в микроскопической форме (иное уже давно узрели бы в телескопы с Земли). Инженеры пугают общественность таинственными «нанотехнологиями», которые суть не что иное, как создание полезных механических вирусов. Напомню, что вирусы — это единственные живые объекты, измеряемые нанометрами. Если вирусы стали целью, то, по логике Аристотеля, они не могут не стать благом — «тем, ради чего».

Метафора вирусов универсальна, поэтому она трансформирует коллективное сознание и не может не оказать влияния на осознание художественных практик. Вирус символизирует грандиозное смешение и ломку классических схем. Это было и раньше, но как-то безрезультатно. А теперь — вот Оно: не то вещество, не то организм; нечто, лежащее на грани жизни и смерти. Говоря на ломаном языке философии Платона, вирус — это облечённая в кокон идея (нуклеиновая кислота). Странная аналогия получилась: идея как кислота (acid) — то, что прежде объединяло, теперь разъедает. Пока вирус в коконе (капсид), он неактивен: вирус — никто и ничто, и звать его никак. Для учёных по-прежнему является загадкой вопрос о том, что делает вирус

гриппа между эпидемиями. Он не растёт и не питается, но, попав в тело (душу?) носителя, вирус просто инфицирует, т. е. кокон сливается с клеточной мембраной, а нуклеиновая кислота начинает копировать себя за счёт «подножного» материала. Подобная практика получила название «паразитизм» и изначально выглядела оскорбительной. Радикалы XIX века обвиняли в паразитизме помещиков и капиталистов, а радикалы XX века — крестьян и даже художников: одни паразитируют на природе, другие на традиции. Собственно, паразитируют все, констатировали экологи, кроме растений (автотрофов), но и они, в конечном счёте, паразитируют на энергии звёзд. Так что негативность паразитизма и инфекции постепенно обесценилась. Инфекция чем-то напоминает моду или даже безвкусицу (старомодность), ибо мода всегда начало безвкусицы. Даже удивительно, как совершенная форма вириона герпеса может порождать отвратительные бородавки. Тем не менее, интерес к вирусу пропорционален его вирулентности (способности заражать).

Чтобы снобистски избежать заразы, надо лососем (благородная, кстати, рыба) плыть против течения Реки Времени; поддерживать связь с лабораториями, где содержатся всякие штаммы (модели или экспонаты). Художник — это создатель вакцины против безвкусицы, но одновременно и отец старомодности. Эстеты — это те рыбы, которые водятся в проточной воде истока. Ниже по течению — эпигоны, подражатели, имитаторы и пижоны. Время ведь течёт не только из будущего в прошлое, но и от творцов к подражателям. Творцы, как и вирусы, измеряются своей вирулентностью или, как говорили постмодернисты, цитируемостью, способностью вызывать аллюзии и реминисценции.

Вакцина — тот же вирус, но в другой дозировке. По сути, гармония, красота, стиль, вкус и шарм — всего лишь эффекты правильной дозировки. Но вакцины не вечны, и каждый художник сражается с эпигонами своих великих предшественников. Авангард побеждается неоакадемизмом и *vice versa & etc.* Старая вакцина бесполезна против нового вируса тоже из-за другой дозировки или, вернее, генетического смещения (shift).

Посредством метафоры вируса по-новому предстают основные эстетические категории. Например, в современном мире творчество — это производство вирулентности. Средствами здесь выступают смещение (shift) и оригинальная дозировка.

4. Война предместий

Любая эпоха рано или поздно кончается, и конец этот часто носит катастрофический характер. Знание истории даёт шанс сделать переход от эпохи к эпохе менее болезненным. Катастрофы не приходят внезапно, впереди себя они пускают знаки, т. н. флаги катастроф. Разумный человек должен прочесть их, верующий — принять знамение. Одним из таких событий является парижская Война предместий осени 2005 года, которая, пожалуй, более значима, чем террористическая атака исламистов-камикадзе 11 сентября 2001 года. То был Эверест терроризма, атака, которая вряд ли будет превзойдена. Но что она показала, кроме заката эры терроризма? Уолл-стрит был засыпан пеплом, а позиции американского доллара даже не пошатнулись. Война предместий — другое. Она гораздо менее кровава и менее организована. Но именно стихия и раскрывает природу вещей. Война предместий — это бунт в центре современной цивилизации, а его движущие силы с трудом поддаются определению, но как раз это и свидетельствует о том, что мы имеем дело со знаком событий грядущих.

Гибель двух подростков североафриканского происхождения в трансформаторной будке в восточном пригороде Парижа Клиши-Су-Буа послужила искрой, которая взорвала всю Францию. Массовые беспорядки охватили всю страну. Ночные погромщики в балахонах поджигали

автомобили, били витрины магазинов, устраивали стычки с полицией. Так продолжалось около трёх недель. Средства массовой информации неверно обозначили причину этого события, назвав случившееся иммигрантским бунтом (газета «КоммерсантЪ»). Отчасти такое понимание озвучил министр внутренних дел Франции Николя Саркози, призвав депортировать погромщиков на историческую родину. При этом всеми аналитиками подчёркивалось, что массы погромщиков были французами, хотя и африканского происхождения. Этот конфликт можно охарактеризовать не как нашествие иммигрантов, а как гражданское противостояние, как бескровную гражданскую войну. Восставшие не имели отчётливых требований, ими двигала ненависть, выплеснувшаяся на автомобили, трансформаторные будки и детские сады. Это было преступно, но масштабы всплеска подобной преступности делают его социальным явлением. Социальное явление подобного рода в передовой развитой стране делает это явление предметом философской рефлексии.

Война предместий — это очень странный бунт. Он не был вызван бедностью или какой-либо формой дискриминации. Франция достаточно богатая страна, чтобы обеспечить всем необходимым даже малоимущих. Кроме того, в качестве предупреждения беспорядков французские власти запретили продавать подросткам канистры с бензином, что демонстрирует наличие денег у бунтовщиков не только на еду, но и на оружие. Неоднократно подчёркивалось, что погромщики являются жителями многоэтажных домов с окраин, т. е. они обеспечены жильём. Во Франции крупная многомиллионная мусульманская община, однако её духовные лидеры сразу и без колебаний осудили массовые беспорядки, поэтому конфликт не может быть вызван религиозной враждой. Франция является веротерпимой и одной из наиболее свободных стран мира.

Постиндустриальное общество формирует идеал яппи (*yuppie* — young urban professional) — молодого профессионала. У яппи не может быть много детей, ибо всё его время посвящено карьере и поддержанию статуса. Один ребёнок или два, но не более. Рождаемость существенно сокращается по сравнению с доиндустриальными временами. Сокращение рождаемости приводит к увеличению числа пенсионеров — старого населения, находящегося на иждивении у государства. Расходы увеличиваются, а экономика от этого буксует. Казалось бы, есть выход — поощрение рождаемости, — но практика показывает, что это дорогостоящее и практически бесперспективное занятие. Проще приглашать иммигрантов из менее развитых стран. Они жаждут попасть в подлинный мир, но не многие из них соответствуют стандартам.

Усложняясь, цивилизация выбраковывает всё больше людей в категорию лишних, то, что индийские мыслители называют *варна-санкара*, «нежелательное население». Их место за пределами порядка — в социальном хаосе, который рано или поздно поглотит современную цивилизацию. Это последние люди Ницше, аутсайдеры Маркузе и *homo sacer* Агамбена. Именно они становятся главным вызовом современной цивилизации и, как ни странно, главным двигателем мировой истории, поскольку историю движут противоречия.

Война предместий — это бунт *лишних людей*, тех, кто не смог найти себя или своё будущее в современном высокотехнологичном мире Франции. Речь отнюдь не идёт о столкновении цивилизаций, как предполагал в прошлом веке Сэмюель Хантингтон. Лишние люди не принадлежат ни одной из цивилизаций. Среди коренного «белого» населения тоже есть свои лишние люди — *white trash* — «белый мусор», аналогичный российским бомжам. Однако чаще ими становятся иммигранты из стран Третьего мира. Попав в орбиту Запада, их цивилизации стали периферией, перемололись и превратились в кольца Сатурна — в орбитальный мусор. Однако астрономическая метафора не совсем точна. *Эти* кольца имеют массу в четыре раз большую, чем удерживающая их планета. Величие Ньютона заключается в том, что он опроверг существование метафизических точек: центры гравитации определяются массой и ничем иным. Масса не в пользу центра — и центр не может переварить периферию. Против одного «золотого мил-

лиарда» богатых — четыре миллиарда бедных. Террористические методы обречены ввиду травматического опыта фашизма.

Периферийность лишних людей не носит пространственного характера. Различие «Богатый Север — Бедный Юг» отменяется ввиду постиндустриальной отмены расстояний. Жители стран Третьего мира в поисках лучшей жизни приезжают в Первый мир, но, живя на окраинах мегаполисов, они всё так же далеки от цивилизации, как и у себя дома. Цивилизация манит их и разочаровывает.

Но люди — это особый материал. Это разумные животные, разум которых заключается в способности созерцать высшие идеи. Одной из таких идей является справедливость. Именно жажда справедливости толкает людей на бунт. Лозунг Чёрного Бунта в Лос-Анджелесе 1992-го был «Нет справедливости — нет мира». Идеологии могут ветшать, но справедливость кажется неистребимой. Мексиканские сапатисты с лёгкостью отказались от марксизма, но во имя справедливости начали в 1994 году первую посткоммунистическую герилью во имя справедливости. Справедливость служит той искрой, которая гальванизирует толпы, возникающие из ниоткуда и взламывающие социальный порядок. Так было во время мартовской «революции тюльпанов» 2005-м в Киргизии, когда власть свергли не коммунисты, не националисты, не исламисты, а загадочная толпа под лимонно-розовыми знамёнами. Не крестьяне, не рабочие, а фракталы социального хаоса, порождённого Перестройкой. Этому явлению соответствует современное понятие *флэш-моб* — вспышка толпы.

Лишние люди — это мусор цивилизации, а онтологический статус мусора — это упаковка, лишённая содержания. Пустота стремится к наполнению, ибо природа не терпит пустоты, а лишние люди стремятся к реальности, и единственным способом приобщения к истории и реальности становится насилие. Варна-санкара — идеальный материал для террористов, которые являются воплощением принципа разрушения. Этот принцип в Индии называли Шивой. Его экспансией является Кали — покровительница современной эпохи Кали-юги. Вспомним, что и в христианской парадигме ожидается приход эры Святого Духа, который также иногда проявляется как принцип разрушения (напр., Суд. 14:6).

Война предместий не является уникальным примером. В сентябре 2005 года вспыхнул аналогичный, но более беспощадный бунт лишних людей в США, в Новом Орлеане, вызванный ослаблением бдительности властей, чьё внимание было переключено на борьбу с ураганом Катрина.

Социальные проблемы имеют не меньшее значение, чем проблемы экологические. Утилизация отходов в социальной сфере не менее важна, чем в промышленной. Однако отстойники и резервации эффективны лишь при незначительной массе. Резервации США и Австралии сохранили цивилизацию, но привели к её краху в ЮАР и Зимбабве. Вспомним арифметику, четыре миллиарда больше одного. Культура должна научиться организованно отступать, чтобы не потерять контроль над массами. Отступать в массовую и альтернативную культуру. Французское общество, отстаивающее идеал высокой культуры, оказалось менее резистентным, чем американское, известное своей поп-культурой. Кризис античности был решён посредством распространения низовой христианской религии, рассчитанной на «незнатное мира». История не повторяется, но в аналогичных ситуациях выходы могут быть аналогичными.

ЧАСТЬ 5. КЛААН ТАРАКАНА

1. АБСОЛЮТ БУДУЩЕГО

В кризисные эпохи основная задача философии сводится к минимуму — к избавлению от заблуждений. Таков античный скептицизм и современный постмодернизм. Но Кант и романтики научили бережно относиться к заблуждениям. Заблуждения — это наша единственная данность, именно благодаря ним и возможно наше понимание. Изучая заблуждения, мы учимся не наступать на одни и те же грабли дважды, даже если это грабли эпистемологические.

Будущее — это тайна, которая скрывается позади каждого мгновения. Будущее внушает нам все наши страхи и надежды, ибо каждый миг всё может быть перечёркнуто. Однако человек не только раб, но и сын будущего. Он обладает уникальной способностью к его изменению. От наших действий зависит реализация той или иной возможности, которая и составляет плоть грядущего. Поэтому философы-экзистенциалисты настаивают, что человек — единственное существо, которое живёт не в настоящем, а в будущем, ибо его бытие определяется не инстинктами, а целями. Предельная цель с трудом поддаётся осознанию. Она очень напоминает то, что совсем недавно называли Богом.

С тех пор, как Ницше в 1882 году констатировал смерть Бога, теология существенно изменилась. Она всё меньше стала напоминать демиургическую механику, и в ней отчётливо проступили черты метафизической телеологии. Бог в свойственной только ему манере воскрес, а явление нового Абсолюта провозгласили столь различные мыслители как Тейяр де Шарден и Альбер Камю. Первый определил Бога как предел будущего — точку Омега, в которой эволюция и все вовлечённые в неё твари получают полную, почти библейскую реализацию. Именно точка Омега направляет к себе развитие Вселенной. Альбер Камю мыслил менее масштабно, но от его мысленного взора не утаился тот факт, что даже столь последовательные и воинствующие атеисты как революционеры обретают будущее как трансценденцию, отчего сама революция превращается в теургическую практику. «Народ», именем которого революционеры вершили свои деяния, имеет своего референта в будущем, тогда как «массы» всегда эмпиричны и наличны.

Революционные проекты часто терпели крах. Иногда они даже отбрасывали общество далеко назад, причём далеко не всегда это было вызвано действием пресловутого «закона термидора». Ещё древние теологи были осведомлены об этом эффекте: не всякий вставший на путь спасения преуспевает; а иному будет вменена во грех сама его молитва. Посему Коран призывает не молиться до тех пор, пока не придёт ясное понимание (4:43), а некоторые суфии на этом основании хакикат (познание истины) ставили превыше шариата (ритуальной практики).

На смену бесстыдным и назойливым революционным проектам пришла осторожная футурология, пассивно созерцающая тенденции исторического развития. Одна крайность сменилась другой. Футурология очень рано заболела комплексом Кассандры: страпась будущего, она никак не могла на него повлиять. Прогнозы футурологов будоражили общественное мнение, но весьма редко становились программой для будущих действий. Единственная их заслуга — это предотвращение ядерной войны между СССР и США. Впрочем, сокрушительная неэффективность оружия массового поражения была очевидна уже после первых испытаний, ибо заражённая территория не поддаётся колонизации.

Бездействие может стать уступкой соперникам, поскольку история и общество не существуют вне человеческих деяний. В социальной реальности, говорил петербургский философ Николай Иванов, «пока яблоко не бросишь — оно не упадёт». Удачный проект может консолидировать усилия и привести к успеху, тогда как его отсутствие распыляет энергию участников исторического про-

цесса. История оказывается конкуренцией утопических проектов, подобно тому, как наука предстаёт в виде хаоса конкурирующих гипотез. Именно вследствие беспрецедентной открытости будущему западную цивилизацию ожидал огушительный планетарный триумф.

Два великих эпифеномена Европы — революционная теория и футурология — неизбежно претерпят конвергенцию. Необоснованный революционный проект будет упразднён, тогда как продуманная футурология завершится адекватным революционным проектом. Теология будущего — позитивная наука, поэтому она необходимо должна быть чужда догматизма и устаревших теорий.

2. НАГВАЛЬ СУСАНИН

Проклятые кацапы, как я после узнал, даже щи едят с тафаканами.

Гоголь. Иван Фёдорович Шпонька и его тётушка.

С точки зрения латышского неоплатонизма русская идея выглядит кривым ангелом. Из коробок моющих средств можно узнать, что по-латышски Россия это Krievija, т. е. «кривая страна» как метафизическая оппозиция страны, стоящей на прямом пути. Обычно это латышское обозначение связывают со славянским племенем кривичей, которые взяли это имя от старейшины Крива. Но Крив — это кривой, не прямой, лукавый. Это важно в идейном плане, поскольку идеи задают как восприятие, так и понимание. Неоплатонический философ Прокл вообще называл идеи ангелами. Вспомним, что Евангелие переводится как благовест или good-message. Ангелы — это посланцы Всевышнего, которые появляются в переломные периоды нашей жизни, чтобы указать направление, сообразное с нашим достоинством.

Поклонники Кастанеды называют ангелов нагвалями. Кривой ангел России нашёл своё наиболее полное выражение в самом знаменитом русском национальном герое — в Иване Сусанине. Как истинный мастер Пути Левой Руки, он привёл своих учеников к просветлению через ступение невежества. «Куда ты завёл нас, не видно ни зги». И тут их ждала смерть — великое благо, которое Будда называл нирваной, Иисус — вечной жизнью, а вудуисты — самеди (субботой как отдыхом). Его просили открыть ему Царя, и он открыл им Владыку Смерти (Барона Самеди) — истинного повелителя людей. Смерть создаёт религии и цивилизации, ибо во что верил бы человек и кому бы он подчинялся, если бы не ведал страха смерти. Инстинкт самосохранения — это печать всех живых существ. Careful what you wish you can regret it — «осторожнее со своими желаниями, ты их можешь реализовать», — гласит текст трэш-группы Metallica.

Многие возразят, что ангелы, идеи и нагвали имеют различное происхождение, однако стоит оставить это различие метафизикам и сосредоточиться на их функции. Каждый народ, поскольку он является народом, имеет своего ангела, свою идею, свой бренд. США — демократия, Великобритания — викторианские традиции, Япония — высокие технологии. Гегемония народа свидетельствует, что он находится под особым покровительством высших сил. Но с Россией дело обстоит сложнее. Ангел России — это Кривой Ангел. Здесь кроется противоречие, ибо ангелы не могут быть кривыми. Древние святые пытались достичь равноангельского состояния, которое есть совершенство. Абсолютная кривизна невысказима, посему словосочетание Кривой Ангел содержит противоречие, которое, однако, как дзен-буддистский коан, скрывает в себе потенциал взрывного просветления. Идея России отлична от других идей, поэтому многие ищущие её говорили нечто невразумительное. Внешне она созерцается как лишённое ландшафта поле, русское поле, степь, или как просторы хаоса за пределами мироздания, описанные Платоном в трактате «Тимей». «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет», — говорили старейшины славян, призывая варягов в Новгород.

Русские интеллигенты, любящие рассуждать над смыслом России, часто говорят о святой Руси или Третьем Риме, но всегда упускают из виду другую сторону, которая позволяет сложить концепту-

альную мозаику из разных фактов, казалось бы, никак между собой не вяжущихся. Лучше всего тайну безликой России выразил художник Василий Кандинский в своих абстрактных полотнах. Хаос, безличие и беспорядок свидетельствуют, что у неё есть и тёмная сторона, которая из тщеславия или гордости замалчивается русскими мыслителями. Однако она явно просматривается извне, не только из Латвии, но даже из Аргентины. Мне часто вспоминается фрагмент из рассказа «Другой» одного из самых пронизательных писателей XX в. — Хорхе Луиса Борхеса. В нём собеседник главного героя, узнав, что тот увлёкся романом «Бесы», изрекает по этому поводу, что Достоевский не столько раскрыл сущность маргинальных революционеров, сколько проник в «лабиринты славянской души». Народ, считающий себя богоносцем, имеет душу шайтана?! Но стоит ли удивляться? Дьявол никогда не признается в том, что он дьявол, ибо он лжец и клеветник. Впрочем, обратимся к фактам.

Существует множество версий относительно происхождения слова «Россия», но большинство из них не выдерживает никакой критики. Поэтому необходимо исходить из очевидных фактов. Американский историк и православный богослов Иоанн Мейендорф в своей книге «*Bizantium and the Rise of Russia*» пишет, что слово *Россия* (*Rosía*) — греческое и впервые упоминается в византийских хрониках X века. В самом деле, оно весьма напоминает по окончанию греческие топонимы — Иония, Фессалия, Анатолия и Сицилия. Для славянских наречий характерна иная форма — Смоленщина, Новгородчина, Туретчина и Угорщина. До XV века Россия называется в русских летописях «русской землёй».

В переводе с греческого Россия — это страна загадочного народа *Рос*, происхождение которого туманно. Любопытно, что в первый раз этот этноним упоминается не в записках купцов или путешественников, а в пророческой литературе. Впервые слово «Рос» (*Ρως*) встречается в греческом переводе книги пророка Иезекииля, многими отождествляемого с кораническим пророком Зу-л-кифлом, выполненном в 271 г. до н. э. в Александрии и вошедшем в «Септуагинту» — греческую версию Ветхого Завета, написанную по наитию Святого Духа семьюдесятью толковниками. Там в книге пророка Иезекииля слово «Рос» обозначает эсхатологический народ, который явится «от пределов севера» (38:2-6). Спустя тысячу лет теологическая фикция материализовалась, а византийцы действительно столкнулись с северными варварами, которые называли себя Русью и поражали воображение цивилизованных греков жестокими расправами над пленными и человеческими жертвоприношениями. Летописцы сообщают, что народ Рос, высадившись на побережье Малой Азии в 941-м, принялся зверски убивать гражданское население. Пленных они распинали, расстреливали из луков и вбивали им в головы гвозди. Другим примером является оборона князя Святослава в болгарской крепости Доростол в 971-м. Оказавшись в осаде, он приказал в ритуальных целях убивать местных жителей, а младенцев топить в Дунае. Этот эпизод даже запечатлён в «Истории государства Российского» Карамзина. Смешавшись со славянами, этот народ породил русских. Усилиями миссионеров народ был крещён и смирен, Россия превратилась в северные предместья Византии, но её демонизм не исчез.

Интересны характеристики славян, закрепившиеся в европейских языках. В Большом англо-русском словаре 1979 года читаем: Slav — славянин, slave — раб; slavlike — раболопный, трусливый; slavish — славянский, подражательный, несамостоятельный; sloven — небрежный работник, некультурный, грязнуля, халтурщик. Это отнюдь не совпадения или созвучия, ибо до появления славян рабов в Европе называли латинским словом «servus». Эти значения во многом объясняют удивительную способность славян к заимствованию, главным образом, с Запада. Это объясняет, почему улицы российских городов всегда грязнее, чем в Европе.

В эпоху Возрождения Россию называли Татарией, которая простиралась от Польши до Тихого океана (Татарский пролив). Татария — это не просто страна татар. Это слово ассоциируется с Тартаром — адом титанов-богоборцев из греческой мифологии. Эта мистическая бездна, с одной стороны, поглощала армии Наполеона и Гитлера, а с другой — изрыгала орды каза-

ков во Францию и Красную Армию в Афганистан. В XX веке Рейган назвал Россию Империей Зла, а Бжезинский — Чёрной Дырой.

Впрочем, демонизм и зло России — понятия условные, субъективные и относительные. Отчасти они являются и объясняются уникальным географическим положением: Россия расположена в самом центре Евразии — крупнейшего материка нашей планеты. Со всех сторон она окружена субконтинентами — Европой, Ближним Востоком и Китаем, — являясь бескрайним востоком Европы, бескрайним севером Ислама и бескрайним западом Китая. Россия представляет собой инобытие этих колыбелей цивилизаций — их смерть, страх и вызов. Она отделена от Океанов — источников земной жизни. Северный Ледовитый здесь не в счёт, ибо это даже не океан, а ледяной саван над Гипербореей. Поэтому казаки, Пётр I и Екатерина II с маниакальной настойчивостью искали «выхода к морю» — к живительному средству коммуникации с внешним миром. Эта специфика положения делает Россию анти-небом, инертной материей, восприимчивой идеи, землёй в квадрате. Неслучайно её покровительницей считается Богоматерь, трактуемая как Мать Сыра Земля.

Удивительно, но даже наша старина не является исконной. По данным этимологического анализа, такие древние слова как «хлеб», «изба» и «князь» имеют германское происхождение: *hleib*, *stuba* и *Konung* (особенно это заметно в слове «княгиня»). На смену древним заимствованиям приходят новые. Византийские иконы, золочёные минаретные луковицы, татарские сарафаны и балалайки, китайские ларчики-матрёшки и пельмени (цзяо-цзы) — всё оказывается привнесённым извне.

Египетский философ Плотин говорил, что уродство — это недоволощённая идея, над которой довлеет материя. В России как нигде в мире несчастья и бедствия начинаются тогда, когда прежние идеи тускнеют со временем. Поэтому, чтобы Россия не превратилась в поле экспериментов, она должна стать полем экспериментов — поприщем для реализации новых идей. Собственно говоря, Россия всегда была полем экспериментов.

РИМ МЁРТВОЙ ГОЛОВЫ

3. РИМ МЕРТВОЙ ГОЛОВЫ

После крещения Русь попала в сферу влияния Византии — Второго Рима. Странно, что мистика Рима осталась нераскрытой в христианской теологии. Бог выбрал для воплощения именно территорию Римской империи. Спасительную роль в распятии Христа сыграли римские солдаты. Только им доверил Господь мучить себя. По иудейским сведениям, незаконным отцом Иисуса Христа был римский солдат Пантера. Спаситель как-то проговорился, что он повелевает дюжиной легионов ангелов (Мф. 26:53). Первый монашеский устав составил римский легионер Пахом. Просветители Руси вместе с Евангелием принесли римскую идеологию. Энтелехией крещённой Руси стал Третий Рим. Все дороги ведут в Рим.

Идея Рима заключается в идее империи, легионов и земного рая. «Как на небе одно солнце, так и на земле должен быть один император», — так выразил имперскую идею варварский король Одоакр. Империя экспансивна — она должна развиваться до тех пор, пока не поглотит обитаемую землю. Колесницей империи служат легионы, остановить которые могут только пределы Вселенной. Империя включает в себе метафизику тождества. Всё иное должно присягнуть императору или погибнуть. Враг империи будет отступать до тех пор, пока не будет припёрт к стенке, тогда-то и должна разыгаться Последняя Битва. Империя не терпит добрососедских отношений. У неё вообще не может быть соседей, ибо она жаждет слиться с Вселенной. Абсолютная власть в лице понтифика уже претендует на божественность, а Вселенная, управляемая божественной властью — это и есть земной рай.

Ученики Христа расходились из Палестины во все страны мира, но только в России поприще оказалось адекватным их планам. Имперская мысль достигла своего апофеоза в идее ноосферы — полного слияния космоса и человеческого разума, находящего выражение в сенате (партии) святых и предельно — в царе (вожде).

Первоначально Русь была в тени Византии. Это теневое существование продолжалось до Флорентийской унии 1439 года, когда, испуганный турецкой угрозой, Второй Рим вновь подчинился первому. Это была безуспешная попытка согнуть стрелу времени. Призрак Ветхого Рима вновь ожидал столкновения с новыми германцами в лице протестантизма. После падения Второго Рима в 1453 году православные монахи осознали Россию (Московское царство) единственным православным царством в мире — последней цитаделью истинной веры, заповеданной самим Богочеловеком Иисусом Христом. «Два Рима пали, третий стоит, а четвёртому не быть», — писал царю Василию псковский монах Филофей. Падение России мыслилось знаменем прихода царства Антихриста и наступление Последних Времени. В этой идее был заложен определённый порок: Третий Рим мыслился последним, но не вечным. Она допускала трагическое восприятие будущего, ожидание грядущей катастрофы, которую всеми силами надо предотвратить. Позднее этот порок выразился в крайнем консерватизме и косности, которую справедливо критиковали западники. Но идея, содержа порок, не была больна изначально. Она оформила феномен Святой Руси. Катастрофы тогда приветствовались как Промысел Божий.

Термин «Промысел» является ключевым в русском православии. Изначально он представлял кальку с греческого стоического термина *Proponia*, но впоследствии обрёл совершенно самостоятельный смысл. В русском языке слово «промысел» означает убийство, забой с целью поддержания существования, например, промысел морского зверя, когда тюленей убивали, потрошили тушки и выдελывали шкуры. Промысел Божий может иметь в этом контексте двойкий смысл: «потрошение Бога» или «потрошение Богом». Оба смысла приемлемы, поскольку, с одной стороны, через богоборчество спасся патриарх Иаков, а с другой, — человек — это тушка для выделки совершенного существа, именуемого в святоотеческой литературе сыном воскресения, а в современной — постчеловеком. В этом смысле ад оказывается могильником расходного

материала. В обоих случаях смерть становится ключевой, поэтому неслучайно в эпоху Святой Руси появляется загадочный символ, именуемый «Мёртвой Головой».

Сегодня «Мёртвая Голова» больше ассоциируется с символом одноимённой дивизии СС Totenkopf. Однако прежде этот символ использовали корниловские части Белой Армии как готовность обрести «бессмертие посредством оружия». Ещё раньше романтик Стивенсон приписал «Мёртвую Голову» пиратам, которые якобы бороздили моря под флагом «Весёлого Рождера». Есть сведения, что ударные части гусар прусского короля Фридриха Великого тоже использовали череп с костями как символ смерти. Однако многие исследователи сходятся на том, что впервые символ «Мёртвой Головы» был взят на вооружение русскими православными монахами в годы татаро-монгольского ига. Они, подобно римским гладиаторам, выходили на бой, чтобы своей смертью прославить Бога, просвещающего землю святыми.

В России XIV-XVI веков действительно появилась целая плеяда святых — тех, кого Иисус Христос назвал «солью земли». Соль — это не то, чем пересаливают; это то, что сохраняет мясо от гниения. Соль земли — это «живой щит» против гнева Господа. В исламе их называют кутбами — полюсами, или точками опоры. Практически никогда святые не управляют обществом. Они не первые в стаде. Те кесаревы, а эти от Бога. В одном из обозначений святых — *юродивые* — есть оттенок языческого пренебрежения. Язык всегда консервативен. Юродивые от слова «уродь». Они не от мира сего — аномалии, причуды природы, пришельцы, дети Тиамат. Но по их молитвам дождь сходит на землю и прекращаются голод и эпидемии. Когда оскудевает земля святыми — её ждёт запустение и разорение. Когда они приходят, страна расцветает. Иногда они скрыты, но в Святой Руси пятеро из них прославились на века.

Первым из них был Сергей Радонежский (1314-1392). Именно он спровоцировал региональную московскую элиту на бунт против центрального монгольского правительства, убеждая пренебречь стабильностью повседневного существования ради открытости чудесам Господа. Мусульмане именно это называют словом «иман» — открытость веры как оппозиция мирской ограниченности (куфру). Кирилл Белозерский (1337-1427) не провоцировал, а, напротив, бежал от привычного круга знакомых, чтобы воплотить в северных лесах книжный идеал коптской Фиваиды. Его безудержная фантазия материализовалась в виде Кирилло-Белозёрского монастыря. Нил Сорский (1433-1508) не пытался воплощать никаких идеалов, но его сознание было всегда открыто к созерцанию тайн зарубежных учителей. Василий Блаженный (1464-1552) пронизировал над гнетущими привычками современников, обнаруживая чертей за иконами, и смеялся над суетой перед ликом смерти. Никола Салос (ум. 1576) назидал самого царя Ивана Грозного куском сырого мяса, усматривая противоречие между соблюдением православных обрядов и жестокими гонениями своих оппонентов.

Русские святые были достойным ответом испанским конкистадорам и итальянским кондотьерам. Особых вершин достигла техника писания икон — окон в инобытие. Был построен величественный Кремль. Русская земля из задворков цивилизации превратилась в новый центр, и у ренессансной Европы, снедаемой «охотой на ведьм» и религиозными войнами, как будто появилась альтернатива в лице Святой Руси.

Однако идеи Рима и Израиля внутренне несовместимы. Яблоком их раздора стала Украина. Как империя Россия не могла не воспользоваться казачьим мятежом в Польше, чтобы расширить свои владения. Повод был самый благородный — помощь угнетаемым единоверцам. Но у Израиля не может быть единоверцев по определению, только язычники, филистимляне или, в лучшем случае, самаряне. Признание в православных жителях Польши единоверцев создавало парадокс: где истина, если и там и там православие, но они различны? России необходимо было обновление, и хранители старины проиграли. Святость была поколеблена, подготовив лазейку для Петровских реформ.

4. ТРЕТИЙ ГЛАЗ РОССИИ

Петровские реформы обычно критикуют за символичность и отсутствие глубоко проработанного плана. Действительно Пётр был неучем, рубил бороды и укорачивал платье. Но его преобразования, по сути, были революционными, а революция не может иметь плана — это коллективное творчество. Недозревшее не упадет. В молодость Петра Третий Рим тихо гнил. Стрельцы — легионеры Святой Руси — представляли собой единственную силу в государстве, но они часто бунтовали, используя противоречия между боярскими группировками, главными из которых были Милославские и Нарышкины. В историю этот период вошёл как Хованщина — по имени одного из солдатских императоров Третьего Рима. Малолетний Пётр был свидетелем кровавых стрельцких разборок, в ходе одной из них на его глазах был сброшен с крыльца и зарублен воспитатель его матери боярин Артамон Матвеев. Будучи законным наследником престола, Пётр боялся покинуть пределы родного поместья в подмосковном селе Преображенском. Историки сообщают, что страх перед стрельцами был столь велик, что в минуты сильного волнения до самой смерти у него случался нервный тик левой щеки. Пётр мог править только как стрельцкий царь, но в Ветхом Риме, как известно, эпоха солдатских императоров закончилась падением самого Рима и развалом империи. Чтобы выжить, России необходима была революция. Пётр создал параллельную (опричную) армию в лице «потешных полков», набранных из крестьян и экипированных по европейскому образцу.

Прямого отказа от римской имперской идеологии не произошло. Наоборот, Пётр переименовал царство в империю, учредил Сенат и, подчинив посредством обер-прокурора Священного Синода церковь, сам сделался понтификом. Станный успех Петра объясняется его мистической связью со стихией воды. Всё новое берётся от соприкосновения с водой: от первобытных аминокислот до христианского крещения. Вспомним Библию: Дух Божий носился над водой — над первобытным Океаном. России нужна была вода. Много воды. Так родилась идея выхода к морю — Балтийскому и Азовскому. Сама столица должна была быть перенесена на воды и испещрена водными каналами, чтобы иметь дыхание жизни. Петербург задумывался как Северная Венеция, символом которой является гондола — аналог челна Харона, соединяющего Запад и Восток, мир мёртвых и мир живых. Богатая и процветающая морская держава должна была сделаться земной церковью Святого Духа. Декларируемое «окно в Европу» делало из Петербурга мистический Третий глаз России — центр постижения новых горизонтов. Тριάдой ключевых мест новой столицы стала Кунсткамера, Академия Наук и Адмиралтейство.

Кунсткамера позже оказалась заслонённой екатерининским Эрмитажем, но первоначально она была «Палатой Искусств», Храмом Творчества и сокровищницей чудес мира. Академия Наук призвана была сделаться центром просвещения, смягчающего нравы. Адмиралтейство, переводимое как «морское владычество», фактически ознаменовывало собой геополитическую революцию, превращая Россию из теллуократии в талассократию.

Сам Пётр называл столицу Парадизом (Раем) — воплощением небесного города, населённого счастливыми и просвещёнными жителями. Открытость миру символизировал Порт, через который петербуржцы могли на больших парусниках путешествовать в иные миры. В исполнение заповедей о необходимости отдыха устраивались Ассамблеи с бал-маскарадами, фейерверками, качелями и каруселями. Город был окружён регулярными парками, которые мыслились лесами, облагороженными разумом в соответствии с образом райского сада. Пруды имели строгую геометрическую форму, аллеи вычерчены по линейке, усталых путников ждали скамейки и беседки, а в разных местах стояли статуи, символизировавшие те или иные добродетели.

Проект Северная Венеция дал свои результаты, породив Российскую империю и предопределив открытие русскими мореходами целого континента Антарктиды. Но стихия моря

слишком инородна России. Инородными были и те русские, которые оказались инспирированными этой стихией. Платона не зря называют идеалистом, поскольку чистой материи не существует. Не была чистой материей и допетровская Россия. Все реформаторы часто сетуют на менталитет, на те остаточные представления, которые блокируют восприятие нового. Преобразования породили раздвоенную Россию, своеобразную социальную психозфрению. Сформированная на петербургской почве интеллигенция пыталась найти лекарство от этой болезни в возвращении к традициям (*богоискатели*) или в хождении в народ (*народники*), но разочаровывалась в том и в другом. Петровский флот сгнил, каналы были срыты, а Парадиз был задушен дыханием inferнальных фабрично-заводских окраин.

Проклятие Северной Венеции воплотилось в демонических балтийских матросах, которые сыграли не последнюю роль в Революции. Гардемарины — морская гвардия — обернулись табуированными и увешанными пулемётными лентами матросами-партизанами в чёрных бушлатах, бескозырках и брюках клёш. Они поддержали большевиков, разогнали Учредительное Собрание и инициировали массы на бунт.

5. ФАНТАЗМ БЕЛОЙ ТАРЫ

Третьим русским проектом стал греческий. Его суждено было задумать голубоглазой немецкой брюнетке, выданной замуж за русского царевича. От этого проекта остались только греческие названия южнорусских городов от Тирасполя до Ставрополя. Ему не суждено было осуществиться, но он вдохновил Россию на «золотой век», освящённый великими приобретениями, государственными мужами и реформами. Как писал великий гуманист Макиавелли, опытный стрелок всегда метит выше, чтобы попасть точно в цель.

Приехав в Россию и приняв местную религию, она вдруг осознала своё высокое предназначение. При рождении её нарекли Софией, а в России Святой Софии посвящали храмы. Пятнадцатилетнему подростку в условиях метафизической интоксикации подобное открытие сродни озарению. Кто же такая София? Она не могла получить вразумительного ответа, ибо в православной мистике это понятие тёмно. Впоследствии, в XIX веке, в России зародилось целое богословское направление — софиология, у истоков которого стоял Владимир Соловьёв. Однако подобные изыскания были встречены настороженно церковными иерархами. София — это камень преткновения классического православия. Теология вслед за апостолом Павлом отождествляет Софию с Иисусом Христом (1 Кор. 1:24), а иконопись их различает. Обе интерпретации противоречивы. София в греческом языке женского рода, а Иисус Христос был мужчиной. Может быть, София — это невоплощённая женственность Логоса? Однако вслед за патриархом Сергием можно спросить: что такое вообще женствен-

ность в Боге? Если это любовь и пассивное восприятие, то почему Иисус не был женщиной? Софиология утверждает, что воплощением Софии является Дева Мария и Церковь, но как же тогда слова Писания и мистический брак Агнца Иисуса с Невестой Небесного Иерусалима? Парадоксы неразрешимы в рамках ортодоксии, но именно они инициируют мысль.

София осознала, что миссия по спасению человечества ещё не завершена. Она должна возобновиться здесь, в России. Именно ей, Софии, надлежит спасти мир, просветить его и направить к совершенству. Глупая блажь или бесовский соблазн? София не была экзальтированной особой, она была просвещённой барышней — дочерью своего времени. Она знала, что делают с женщинами, возмнившими себя посланницами Бога. На Западе их считают ведьмами, а здесь, в России — кликушами. Заяви София о своей миссии, она тотчас была бы пострижена в монастырь. Мистика для неё была аллегорией, как мраморные статуи римских богов в дворцовых парках.

Однако жизнь при дворе в качестве супруги наследника российского престола для неё не сложилась. Брак был бездетным, принц оказался большим ребёнком и солдафоном, а впоследствии и вовсе завёл молодую (на 10 лет моложе Софии) любовницу в лице фрейлины графини Елизаветы Воронцовой. Быть нелюбимой женой восточного деспота — перспектива незавидная. Впереди светила судьба Евдокии Лопухиной — первой жены Петра I, насильственно постриженной в монастырь. На этом фоне покинутая императрица оказалась в центре внимания придворных рыцарей. Лишь потеряв всё, она могла что-то приобрести. Всем для неё была женская честь, которую она положила за свою жизнь — именно за жизнь, а не растительное существование под оком старых игумений. Она завела фаворитов. Нужен был человек, который бы помог в реализации её неженского счастья. Который помог бы ей реализовать волю Провидения. Этим человеком стал статный двадцатипятилетний гвардейский офицер Григорий Орлов. Воспользовавшись недальновидностью императора, он взбунтовал гвардию и подарил своей возлюбленной корону российской империи. Екатерине (а именно так называли Софию на новой Родине) было 33 года — возраст Христа.

Провидение как будто подталкивало её к великой миссии, которую она задумала в отрочестве. То, о чём только говорил Христос, надлежало осуществить на государственном поприще. Однако положение её было по-прежнему шатко. Солдатская императрица легко могла быть свергнутой собственной же гвардией. Однако она умела разбираться в людях и приближать к себе лучших: граф Суворов, контр-адмирал Ушаков, граф Потёмкин, поэт Державин, драматург Фонвизин, естествоиспытатель Ломоносов, математик Эйлер и многие другие достойные люди. Если она была вынуждена отдавать кого-то, то делала это по справедливости, великодушно, не возбуждая в опальных чувства ненависти. Она умела слушать народ, создавая Комиссии для выяснения общественных нужд. Она инкорпорировала в тело русского государства мусульман и буддистов, разумно полагая, что не в конфессиях заключена истина. За гуманное правление бурятские ламы признали в Екатерине воплощение Белой Тары (Ситатары) — благожелательного женского божества, порождения слезы Авалокитешвары. Будучи императрицей, она считала себя республиканской. Поскольку народ невозможно освободить в одночасье, Екатерина для начала освободила его лучшую часть — дворянство, даровав этому сословию фиксированные права и обязанности.

Создав себе опору в лице народного доверия, Екатерина перешла к воплощению своих великих замыслов, а задумала она ни много, ни мало, а возродить Второй Рим в виде греческого православного царства и поставить на престоле своего внука Константина Павловича. Согласно политической философии Второго Рима, на Земле существует только один император — самодержец Нового Рима. Выше него только Вседержитель — сам Господь Иисус Христос. Поставив на престоле своего внука и наместника, Екатерина обрела бы божественное достоинство.

Грандиозность замысла не противоречила его возвышенной разумности. Выход к Чёрному морю не значил ровным счётом ничего, пока иноверная и враждебная Турция контролировала проливы Босфор и Дарданеллы. Обретя эти проливы, Россия вышла бы к Средиземному морю — к колыбели цивилизаций, а в пределе могла бы осуществить давнюю рыцарскую мечту — освободить Гроб Господень. Россия превратилась в анти-Турцию вплоть до того, что женскому гарему султана был противопоставлен мужской гарем фаворитов императрицы.

Екатерина имела серьёзного внешнего союзника в лице Австрии, которую Турция едва не стёрла с карты Европы в 1683 году. Спустя столетие наступило время реванша. У России были солидные людские ресурсы и талантливые полководцы. В 1770-м в Чесменском сражении адмирал Спиридов уничтожил весь турецкий флот вместе с его адмиралами, а в 1791-м непобедимый граф Суворов уже ждал приказа отправляться на штурм Стамбула.

Но внимание Провидения отвлеклось на Запад, на паровую машину и Французскую революцию. Транснациональным проектам мешало возрождающееся национальное самосознание, хотя Дарданеллы оставались вожаделенной целью русской экспансии вплоть до Первой Мировой войны (1914-1918). Греческий проект был переименован в идею Всеславянского союза с центром в Царьграде (православном Стамбуле), а Россия весь XIX век планомерно вытесняла турок с Балкан. Поощряя идею восстания православных народов против власти турецкого султана, Россия открывала двери внутренней революции. Русские философы от Бакунина до Данилевского тщетно пытались уговорить царей принять новый социалистический проект, чтобы избежать социального взрыва. Но на троне уже не было философов.

6. ПАДЕНИЕ РУССКОГО ЦАРСТВА

Почему самые возвышенные идеалы «обречены на забвение — не отложены до будущих времён, а напрочь вычеркнуты из истории»³⁰? Проекты рушатся от столкновения с реальностью. Сначала они её формируют и направляют, а потом реальность их поглощает. Конечно, можно возразить, что все эти идеи были внутренне противоречивыми, а значит ложными. Но это не так, все эти проекты многое сделали для становления России. И в своё время они были правдой, но перестали. Истина обладает атрибутом непротиворечивости, но поскольку она погружена в историю, грядущее подкидывает такую аномалию, которая взламывает прежнюю гармонию. Это согласуется с ветхозаветной книгой пророка Иезекииля, где рефреном повторяются такие слова: «И узнают они, что я Господь, когда накажу их». Субъективные представления об истине противоречат временному характеру бытия. Ясность и смысл всегда носят событийный характер. Какие бы гении ни приходили на землю, проходит время — и вновь начинается тоска по утраченной ясности, но она-то и усугубляет дело. Когда взор обращается в прошлое, будущее нападает из-за спины, ибо время грядёт из будущего. Невосприимчивость к настоящему обезоруживает.

Святую Русь разрушили украинцы — русские самаряне. Северная Венеция перестала существовать из-за недостатка в водных просторах. Величественный Греческий проект был разрушен Революцией. Существует множество истолкований причин Революции 1917 года, положившей конец Российской империи. Вопрос этот сложный, партийный, болезненный, а потому подсознательно запретный для русского сознания. Потому он заслуживает пристального внимания.

Революция произошла не 7 ноября (день, некогда празднуемый как начало Великой Октябрьской социалистической революции), ибо тогда социалиста-революционера Керенского

³⁰ Гибсон У., Стерлинг Б. Машина различий. Екатеринбург: У-Фактория, 2002. С. 24.

сменил социал-демократ Ленин. Разве можно считать революцией дату, когда один социалист и революционер сменяет другого социалиста и революционера? 21 июля министр юстиции Керенский сменил на посту правителя России графа Львова, который, в свою очередь, пришёл к власти 14 марта в результате Февральской революции, свергнувшей царя Николая II. Однако нельзя представлять графа Львова Лениным февраля. Он не готовил революцию, не вёл массы к ней, а всего лишь принял власть в условиях хаоса, охватившего всю страну — хаоса, с которым не смог справиться царь-самодержец. Граф Львов прославился организацией помощи солдатам в условиях Первой мировой войны. Но не готовили революцию и большевики, которые впоследствии приняли лавры победителей. Ленин узнал о ней из утренних швейцарских газет и спешно решил выехать с группой единомышленников на Родину. Приехал он только в апреле, выступив со своей пламенной речью на броневике прямо с Финляндского вокзала.

Февральскую революцию начали петербургские женщины, стоящие в очередях за хлебом. В городе не хватало продуктов питания. В условиях военного времени гражданское неповиновение всегда рассматривается как нелояльность правительству, как «нож в спину воюющей нации». На разгон женщин были посланы солдаты и казаки. Женщин поддержали рабочие Путиловского завода. Часть солдат взбунтовалась и присоединилась к демонстрантам, которые начали обвинять царя. Демонстрации переросли в массовые беспорядки, объединённые общим лозунгом: «Долой самодержавие!». Царь обратился к своим генералам, но те отказали ему в поддержке. Армия им не принадлежала. 15 марта Россия стала республикой, но это не принесло успокоения. Социальный хаос нарастал, пока не выкристаллизовался в коммунистической диктатуре.

Православная монархия пала из-за её непопулярности. Народ ненавидел царя за Кровавое воскресенье 1905 года, когда крестный ход рабочих был расстрелян царскими солдатами, а священник Гапон предал царя анафеме. Дворяне не могли простить царю Распутина — мужика, поставленного над потомственными аристократами. Армия разочаровалась в царе вследствие неспособности обеспечить фронт всем необходимым, из-за чего блестящие наступления вроде Брусиловского прорыва 1916 года проваливались. Царь уже не мог управлять страной. Гибель монархии не была фатальной. Ошибки можно было бы не свершать: принести покаяние после расстрела крестного хода рабочих, пожертвовать сыном Алексеем ради спасения Родины, возглавить назревшие преобразования и передать престол достойному преемнику. Странно, что Церковь причислила Николая II к лику святых. Может быть, погибель России провиденциальна?

Странна и позиция Церкви в эпоху Революции. Она безмолвствовала и бездействовала. Она не послала великих святых на спасение России. Место святых Сергия Радонежского и Гермогена, благословляющих боголюбивые воинства, оказалось вакантным. Возможно, она лишилась благодати, поклонившись земному владыке и сменив патриарха на обер-прокурора Синода. Говоря современным языком, Церковь из элемента гражданского общества превратилась в филиал государственно-бюрократического аппарата и поделила с ним ответственность за проводимую политику. Став на сторону государства, Церковь отделилась от народа. Как следствие, народ отошёл от православия, сохраняя его в лучшем случае как предрассудок. Парадоксально, но в советские времена христиане вдруг оказались в меньшинстве в некогда христианской стране. Церковь тем временем порождала «бесов», выражаясь языком Достоевского: Чернышевский и Сталин были воспитанниками православных духовных училищ. После Революции Церковь раскололась на четыре части: «Сергиане» (Русская Православная Церковь), обновленцы, Катакомбная Церковь и Русская Православная Церковь Заграницей.

Настроения интеллигенции удачно выразил Чаадаев: Бог благословил Европу: истина там — в идеях и изобретениях. Освобождённые от Турции православные народы не спешили стать российским подданными. Греция и Болгария призывали немецких принцев и британских про-

мышленников. Запад заметно усилился. Английский историк Арнольд Тойнби даже называет точную дату возвышения Запада: 1683 год, когда австро-польское ополчение отразило натиск турок на Вену. С этого момента остальные страны начали превращаться в периферию Европы. Не сразу, но в XIX веке это стало ощущаться особенно сильно. Греческий проект стал неадекватен реальности.

7. ВОССТАНИЕ МОРЛОКОВ

В 1784 году шотландский механик Джеймс Уатт изобрёл паровую машину, которая поставила под сомнение всю предшествующую метафизику и основанные на ней проекты. Паровая машина — это рукотворная душа, принцип движения. И душа эта питается углём — горючими inferнальными камнями. Работа кочегара напоминает сатанинское служение. Полутёмное помещение, пышущая огнём топка, почерневший от сажи рабочий, кормящий машину пригоршнями угля. Богатство и благополучие страны определяется количеством паровых машин. Они отнюдь не безответны к мольбам. Одушевлённые ими корабли превосходят парусники, а одушевлённые ими обозы могут перевозить больше грузов. Пробравшись в мастерские, они превратили подмастерьев в отчуждённых и пьющих промышленных рабочих. Прodelки дьявола? Нет, ибо, согласно псалмам Давида, где успех, там Бог. Но как это далеко от обычных представлений, которые оказываются противоречивыми и ложными. Отсюда нигилизм и тезис Макиавелли о том, что нет ничего кроме черни. На смену религиям приходит идеология социализма. Лишь заигрывающих с заклинателями паровых машин может ждать успех. Первым к этой мысли приходит Карл Маркс, и его учение набирает силу. У кормящих углями религия поверхностна. Герберт Уэллс назвал их морлоками. От их работы зависела безопасность и благосостояние страны. Морлоки составили вызов России, у которой было два пути — путь Гапона и путь Ленина. Путь Ленина мы знаем, поскольку он был реализован. Путь Гапона остался в возможности.

Говорят, Гапон был провокатором, но это, скорее, зависть к архитектору первой русской революции. Он был революционером помимо своей воли, страстно желающим отвратить морлоков от гибельного пути в кровавый хаос. Гапон не был интеллигентом и вряд ли читал Гегеля. Он был православным священником, обладающим благодатью Святого Духа. Он видел грядущий кровавый мрак и видел, что его можно преодолеть только посредством монархического социализма. Для этого надо было создать православный профсоюз и с помощью мирной борьбы потребовать превращения морлоков в привилегированное сословие Российской империи, по факту реального участия в обществе. В 1903 году было создано «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга», которое спустя два года предприняло первую массовую акцию: крестный ход к Зимнему Дворцу. Этот крестный ход рабочих семей был расстрелян царскими солдатами. Погибло или серьёзно пострадало около тысячи человек, частично от пуль, частично от возникшей в результате паники давки. Английский путь развития, согласно которому царь царствует, а управление передаёт премьер-министру, правительство которого формирует победившая на выборах в парламент партия, был потерян для России.

Консерватизм не спасает. Он лишь консервирует противоречия до тех пор, пока болезнь не даст осложнения, выход из которых — социальный взрыв. Паровой котёл — удачная метафора современности. Если пар не спускать, он взорвётся. В России пар не спустили, и свершилась Революция. Тогда спасают радикалы. Ибо когда корабль тонет, надо как можно дальше отплыть от него, чтобы не попасть в водоворот. Ни либералам, ни эсерам, ни белогвардейцам — никому кроме большевиков не удалось удержаться на гребне разрушительной волны.

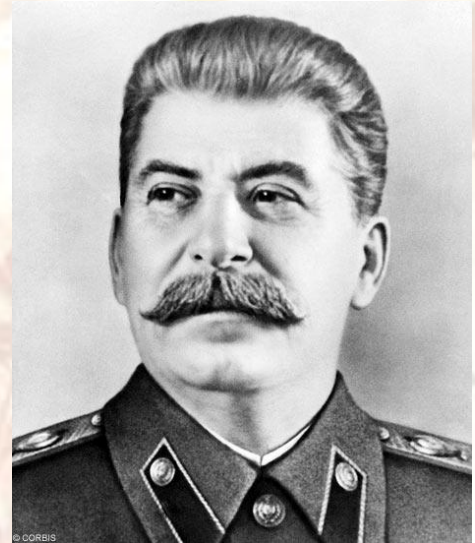
«Какое слюнтяйство, где революционный задор?» — эту фразу приписывают Ленину, которого хаос не только не угнетал, но вдохновлял и давал силы. Гоголь писал о возможности того, что самые ужасные люди являются проводниками Провидения. Только безумные идеи Ленина могли быть адекватны своему безумному времени. Обрывки русской анархической поэзии бунта, заумная гегелевская диалектика движущих противоречий и марксистская идея исторической миссии пролетариата — всё это слилось во взрывоопасную интеллектуальную смесь, которая и поныне будоражит радикальные умы в Индии и Латинской Америке. Ленин был истинным фюрером исторической ситуации, воплощением её духа. Если Гапон был мистиком, то Ленин был интеллектуалом, философом и пламенным публицистом. В историю мировой мысли он вошёл как революционный теоретик. Сам по себе марксизм допускал вполне умеренные социал-демократические трактовки, ибо Маркс бунтарь и Маркс обществовед — это совершенно разные люди. Ленин привнёс в экономический детерминизм Маркса субъективный фактор. Историю движут противоречия, значит, противоречия необходимо не сглаживать, а заострять. Решающую роль в этом заострении играет Партия — сознательное меньшинство, коллективный герой и аватара исторического мгновения. Партия — это не просто парламентская фракция. Это альтернативное государство, истолкованное как аппарат насилия — с собственным правительством и армией. Когда старое (реакционное) государство рушится, Партия становится голосом и головой масс. Для этого она должна овладеть революционной теорией (эффективной критикой современности) и слиться с настроениями масс.

8. ВРЕДИТЕЛЬСТВО КАК ФОРМА КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ

В своей речи «О задачах хозяйственников» Сталин сказал следующее: «В основе вредительства лежит классовая борьба»³¹. Тема вредительства поднята отнюдь не с целью выяснения культурно-исторической ситуации раннесоветской эпохи. Меня больше интересует момент, где идеологический дискурс обнажает своё собственное лицо, надевая противника чертами собственного непристойного двойника. Советский концепт вредительства оказывается весьма актуальным в контексте наступившей после 11 сентября эпохи глобальной войны против терроризма. Советские вредители, равно как международные террористы, оказываются зеркалом Системы и одновременно её слабым звеном.

В современной философии давно утвердилось мнение, что мир не таков, каким мы его воспринимаем. Первым это убедительно показал Кант, введя понятие трансцендентального. Вся последующая философия пыталась выяснить, как формируется тюрьма для нашего разума: на основе ли вытесненного бессознательного, языковых структур или диалектики материального производства. Постмодернизм как бы подвёл черту под всеми этими поисками, обозначив трансцендентальное как дискурс. Бертран Рассел сравнил кантовское трансцендентальное с призмой, которая способна как исказить, так и позволять увидеть.

Духовная ситуация после Канта характеризуется попытками модификации собственной трансцендентальности для удовлетворения своих познавательных способностей. Одним из примеров подобной работы является учение Карлоса Кастанеды. Другой путь предлагает деконструкция, позволяющая шевелить дискурс с целью «отрясения сокрытий». Философы уже не стремятся перейти с зыбкой почвы мнения на твёрдую почву истины. Истину заменил смысл — состояние открытости или дискурсивного просвета, когда сквозь тучи вдруг проглядывает гносеологическая Луна.

Неомарксистская философия в лице Ролана Барта по-христиански отождествила теорию познания и практику спасения, переместив революцию в пространство текста и обозначив в качестве своей мишени идеологию или злокачественный паранойяльный дискурс, поглотивший другие дискурсы. Как ни странно, марксистский концепт идеологии удачно иллюстрируют ницшеанские образы ледяных затворов на пути интеллектуальной реки становления.

Теорию революции разрабатывало такое направление марксизма как ленинизм, чьей особенностью был момент, что революция произойдёт не в передовой стране, а в отсталой, где противоречия капитализма осложняются противоречиями феодализма, где цепь мирового фронта империализма слабее³². Вероятность революции возрастает ближе к периферии Системы.

С позиций деконструктивизма самым слабым звеном идеологии является то, что она отрицает. Идеология мифологична, а существенной чертой мифологии, согласно тезису Ролана

³¹ Сталин И. В. О задачах хозяйственников (Речь на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г.) / Вопросы ленинизма. Л., 1947. 327 с.

³² Его же. Об основах ленинизма. 19 с.

Барта, является «неспособность вообразить себе другого»³³. Здесь-то идеология и показывает свою ограниченность и неадекватность, приближая нас к непотаённому — исходному, с точки зрения Хайдеггера, смыслу истины — *aleteia*.

Для иллюстрации этого тезиса полезнее всего обратиться к сталинской версии марксизма, ключевым тезисом которой был тезис об усилении классовой борьбы по мере приближения к коммунизму. Из этого тезиса дедуктивно выводились тоталитарные, террористические и милитаристские черты сталинской диктатуры, ибо руководимое компартией государство как аппарат насилия в условиях ожесточённого сопротивления агонизирующих классов необходимо должно приобрести гипертрофированные формы.

Итак, в сталинистской идеологии вредительство рассматривается как форма классовой борьбы против советской власти. Участники этой борьбы рекрутировались из «остатков умирающих классов»: промышленников, торговцев, дворян, духовенства, крестьян, служащих дореволюционного госаппарата, а также из интеллигентов³⁴.

Однако даже рабочие и коммунисты не могли быть свободны от подозрений во вредительстве ввиду инерции классового сознания, суть которой заключалась в том, что «сознание людей отстаёт в своём развитии от фактического их положения»³⁵. Вчерашний революционер вполне мог оказаться оппортунистом, уклонистом или перерожденцем.

Вредители делились на три категории: активные, нейтральные и лояльные. Самыми опасными считались первыми: их рекомендовалось разгромить, вторых — расслоить, а третьих — привлечь на свою сторону, — однако полное уничтожение вредителей не представлялось возможным до тех пор, пока живы классы и не построен коммунизм³⁶.

Конкретным выражением вредительства являлись поджоги складов, хищения с них, заражение домашних животных чумой, сибирской язвой и менингитом³⁷. Своеобразной формой вредительства также признавалось хулиганство³⁸.

Примечательно, что мотивация вредителей иррациональна, поскольку ими руководит «классовый инстинкт», который и направляет их гнев на «общественную собственность» — основу советского строя³⁹.

В сталинских вредителях мы обнаруживаем непристойного двойника самих революционеров: луддитов — разрушителей машин, народных мстителей-поджигателей, описанных в «Бесах» Достоевского, а также экспроприаторов. Сталин и его окружение проецируют на вредителей собственную идеологию: концепт классовой борьбы, классовое сознание и убеждение в первичности материальной инфраструктуры. Хотя вредители даже с марксистских позиций могут быть скорее определены как деклассированные элементы, нежели как агенты враждебных классов.

Сталинская идеология в этом отношении не является уникальной. В Средневековье непристойным двойником католиков являлись ведьмы, которые воспринимались как еретики, проводящие мессы, жертвоприношения и таинства евхаристии. В современном мире международные террористы функционируют по принципу агрессивной рекламы: те же геополитические амбиции и стремление к глобализации, то же давление на население с помощью тщательно срежиссированных акций, записанных на видео, та же эксплуатация страхов и опасений.

³³ Барт Р. Бишон среди негров / Мифологии. М., 1996. 110 с.

³⁴ Сталин И. В. Итоги первой пятилетки. 392 с.

³⁵ Там же. 393 с.

³⁶ Там же. 393-394 с.

³⁷ Там же. 392 с.

³⁸ Там же. 394 с.

³⁹ Там же. 393 с.

9. КРАХ СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА

*Взял и клонул Таракана,
Вот и нету великана.
Поделом великану досталось,
Пугов от него не осталось.*
Чуковский. Тараканище

Порождённый революцией советский проект (если геополитически Советский Союз превратился в постсоветское пространство, то исторически мы живём в постсоветскую эпоху) выступает определённым вызовом для современной российской философии. Но он не был таким монолитным, каким казался со стороны. Лучшим зеркалом эпохи является философия, ибо она, по словам Гегеля, есть эпоха, схваченная в мысли. Однако советская философия — это нечто на первый взгляд совершенно невыносимое из-за целого набора риторических штампов, вроде «бытие определяет сознание». Эти штампы блокируют мышление, поэтому они нуждаются в деконструкции с целью понимания их исторической ограниченности и обусловленности.

Риторические штампы и историческое банкротство свидетельствуют, что мысль скорее маскируется или не замечает собственной противоречивости, чем откровенничает. Поэтому с деконструктивистской точки зрения неверно понимать советскую философию на уровне саморепрезентации, то есть как марксистскую и диалектико-материалистическую.

Советская философия — это постепенная ревизия марксизма вплоть до полного его отрицания. Именно этот тезис, на мой взгляд, позволяет объяснить, почему она с лёгкостью была оставлена интеллектуалами, а приверженность к ней сохранилась лишь у догматиков, которые истинное отождествляют с привычным.

Внешне ревизию можно заметить по трём идеологическим расколам, в которые оказалась втянута советская философия: осуждение троцкизма (1927), осуждение маоизма (1959) и Перестройка (1985).

Справедливости ради следует отметить, что большевизм — первоначальная философия Советского Союза — уже представлял собой неортодоксальный марксизм, поскольку решающую роль в этой революции отводится не пролетариату, а «сознательному меньшинству» — партии профессиональных революционеров, имеющих разное социальное происхождение. Установление диктатуры Сталина совпало с отказом советской философии от идей немедленного осуществления мировой революции. Возобладала концепция построения социализма в одной отдельно взятой стране, который в условиях враждебного капиталистического государства должен был приобрести жёсткую государственную форму.

Неадекватность советского проекта ввергла Россию в состояния непрекращающегося кризиса. Впервые эта неадекватность обнаружилась в годы Великой Отечественной войны, когда Германия вероломно напала на Советский Союз, бросив вызов самому существованию советского государства и усилив тенденции к укреплению государственности. Вероломность в данном случае является чем-то большим, нежели простым риторическим штампом. «Война не является уделом только армии»⁴⁰ — непосредственное участие в ней принимает всё общество. Одни пополняют личный состав вооружённых сил, другие работают на военных заводах, третьи оказывают моральную поддержку. Великая Отечественная война показала, что, «одурманенное буржуазной пропагандой», немецкое общество в целом, за исключением отдельных диссидентов, поддержало нацистов. Даже немецкий пролетариат, на который коммунисты возлагали осо-

⁴⁰ Козлов В. Г. Реакционная сущность империалистических армий // Война и армия. М., Воениздат, 1977. 317 с.

бые надежды, предал идеалы освобождения и сделал выбор не в пользу пролетарской, а в пользу своей национальной власти. Он ковал военную мощь на заводах и пополнял ряды тех, кого принято называть «немецко-фашистскими захватчиками».

Предательство немецкого пролетариата было весьма травматичным для советского сознания. Идеи мировой революции, коммунизма и основополагающего характера классовой борьбы поблекли. После окончания войны марксистская классовая борьба в советской философии постепенно вытеснялась гегельянской борьбой народов как внутренним механизмом мировой истории. Враждебные силы назывались «буржуазными нациями», а свои — «странами социалистического содружества» во главе с «советским народом». Если изначально Красная Армия была рабоче-крестьянской, то после 1946 года она становится общенародной. Название «красная» меняется на «советская».

В отходе советского мышления от марксистских схем нельзя не усмотреть коммуникативного или культуртрегерского фактора войны. Если Крестовые походы привели к заимствованию арабского аристотелизма и восточных технологий, то Вторая Мировая война не могла не привести к аналогичным результатам. СССР перенял из Германии как ракетные технологии Фау, так и элементы национал-социалистической идеологии, что позволило к 1957 году не только создать ракетно-ядерное оружие, но также иметь моральное право на его использование против государства вероятного противника, априорно подразумевающее массовую гибель мирного населения, включая сотни тысяч американских рабочих и членов их семей.

После Войны День Победы, 9 мая, постепенно вытеснил из сознания Годовщину Революции, 7 ноября. Освободительную миссию пролетариата взял на себя советский народ, который вступал в довольно странные отношения с русским народом. Советский Союз объявлялся государством нового типа. Если у него и были предшественники, так только в лице Парижской Коммуны. Впервые тема Отечества (которое, по довоенным представлениям, мировой пролетариат обрёл в лице Советской России) в советском дискурсе появляется в 1918 году в связи с необходимостью защиты завоеваний Революции. Отечество это было социалистическим, что неоднократно подчёркивалось в риторике лозунгов. Вместе с тем война 1812 года также признавалась Отечественной, хотя русские солдаты защищали реакционный самодержавно-помещичий режим, отстоящий от Парижской Коммуны ещё дальше, чем буржуазно-революционный режим наполеоновской Франции. Инфильтрованный войной патриотизм оказался слеп к степени прогрессивности или реакционности чужеземцев.

Россия вновь обрела значение некоей мессианской роли и потаённого метафизического центра, суть которого выразилась в ироничной поговорке «Россия — родина слонов». Любому значимому мировому открытию находились русские предтечи, которые не могли явить себя человечеству исключительно из-за «бездарности и невежественности царской власти». Так, в советских учебниках утверждалось, что «России принадлежит первенство в создании паровой машины», изобретение которой приписывалось И. И. Ползунову, а не Уатту⁴¹. Сходным образом создание первой в мире электрической лампы приписывалось русскому учёному А. Н. Лодыгину⁴², а не американцу Томасу Эдисону.

Идеи пролетарской культуры были преданы забвению, а центральной фигурой русской поэзии, как и в дореволюционные времена, стал Пушкин, имеющий, как известно, крепостнически-помещичье происхождение. Равным образом взошли на пьедестал почёта и граф Суворов, печально прославившийся жестоким подавлением польского национально-освободительного движения, и царский адмирал Нахимов, напавший на турецкий флот в Синопе, что привело к включению Англии в войну против России и падению Севастополя. После-

⁴¹ Наша великая Родина. М., Госполитиздат, 1953. С. 147.

⁴² Наша великая Родина. М., Госполитиздат, 1953. С. 178.

военный советский учебник по истории «Наша великая Родина» начинался с главы «Наши предки — славяне». В этом аспекте марксизм преодолевался славянофильством и народничеством, где самобытность России усматривалась в славянской общине, противостоящей западному индивидуализму и фермерскому хозяйству.

Таким образом, советский проект заразился российским великодержавным повинизмом, осложнявшимся фундаментальным противоречием с латентной ориентацией советского мышления на прогресс, которое и разорвало русское общественное сознание после Перестройки. Схожая коллизия в своё время существенно ослабила Третий Рейх, когда популистский антисемитизм привёл к изгнанию из страны учёных-атомщиков еврейского происхождения. Будь нацисты терпимее, колесо истории могло бы повернуться иначе, а Хиросима имела бы европейское имя.

Культ Победы означал, что Советская Армия, захватив Берлин, стояла в авангарде сил мировой цивилизации в борьбе за прогресс и демократию. Россия, как во времена татаро-монгольского нашествия, приняла на себя удар демонических (реакционных) сил, «проклятой Орды», чтобы спасти человечество, ибо «низкопоклонство перед Западом» осуждалось.

Ось мировой борьбы переместилась к оппозиции прогрессивных сил и реакционных кругов. Но из этого следовало, что декларируемая диалектика подменялась метафизическим противостоянием двух непримиримых принципов: прогресса и реакции. Они отрывались от производственной базы и связывались с идеями. Как пролетариат мог служить реакционным кругам, так и буржуазия могла составлять прогрессивные силы.

В Годы Застоя (1965-1985) советская мысль осознала современность как эпоху научно-технической революции (НТР), поэтому решающее значение стали придавать научно-технической интеллигенции или инженерно-техническим работникам (ИТР). Интеллигенты как люди науки заметно усилили свои позиции к середине XX века, поскольку, по констатации советских философов, сама наука превратилась в «непосредственную производительную силу общества»⁴³: именно учёные создают материальные блага, тогда как пролетариат их лишь тиражирует. Сама научно-техническая революция создавала предпосылки к уничтожению пролетариата как класса и замене его на автоматизированные системы. Поэтому российскими адептами прогресса стали интеллигенты — традиционные соперники православного духовенства в борьбе за умы. Именно они, а не рабочие или колхозники, стали главными героями популярных кинолент тех лет: «Семнадцать мгновений весны» (Г. Лиознова, 1973), «Иван Васильевич меняет профессию» (А. Гайдай, 1973). В числе культовых произведений советской литературы можно назвать «Пикник на обочине» братьев Стругацких (1972; по мотивам этого произведения в 1979 году А. Тарковский снял своего «Сталкера»), где главными героями являются работники научно-исследовательских институтов (НИИ). Они-то и стали своеобразным манифестом новой советской буржуазии, которая стала движущей силой Перестройки.

Таким образом, интеллигенция взяла эстафету агента исторических преобразований у пролетариата. Отчасти это было вызвано автоматизацией труда, отчасти — повышением сознательного уровня самих рабочих. Овладев новыми технологиями с Запада, советские инженеры пришли к пониманию, что в основе революционных инноваций лежат иные теоретические предпосылки, нежели советский марксизм. Именно такие выходцы из советских НИИ как премьер-министр Егор Гайдар и архитектор приватизации Анатолий Чубайс стали в авангарде советской модернизации, сделавшись своего рода символическими лидерами реформ, тогда как советский патриотизм рассеялся на патриотизм национальных окраин.

⁴³ Современный научно-технический прогресс и его влияние на войну и военное дело / Война и армия. М., Воениздат, 1977. С. 196.

Равным образом и реакционные круги состояли уже не из помещиков и капиталистов, а из служащих и военнотружущих. Особое неприятие советский дискурс проявлял в отношении женщины и милитаристов. Наследниками фашизма признавались военная хунта в Чили и военно-промышленный комплекс США. Хотя существовал феномен прогрессивно настроенных офицеров. Прогрессивность или реакционность определялась степенью лояльности к Советскому Союзу как некому мистическому (неявному непосвящённому) центру Прогресса.

Таким образом, в Годы Застоя происходит также неявная подмена «диалектико-материалистического мировоззрения» обратным, т. е. «метафизико-идеалистическим». Высшими ценностями объявляются некогда критикуемый «абстрактно-идеалистический» гуманизм и демократия. Духовный фактор перестаёт быть просто «настройкой» над производственными отношениями, но становится самостоятельным компонентом социальной реальности. Уже в годы Перестройки окончательно закрепилось представление, что духовность является фундаментом человеческой психики, поскольку человек стал человеком не со времени изобретения первых орудий (которые оказались орудиями убийства), а после выработки духовно-нравственных принципов сотрудничества и милосердия, т. е. гуманизма⁴⁴.

Однако советская духовность далека от христианского прототипа. Она отождествляется с идеологией, которую Маркс называл формой ложного сознания. Советский философ Д. А. Волкогонов анализирует Вьетнамскую войну и делает вывод, что свидетельством высокого морального духа американской армии была самоуверенность и наглость (аналог гордости за Страну Советов), а низкого — раскаяние. Дух тождественен убеждениям, которые формируются не условиями жизни, а «путём систематической и целенаправленной пропаганды и агитации»⁴⁵. Однако такой подход подразумевал наличие некоей идейной расы политработников, которые сообщают «резкий морально-волевой толчок извне»⁴⁶ неосознанной массе населения. Они владеют техниками самовнушения и блокировки негативных эмоций. Основным фактором превосходства советской агитации декларировалось то, что советские политработники черпали вдохновение в трудах классиков марксизма-ленинизма (которые пересматривались в угоду политической конъюнктуры), а враждебные — в национализме, религии, опыте и материальном вознаграждении. В любом случае, речь идёт о небольших инициативных группах пассионариев (термин, введённый Л. Н. Гумилёвым в 1979), способных с помощью средств массовой информации навязать свою волю массам и подавить волю конкурирующих групп в ходе идеологической войны, которую ныне называют информационной, а прежде — духовной бранью.

История показала, что в этой войне Советский Союз проиграл. С одной стороны, советскую философию взломал страх перед угрозой экологической катастрофы и Третьей мировой войны с использованием ракетно-ядерного оружия, а также осознание возможности гибели человечества («вероятность которой не равна нулю»), породившее идею «мирного сосуществования». В последние годы своего существования война перестала мыслиться диалектически. «Ещё в конце 1970-х годов учёные полагали, что мировая термоядерная война будет сопровождаться гибелью многих сотен миллионов людей и разрушением мировой цивилизации; теперь же стало очевидным: такая война приведёт к уничтожению не только человечества, но и самой жизни на Земле»⁴⁷.

С другой стороны, советская мысль содержала внутренние противоречия: опора на Маркса сужала теоретическую базу сравнительно небольшой группой исторически обусловленных тек-

⁴⁴ Что такое человек? Загадка антропосоциогенеза / Введение в философию. М., Политиздат, 1989. С. 226.

⁴⁵ Роль идеологии в войне / Война и армия. М., Воениздат, 1977. С. 259.

⁴⁶ Духовный фактор в войне / Война и армия. М., Будущее / Введение в философию. М., Политиздат, 1989. С. 606. Воениздат, 1977. С. 243.

⁴⁷ Будущее / Введение в философию. 1989.

стов, которые были буржуазными по контексту. Вся история советской философии представляет собой регрессию от марксистской идеи пролетарской революции к правогегелянской идее истории как конфликта наций и к неокантианской идее этического социализма. Перестройка, которая и завершила бытие Советского Союза, началась с провозглашения единой «общечеловеческой цивилизации», сформировавшейся на основе «общечеловеческих ценностей» и, в свою очередь, участвующей в их формировании. Вместо казарменного социализма предполагалось начать строительство «гуманного и демократического общества» — социализма «с человеческим лицом».

Необходимость обоснования этических ценностей расколола постсоветскую мысль на либералов и консерваторов. Либералы считали, что свободы гражданина гарантируются частной собственностью, а консерваторы — обращением к религиозным корням, т. е. к православию или язычеству. Однако либерализм был заслонён воровской этикой социал-дарвинизма, а консерватизм — ксенофобией (антиамериканизм и нетерпимость к «нетрадиционным религиям»). Кульминацией столкновения советского патриотизма и советской модернизации стал октябрь 1993-го, который окончательно похоронил само слово «советский».

10. СУБЪЕКТ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Фундаментальный парадокс старых революционных теорий вскрыт в романе Виктора Пелевина «Generation P» (1998). Главный герой на спиритическом сеансе вызывает дух легендарного революционера Че Гевары, который сообщает на первый взгляд контрреволюционную мысль о том, что «из поля зрения полностью исчезает тот, за чью свободу можно было бы бороться». Как бы то ни было, но эта фраза удачно передаёт дух 1990-х годов, которые вошли в историю как эпоха Ельцина.

Народ, за счастье которого сражались предыдущие поколения революционеров, превратился в контрреволюционную фикцию, прикрывающую амбиции авантюристов. В эпоху Ельцина русский этнос, освободившись от коммунистической диктатуры, стал стремительно деградировать. В стране свершилась криминальная революция. Общество разделилось на «крутых» и «лохов», причём главным критерием различия между ними было то, кто кого «кидает». Смертность превысила рождаемость, обозначив феномен «русского креста». На каждые десять новорождённых в России приходилось пятнадцать умерших. Средняя продолжительность жизни мужчин сократилась до пятидесяти девяти лет⁴⁸.

Бизнес-элиту образовали «новые русские», вышедшие из среды советского теневого бизнеса, спортклубов и тюрем. Этой элите подражала спивающаяся малообеспеченная масса гопоты, носившая одежду в спортивно-рабочем стиле. Самым распространённым стал тост «чтобы у нас всё было и нам за это ничего не было». Российское государство превратилось в сырьевого сутенёра, а гопота стала настолько влиятельным сегментом русского общества, что преемник Ельцина Путин во время своей предвыборной кампании использовал блатной сленг, предлагая *замочить* террористов в сортирах. Офицеры новой России в общении с журналистами часто называли чеченских повстанцев *отморозками*.

Стержнем субкультуры гопников является *воровство*, имеющее глубокие корни в русской истории. Оно отнюдь не противоречит ни Православию, ни евразийству — двум официально навязываемым идеологиям. Напротив, воровство использует их. «Бог создал вора, а чёрт прокурора», — гласит воровская пословица. Отречение от мира, благодать халявы, кидание понтов князю мира сего как возвращения кесарю кесарева и соборность братвы не только православно, что и очень евразийно, поскольку первыми исторически зафиксированными ворами на Руси

⁴⁸ <http://news.bbc.co.uk/1/hi/world/europe/4845164.stm>.

были *гулящие* казаки из ополчения Болотникова — наследники традиций азиатского номадизма. В Смуту воры проиграли земскому ополчению северорусских земель, но не канули в небытие, а затаились в местах заключения, бережно храня свои мрачные ритуалы. Их час пришёл после развала Советского Союза, когда они духовно сформировали гопоту. Русь стала жить не по закону и даже не по благодати, а по понятиям.

Эти ли люди являются субъектом освобождения? Нет. «Пусть мёртвые хоронят своих мертвецов», — сказал Иисус Христос; а агент Смит добавил: «Лейтенант, ваши люди уже мертвы». Гегемония гопников привела к дальнейшему разорению Руси, в которой отчётливо наметились процессы распада. Нельзя исключать того факта, что Россия уже выполнила свою историческую миссию предостережения человечества от следования крайностям. Продолжающийся духовный вакуум может привести к геополитическому коллапсу российского пространства под натиском инокультурных элементов. Поэтому необходима культурная инъекция, которая бы привела к заполнению хотя бы исторического ядра российского пространства. Пора позаботиться о том, чтобы российское геополитическое наследие досталось родственникам и потомкам, а не чужакам.

11. АПОКАЛИПТИЧЕСКИЙ КИТАЙ

(Китайский) народ трудолюбивый, дойдёт до самого Урала
 преп. Серафим Вырицкий

Итак, обозначим внешние факторы, которые могут претендовать на участие в российском геополитическом наследии. Самой явной из них является китайская экспансия. Российско-китайская граница разделяет два асимметрично населённых региона. В китайском Хэйлуунцзяне живёт 38 миллионов человек, а в российском Приморье — почти в 20 раз меньше. При этом население России ежегодно сокращается на 700 тысяч человек, тогда как количество китайцев каждый год возрастает на 10 миллионов⁴⁹. Разность потенциалов создаёт напряжение, которое государственная граница не способна сдерживать. Её легитимность для самих китайцев носит относительно исторический характер, ибо она была навязана российским правительством Китаю Пекинским договором 1860 года, когда тот проиграл Вторую Опиумную войну Великобритании (1856-1860).

Китайская экспансия, помимо историко-демографических, имеет и экономические предпосылки. Рост ВВП Китая составляет 10%, что значительно превосходит аналогичные показатели не только в России (около 7%), но и в развитых странах Запада. Вспомним, что бурное развитие германской промышленности и её опоздание к колониальному разделу мира во многом послужили причиной

⁴⁹ <http://www.panasia.ru/main/china/2.html>.

двух мировых войн. У бурно развивающейся китайской промышленности необходимо будет возрастать потребность в новых и дешёвых источниках сырья, которыми в избытке славится редконаселённая Сибирь. В этом контексте фраза российского президента Дмитрия Медведева «Нужно учить китайский язык» звучит зловеще.

В случае прямого вооружённого конфликта с Россией Китай имеет все шансы на успех. Он обладает 2,5-миллионной армией, ракетно-ядерным оружием и растущим военным бюджетом. Внешнеполитическая ситуация складывается в пользу Китая, так как он не представляет прямой геополитической угрозы странам Запада, экономика которого в значительной степени зависит от китайских производителей и китайских рынков сбыта. Более того, совместная колонизация России может снять болезненный для мирового сообщества конфликт между Китаем и Японией.

Официальная российская идеология евразийства не обладает иммунитетом против китайской угрозы, поскольку, во-первых, Китай формально является частью Евразии, а во-вторых, российская власть продолжает рассматривать Китай как геополитического союзника в борьбе против гегемонизма США. «Пятой колонной» китайской экспансии могут стать, как ни странно, русские коммунисты, поскольку ими любые антикитайские настроения будут преподноситься как проявления неофашизма и ксенофобии.

Впрочем, говоря о Китае, следует иметь в виду не только его нынешнюю историко-политическую форму Китайской Народной Республики. Китай имеет пятитысячелетнюю историю, в ходе которой различные государственные образования не раз сменяли друг друга. Может случиться так, что в Китае возникнет новое, буддийское государство, и тогда, обратившись к духовной мощи Тибета и осознав себя новой Шамбалой, он воплотит свою апокалиптическую силу. Если из христианской традиции эта миссия практически не видна, то, как мы показали выше, в главе «Жёлтая Свастика» (часть 2, «Запах Аллаха»), исламское предание раскрывает эту тему в достаточно неожиданном ракурсе. В таком случае, остановится ли апокалиптический Китай на Урале, как предрекал подобный Серафим Вырицкий, или мы все будем учить китайский, как утверждал в бытность свою вице-премьером президент Дмитрий Медведев?

12. ПРИЗРАК КОГОВО

Нам осталось 60 лет до наступления Московского халифата.
Диакон Андрей Кураев (2006)⁵⁰

Китай не является единственным претендентом на роль могильщика России. В конечном счёте, всё может ограничиться отторжением Дальнего Востока и части Сибири. Китайская экспансия разворачивается не в вакууме, и она неизбежно наткнётся на экспансии иных геополитических сил, среди которых важное место занимает мир ислама.

Геополитическое значение ислама стало настолько самоочевидным, что сегодня его называют чуть ли не единственной альтернативой и конкурентом западной цивилизации. Если ещё во время Афганской войны (1979-1989) мусульмане использовались США как инструмент борьбы против СССР, то после конца Холодной войны они превращаются в самостоятельную силу. Символично, что на посту террориста № 1 коммуниста Ильича Рамиреса Санчеса сменяет исламист Усама бен Ладен. Следует особо оговорить, что речь здесь идёт о внешнем, эмпирически наблюдаемом исламе, приверженцев которого обыкновенно называют *этническими мусульманами*. При распространении подобного ислама распространяется главным образом генотип и менталитет народов, *называемых* мусульманскими.

⁵⁰ <http://www.patriarchia.ru/db/text/80603.html>.

Так, этнические мусульмане превратились во влиятельное меньшинство в Европе, обозначив своё присутствие беспорядками в промышленных городах средней Англии весной-летом 2001 года, а также целой «войной предместий» во Франции осенью 2005 года. Учитывая асимметрию между низкой рождаемостью коренных европейцев и многодетностью этнических мусульман, Европу может постигнуть судьба края Косово.

Исторически край Косово был исконной сербской территорией. На его территории в городе Печ располагалась резиденция сербского патриарха. Эти земли также были обильно политы сербской кровью во время исторического сражения на Косовом поле с турецкими завоевателями в 1389-м. Однако постепенно Косово заселили албанцы, а сербы уже в XIX веке превратились в национальное меньшинство в своём Отечестве. Албанцы потребовали автономии на том основании, что земля должна принадлежать тому народу, который её населяет. Разгорелся конфликт, в результате которого последние из сербов были вынуждены покинуть Косово, а следы их исторического присутствия, включая памятники архитектуры, были уничтожены. Сербские источники фиксируют разрушение в крае до 110 храмов и монастырей⁵¹.

Однако призрак Косово грозит не только Европе, но и России. В нашей стране проживает около 20 миллионов этнических мусульман, и их сегмент в российском обществе стремительно растёт. Основным плацдармом экспансии этнического ислама следует признать даже не Кавказ, где глеет антироссийская война под знаменем джихада. Отторжение горских республик не так катастрофично для России, как отторжение региона, именуемого Идель-Урал (Волга-Урал), который клином отсекает от европейской России промышленные и сырьевые регионы Урала и Западной Сибири. Идель-Урал вершиной упирается в Татарстан, от которого расходятся лучи к исламским регионам Северного Кавказа и Средней Азии.

Возрождающаяся русская православная духовность, ковавшаяся в вековых битвах с «басурманским» миром, направит Россию по пути Британской Индии, расколовшейся в 1947 году по религиозному принципу на индуистскую Индию и мусульманский Пакистан. Идель-Урал раскалывает Россию на бедную в сырьевом отношении европейскую часть и Сибирь. В начале войн за российское наследство мусульмане могут даже вступить в альянс с китайцами. Несмотря на наличие между ними противоречий в Синьцзяне (китайском Туркестане), во время Афганской войны они наработали опыт геополитического сотрудничества, когда Китай вооружал душманов в их борьбе против советского социал-империализма.

Страх перед призраком Косово стимулирует проект «Русский ислам», разработанный в недрах российской власти советником полпреда Президента в Приволжском федеральном округе Сергеем Градиловским. Целью этого проекта является амортизация неизбежного столкновения России с миром ислама. Однако рекомендации сделать из Поволжья новый homeland России⁵² способны превратить исторические русские земли в провинции новой Золотой Орды. Это всё равно как в своё время предложить Шарлю де Голлю сохранить Алжир в составе Франции ценой переноса туда столицы. Подобные проекты отдадут фетишизацией государства, а их целесообразность представляется в высшей степени сомнительной. Государство — не фетиш, а инструмент саморегуляции общества.

Россия пока что беззащитна перед призраком Косово, а духовный вакуум и коррупция властей создают все условия для того, чтобы последствия от его материализации стали чудовищными. История знает много примеров мгновенной колонизации обширных территорий, когда местное население либо ассимилировалось, либо превращалось в дискриминируемые меньшинства вроде египетских коптов, турецких греков или сибирских тунгусов.

⁵¹ <http://srpska.ru/article.php?nid=1319>.

⁵² <http://antropotok.archipelag.ru/text/a056.htm>.

13. АРХЕТИП ОРАНЖИЗМА

И всё же при возможном отторжении от России огромных территорий на юге и востоке относительно неприкосновенной остаётся её северо-западная часть. Россия словно провиденциально возвращается к своему первоначалу — к Ладоге, которая была столицей Русской земли прежде Москвы, Киева и даже Новгорода, ибо само название «Новгород» означает новый город и подразумевает наличие старого города, каковым и является Ладога. Именно там восточные славяне консолидировали Русь под началом варягов. Призвание Рюрика здесь даже не является определяющим, поскольку летописи повествуют, что варяги управляли этой землёй и прежде, но были изгнаны и вновь возвращены после начавшихся междоусобиц. Сегодня Россия в состоянии глубочайшего кризиса вновь возвращается к своим нордическим корням.

Однако эта регрессия блокируется официальной идеологией евразийства, для которой любая форма западничества воспринимается как грех атлантизма. Подобная позиция во многом определена прошлым российского правящего класса. Как известно, Перестройка была очень странной революцией без смены элиты. Советская номенклатура вошла в сговор с криминалом и, освободившись от коммунистических догм, попыталась примерить одежду латиноамериканского олигархического либерализма. Наиболее ярко этот сговор проявил себя в Грузии, когда после свержения Звиада Гамсахурдиа к власти в 1992-м пришёл тандем вора в законе Джабы Иоселиани и бывшего советского министра иностранных дел Эдуарда Шеварднадзе. Симпатии же к латиноамериканской модели выразил российский вице-премьер Борис Немцов, открыто восхитившийся диктатором Пиночетом во время официальной поездки в Чили 5-6 декабря 1997 года⁵³.

Дефолт 1998 года обнаружил неэффективность латиноамериканской модели, и российская элита сделала очередной идеологический вираж, восприняв идеологию евразийства. В том же году произошло два знаковых события. Премьер-министром стал Евгений Примаков, недвусмысленно заявивший о геополитических амбициях России в рамках проекта многополюсного мира. Одновременно идеолог евразийства Александр Дугин разорвал отношения с маргинальной Национал-большевистской партией Эдуарда Лимонова и стал советником председателя Государственной Думы. С одной стороны, поворот к евразийству выбил почву из-под ног коммунистической оппозиции, которая осознала себя авангардом народно-патриотических сил. Второй президент Путин по «укреплению вертикали» замирил Чечню, отменил выборность губернаторов, совершил популистские «наезды» на опальных олигархов. Однако, повернув в сторону евразийства, российская элита пошла по пути консервации процессов разложения, наметившихся ещё в советскую эпоху. Россия превратилась в сырьевой придаток промышленно-развитых стран мира, а её экономика оказалась в прямой зависимости от мировых цен на нефть и газ. Борьба с оборотнями в погонах носила в основном символический характер и так и не смогла решить проблему коррупции. Ликвидация демократических свобод, которые компенсировали дискомфорт правления Ельцина, явилась оборотной стороной «укрепления вертикали»: после отмены выборности губернаторов представительность верхней палаты парламента превратилась в фикцию, а Государственная Дума стала избираться исключительно по партийным спискам, причём проходной барьер был увеличен до 7%. Российский парламент оказался отчуждённым от общества.

Агонические виражи не прибавляют российской элите чувства безопасности. Последний её страх связан с призраком Оранжевой революции. Именно им было инспирировано создание

⁵³ http://www.ng.ru/politics/2000-02-15/3_myth.html; <http://www.chile.mid.ru/0ld/hronik.html>; http://www.chile.mid.ru/0ld/step_rus_01.html.

проправительственной экстремистской организации «Наши» в 2005 году. И страх этот был не напрасным. Марши Несогласных 2007 года убедительно продемонстрировали, что единственной радикальной оппозицией власти являются русские оранжевые. Коммунисты, как говорится, нервно курят.

Современная русская оппозиция не может игнорировать опыт Украинской Оранжевой революции 2004 года, которая выбрала своей мишенью киевскую разновидность коррумпированного постсоветского режима. Прежняя система была осознана в бело-голубых тонах. Они стали ассоциироваться с властью евразийски ориентированных криминально-олигархических кланов, символически представленных двумя фигурами: ранее судимым за убийство кандидатом в президенты Виктором Януковичем и его спонсором, донецким миллиардером татарского происхождения Ренатом Ахметовым. Сторонники старого режима также получили название *януচার*. В этом слове фамилия бело-голубого Януковича причудливо сочеталась с янычарами — древней турецкой гвардией. Название намекало на то, что бело-голубые являются проводниками азиатско-деспотического начала на Украине, тогда как оранжевые представляли европейско-демократические принципы.

Идеологически как оранжевые, так и их бело-голубые оппоненты являются сторонниками либерализма. В контексте философии Фукуямы это совсем неудивительно, ибо после окончания Холодной войны либерализм не имеет альтернативы. У «народно-патриотических сил» с их идеей державности и огосударствления экономики по-прежнему нет исчерпывающего ответа, где они возьмут честных чиновников, которые бы работали на благо фиктивного народа. Интересно, что социалисты, при всех своих искренних симпатиях к народу, тем не менее воспринимают его как Другого, как объект благотворительности и милосердия, низводя до уровня манипулируемой массы. Государство защищает интересы населения только тогда, когда оно структурировано в гражданское общество, посредством которого выдвигает свои требования власти и контролирует их выполнение.

Гражданское общество (*civil society*) — это ключевое понятие либеральной политической философии со времени Джона Локка. С одной стороны, здесь идёт речь об армиривании населения посредством сети негосударственных организаций, способных защитить права каждого отдельного гражданина перед властью. С другой — о присутствии многообразных спектров понятия *гражданственности*. Долгое время в России это слово превратно воспринималось сквозь призму снисходительного романтически-немецкого *Bürgerlich*: гражданское как буржуазное. Однако *civil* можно также воспринимать как земский, национальный и даже народный, достаточно конденсировать феномен гражданственности из таких словосочетаний как гражданский долг, гражданская инициатива, гражданское неповиновение, гражданская оборона и гражданская сознательность.

Оранжевая идея акцентирует в либерализме аспект гражданского общества, тогда как их бело-голубые оппоненты настаивают на приоритете монетаризма — концепции, утверждающей способность общества к самоорганизации на основе неконтролируемого рынка. Бело-голубые продолжают традиции того либерализма, который Джордж Сорос в 1997 году назвал грабительским капитализмом (*robber capitalism*). Апологетом этой модели является русский историк Владимир Хорос. В 1994-м он провёл параллель между развитием России и Японии в рамках «второго эшелона модернизации»⁵⁴, где представители номенклатуры, видимо, уравнивалась с потомками самураев в праве создавать крупные корпорации и единолично осуществлять контроль над национальной экономикой.

⁵⁴ Хорос В.Г. Русская история в сравнительном освещении.
http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Horos/01.php.

Оранжевые революционеры укрепили гражданское общество в двух аспектах. Во-первых, они перешли к парламентской форме правления, понизив проходной барьер для политических партий до 3%. Во-вторых, оранжевый президент Виктор Ющенко приравнял всех ветеранов, сражавшихся за независимость Украины в годы Второй Мировой войны — как красных партизан, так и бандеровцев (бойцов украинской повстанческой армии). Без подобных примирительных жестов невозможна гражданская солидарность — действенное средство в борьбе с таким пороком бело-голубого капитализма как коррупция.

Вместе с тем, оранжевые в пике российским реформаторам эпохи раннего Ельцина не являются сторонниками минимизации государства, которая как раз развязывает руку уголовным элементам. Государство трактуется ими как инструмент антимонопольной политики в руках общества. Жанна д'Арк Оранжевой революции — Юлия Тимошенко — призвала провести пересмотр незаконной приватизации целого ряда промышленных предприятий, из которых наибольшую огласку приобрела деприватизация металлургического концерна «Криворозжсталь». Подобный подход лежит в русле западной философской традиции, восходящей ещё к Платону. Государство — это воплощение справедливости, призванной гармонизировать сегменты гражданского общества, частью которого являются, с точки зрения Фукуямы, и организованные преступные группировки.

В последние годы Украина столкнулась с бело-голубой контрреволюцией, разыгравшей карту федерализма и защиты прав русскоязычных. Оранжевая революция субъективно опиралась на опыт чехословацкой Бархатной революции 1989-го, которая привела к мирной дезинтеграции государства на Чехию и Словакию как альтернативе югославского сценария гражданской войны. Но украинские революционеры оказались не готовы к сходному развитию событий. Они пошли по пути перерождения, перестав слушать голос *Майдана*.

Какой бы ни была дальнейшая судьба Украинской революции, она уже затронула глубокий европейский архетип оранжизма, который прежде отчётливо проявлялся два раза — в Ордене оранжистов и Оранжевой республике.

Орден оранжистов представляет собой ирландскую протестантскую организацию, регулярно проводящую традиционные марши по католическим кварталам Белфаста в честь исторической победы короля-протестанта Вильгельма III Оранского над сторонниками короля-католика Якова II в 1690 году. Оранжевый цвет здесь символизирует революционный протестантизм в ярко выраженной антикатолической форме. Вильгельм III стал королём Англии в результате Славной революции 1688 года. Эта революция в известном плане была экспортом Нидерландской революции XVI века, поскольку Вильгельм III был этническим голландцем, а его прадед командовал отрядами вооружённых фламандских протестантов. В отечественной историографии Нидерландскую революцию принято именовать «буржуазной», однако она была, прежде всего, национальной и *кальвинистской*. Началась она с Иконоборческого восстания 1566 года, где главной мишенью была избрана символика Римской Католической Церкви. Причём неприятие протестантов вызвали даже не догматы, а транснациональная иерархическая структура, которая с необходимостью порождала коррупцию индальгенций, nepотизм и симонию.

Если англикане и лютеране в ходе Реформации сменили общеевропейскую бюрократию на национальную, подчинив церковь главе государства, то кальвинисты сделали гораздо более радикальный шаг, разбив христианство на ряд автономных самоуправляющихся общин-конгрегаций с выборными настоятелями. Они предельно демократизировали церковь, восстав против тирании наместников. Именно кальвинисты придали некогда астрономическому термину *революция* грозный современный смысл. Сама Великая Французская революция должна была быть кальвинистской, и лишь реки крови, пролитые в Париже во время Варфоломеевской ночи 1572 года, отодвинули её осуществление на конец XVIII века. По замечанию Бертрана Рассела,

«Библией большинства вождей Французской революции» был трактат кальвиниста Жана Жака Руссо «Об общественном договоре»⁵⁵.

Оранжевую республику в Южной Африке создали голландские кальвинисты, за которыми закрепилось имя *бурь*. Между монархическими устремлениями Ордена оранжистов и оранжевыми республиканцами в Южной Африке нет принципиального различия. В двух случаях основным содержанием этих форм правления является развитая система народного представительства: британский парламент и бурский Volksraad. Монархия превращается в республику не только в результате свержения короля, но также и после существенного ограничения его власти со стороны выборных представителей.

Однако буры акцентировали ещё один важный аспект оранжизма — толерантность. В недавнем прошлом Европа превратила весь мир в свою колониальную периферию. Существовало два стиля колонизации: нетерпимый к местным особенностям католический и толерантный протестантский. Католики обладали внушительными ресурсами. Их флотилии открывали целые континенты и сокрушали туземные цивилизации. Однако они стремились унифицировать покорённые народы под началом Римской Католической Церкви. В итоге многие древние страны исчезли, а на их месте появились обширные регионы, названные впоследствии Третьим миром, ярким примером которого являются страны Латинской Америки. Протестантский стиль колонизации был представлен, в основном, кальвинистами, причём не только бурами, но и пуританами Новой Англии. Все они толерантно относились к обычаям туземных народов и политике насильственной ассимиляции противопоставили политику *апартеида* и *резерваций*. Сегодня эти слова приобрели негативный оттенок, однако у кальвинистских колонистов была своя правда. Унификация разрушает единство народа и превращает его в безродную массу, которая охотно следует за любым демагогом. Противопоставление самоуправляющегося народа и манипулируемой массы составляет главный момент политической философии кальвиниста Жан-Жака Руссо. Граждане Оранжевой республики не только не пытались насильственно цивилизовать местное негритянское население, но и блюли жёсткую миграционную политику, от которой страдали даже белые британские переселенцы — уитлендеры.

В результате оранжевой протестантской колонизации появились государства, которые никак нельзя отнести к странам Третьего мира: США, Оранжевая республика, Трансвааль, Австралийский Союз, Канада, Новая Зеландия и Израиль. Прочие страны остались слабо развитыми лишь по причине недостаточной колонизации. Город, заложенный как Новый Амстердам и ныне известный под именем Нью-Йорка, стал столицей мира.

Конечно, нельзя ставить знак равенства между кальвинизмом и оранжизмом. Жан Кальвин мыслил стереотипами своего времени. Для него приоритет сохраняли схоластические вопросы апологии триединства Бога и предопределения. Однако именно посредством Кальвина оранжевая идея явила себя миру. Суть её можно выразить в следующем: *сила и самостоятельность народа заключается в силе и самостоятельности общин, его составляющих*. Власть должна быть делом народа, ибо господство составляет сущность человека. В противном случае люди деградируют в безликую и безынициативную массу.

⁵⁵ <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/49426>.

14. ЭЛЬФИЗМ

*Эти эльфы поселились у моря
или скитались в лесах и горах Мира,
но сердца их всё же были обращены к Западу.*
Дж. Р. Р. Толкиен. Сильмариллион

Трансконфессиональный характер оранжизма очевиден при переводе его основных принципов на язык другой религии. Например, на язык ислама. Немецкий богослов Мартин Лютер в основных чертах воспроизвёл магометанскую реформу христианства. Подобное толкование оправдано тем, что христианство — это религия, признающая Иисуса Христа посредником между Богом и человеком. На этом основании ислам, почитающий пророка Ису, предстаёт перед нами как разновидность христианства. Впрочем, возможен и обратный ход, когда под исламом понимается любая, даже на вес пылинки, вера в Бога.

Мухаммед подобно своим протестантским последователям критикует церковную иерархию и поклонение человека человеку. «Они взяли своих книжников и монахов за господ себе помимо Аллаха», — сказано в Коране (9:31). Транснациональной («католической») бюрократии ортодоксальной церкви протестанты противопоставляют согласие общин-конгрегаций — аналог исламских *джаматов*. Подобно *имамам*, пасторы избираются из среды прихожан, а не назначаются «из центра». Вслед за мусульманами кальвинисты утверждают спасение по предопределению, вследствие чего обрядовая сторона неизбежно отодвигается на второй план, ибо кто спасён — не согрешит. Поэтому ислам открывает двери суфизму — свободному поиску истины, а протестантизм — светской культуре. В целом протестанты (реформаты) настаивают на принципе *Sola Scripture* — допустимости самостоятельного прочтения и толкования Священного Писания. В исламе этот принцип получил наименование *иджтихада*. Из допустимости субъективного понимания следует каноническая толерантность, когда за приверженцами иных религий, как за Людьми Книги в исламе, оставляется право на соучастие в истине.

Веротерпимость, провозглашённая Мухаммедом и Джоном Локком, показала всю узость конфессиональных рамок. Став частным делом каждого белого человека, религия перестала фундировать гражданское общество. Люди расплылось на массы отчуждённых индивидов, вновь почувствовавших со временем необходимость в коммуникативных пространствах, в которые они могут свободно вступать и покидать. Такими пространствами стали *субкультуры*. Сегодня именно они армируют собой гражданское общество.

Ещё маоисты заметили, что серьёзным препятствием движения по пути прогресса является консервативная ментальность, поэтому любые социальные преобразования должны предваряться культурной революцией. Главной движущей силой подобной революции является молодёжь, ибо её сознание в наибольшей степени открыто будущему. Так родилась идея *контркультуры*, которая позже расцвела множеством молодёжных субкультур.

К похожему результату пришли и ультраправые, для которых фашизм из политической идеологии по переустройству государства превратился в образ мысли и стиль жизни. Появился феномен гламурного фашизма и субкультуры скинхедов. Однако всё началось слева.

Первыми стали *хиппи*, заявившие о себе антивоенными протестами в 1967 году. Они носили длинные волосы, курили марихуану, слушали рок-н-ролл, путешествовали автостопом, увлекались восточной философией и практиковали свободную любовь. Отчасти хиппи появились под воздействием ямайской афро-христианской секты растаманов, однако в субкультуре хиппи не существовало никаких инициаций, ритуалов или иерархии. Каждый мог стать хиппи, подра-

жая им в одежде и образе жизни. Отчасти хиппи популяризовали стиль жизни творческой богемы, но они не были связаны с определённой профессией. Некоторые принципы хиппи, такие как наркотики и свободная любовь, оказались скомпрометированными. Рок-н-ролл разделился на такое количество жанров, что его поклонники перестали понимать друг друга. Истеблишмент к 1984 году породил субкультуру *яппи* — антипода хиппи, обладающего болезненной тягой к здоровому образу жизни и удвоенной силой потребления.

Однако хиппи сошли со сцены мировой истории ещё в 1975-м, когда в авангарде молодёжного протеста встали *панки*. Часть хиппи, увлёкшись тяжёлой музыкой и средневековым оккультизмом, породили субкультуру *металлистов*. Другая часть, оседлав мотоциклы, стала *байкерами*. Панки противопоставили длинным волосам хиппи короткие, агрессивные всклокоченные причёски. Цветам на одежде — провокационные надписи. Восточной философии — цинизм в сочетании с идеями бунта и анархии. Марихуане — алкоголь. Всеобщей любви — безразличие, перемежающееся спорадическими всплесками агрессии.

Панки оказались долгоживущей субкультурой, но и они породили две дочерние — *скинхедов* и *готов*. Первые воинственно побрили голову наголо и прониклись ариософскими идеями священной расовой войны. Вторые покрасили волосы, глаза и ногти в чёрный цвет. Идеалом гота стал вампир — одинокий бессмертный ангел, вынужденный причинять окружающим боль.

Последними пришли *эмо* — стриженные готы с косыми чёлками. Их стиль жизни стал более трезвым. Никакого абсента и прогулок по кладбищам. Вместо элегантных плащей и шнурованных ботинок — куртки и кроссовки. Чёрный цвет уравнивался розовыми вкраплениями, символизирующими инфантильный взгляд на мир.

Параллельно на основе христианской секты растаманов выросли субкультуры *рэптеров* и *рэйверов*. Первые поэтизировали свою жизнь под музыку с виниловых пластинок, сопровождая свою речь обильной жестикуляцией. Они иногда вспоминали о Боге Йо и слушались своих MC — мастеров церемоний. Местами обитания рэптеров были улицы и дворы, которые они обживали с помощью граффити, брейк-данса и скейтов. Поначалу рэптеры уклонились в поэтизацию криминальных разборок, но затем они примирились с западной цивилизацией в гламурном *r'n'b*. Рэйверы, напротив, иступлённо плясали на вечеринках под пластинки с синтетической музыкой. Их символом стала кислота (*acid*), а шаманом — ди-джей.

Ни одна из существующих субкультур пока не способна открыть будущее, однако в некоторых из них содержатся его ключи. Посему должна появиться новая идентичность, объединяющая субкультуры в единое целое. Обозначим эту идентичность эльфами в честь совершенных прекрасных существ из европейской мифологии. В образе эльфов явлена энтелехия человека западной цивилизации — *westerner*.

Эльф мыслится, прежде всего, эстетом. Европейская цивилизация, преодолев Вавилонское пленение авторитетом, пришла к идее интуитивного основания жизни. Вместо жизни по законам — последовательность красивых поступков. Вместо церковно-символического искусства — светская эстетика природы, лесной хоровод и завтрак на траве. Поэтому жизни эльфа свойственна определённая лёгкость. Ощущая себя пришельцем в сём мире, он, тем не менее, умеет наслаждаться настоящим мгновением. От этого эльф не становится изнеженным сибаритом, хотя Герберт Уэллс в «Машине времени» провидел эту опасность в образе *злов*. Эльф наслаждается разумно, понимая конечность происходящего. Ему ведом рок и мрачные предчувствия гибели богов. Он знает о таинственных силах космоса, поглощающих звёзды. Однако конечность лишь подчёркивает ценность настоящего. Без конца нет гармонии и нет чести. Каждый свой поступок от поведения за столом до смертельной дуэли эльф превращает в искусство.

При анализе содержания этой идентичности мы не можем не обратиться к творчеству Дж. Р. Р. Толкиена, который наиболее полно раскрыл идею эльфов. Профессор (так его обычно

называют искренние почитатели) считает эльфов сынами Единого Бога Эру. Основным различием эльфов и людей является принцип первородства. Эльфы пришли в наш мир раньше людей, поэтому Бог наградил их более совершенными качествами.

В аспекте первородства эльфы аналогичны библейским ангелам. Если мы совершим богословскую инверсию Тейяра де Шардена, то увидим, что ангелы и эльфы — это существа, приближенные к точке Омега. Иными словами, это образы грядущей постчеловеческой расы. При всём их сходстве, между ними существуют и значительные различия. Ангелы представляются идеалом ближневосточного человека, ориентированного на *убадам* — угодность и послушание высшим. Эльфы, напротив, представляются сугубо европейским идеалом. Они не поклоняются Эру, но помнят и чтят Его. Эльфы разумны и свободолюбивы. Они отвергают внешний авторитет и принимают лишь равных, соглашаясь вести подчинённых. Их влекут звёзды и Запад. Толкиен особенно настаивает на этой характеристике эльфов: «Но сердца их всё же были обращены к Западу». Речь здесь идёт не только о геополитических симпатиях, но и о метафизическом принципе Смерти как исполнения всех возможностей, о приближении к точке Омега.

Одним из современных (малых) пророков ислама можно назвать Лавкрафта. В 1895 году он принял ислам и нарёкся Абдуллой Альхазерedom. Корпус сочинений Лавкрафта, следовательно, и является тем самым Некрономиконом. В нём мы находим ключевые упоминания о запредельном Боге Азатоте (Lord of all things, Nuclear Chaos & Demon-Sultan), о Конце Света, о высших силах, о преображении людей в Древних, которые победят смерть.

Эльфы Толкиена напоминают инопланетных богов из мрачных сочинений Лавкрафта. Параллель сквозит уже в фонетике, где эльфы иногда называются эльдарами (Eldars), что созвучно с Древними (Old Ones). Одни имеют первородство от Эру, другие — от Азатота. Обе расы духовно связаны со звёздами, особенно с созвездием Большой Медведицы, именуемым в одном источнике Серпом Валаров, а в другом — Миром Семи Солнц. Эта связь аналогична точке по бесконечности шпенглеровского *фаустовского человека*: вместо изолирующей Великой Китайской Стены и самоуглублённой медитации индусов — память о звёздном небе, к которому устремлены острые шпили готических соборов и межзвёздных ракет. Только западной цивилизации удалось осуществить прорыв к звёздам, открыв человечеству знание о небе. Сама этимология слова «эльф» восходит к обозначению белого цвета и белой расы. Древние Лавкрафта, несмотря на внешние отличия от эльфов, проникнуты ницшеанской волей к власти, вечному возвращению и переоценке всех ценностей. Их рай напоминает Валгаллу, поэтому они тоже сопричастны Западу.

Точки соприкосновения фантазий Толкиена и Лавкрафта позволяют выявить Р'льех эльфов, который позволил бы избежать геополитического схлопывания российского пространства под воздействием иных сил. Р'льех, в котором слышится слово *Рейх*, лишь отчасти напоминает иные образы трансцендентального города. Лавкрафт подчёркивает, что Р'льех — это многомерный город будущего. Он пока ещё скрыт от стороннего наблюдателя, но его жители уже «ждут, мечтая» (waits dreaming), в своих каменных склепах. Р'льех представляет собой символическую оппозицию Атлантиде. Это не тонущий, а всплывающий город. В этом городе сосредоточен весь ужас Земли, но в то же время именно отсюда распространяются мечты, которые ведут в будущее. В отличие от Небесного Иерусалима, Р'льех не спустится сверху, а будет реализован теургической практикой. Р'льех — это та вожденная цель европейского реформаторства, которая столетиями подсвечивалась оранжевой идеей.

Взглянем на эльфов сквозь призму ислама. Эльфы пренебрегают некоторыми внешними атрибутами традиционных религий, поскольку на основании хадиса Мухаммеда считают, что уверовавший в Эру уже спасён. Они дистанцируются как от суфизма, так и от ваххабизма, хотя принимают глубинный смысл этих направлений. Так, хакикат (интеллектуальное постижение),

по мысли эльфийских богословов, должен предшествовать шариату; а халифат заключается в формировании сверхчеловека (инсан ал-кавил).

Религия эльфов — это нордическая религия, которая комбинирует ислам с эльфизмом (белым адатом). Ислам — это авараамическая традиция, равно приемлющая пророчества Моисея, Иисуса и Мухаммеда. Цель этих религий — создание Халифа (совершенного человека). Поэтому должно учиться не только подчинению, но и господству. Ислам для них является религией толерантности, которая воспринимает иноверцев как Людей Писания (не только христиан и иудеев, но также буддистов, марксистов и сатанистов). Религия эльфов — это религия нордических халифов. Харадримской покорности они противопоставляют эльфийское господство. Халиф — это не преемник Мухаммеда. Сам первочеловек Адам был халифом: наместником Бога. Господство — это суть (фитра) человека. Религия эльфов — экологическая религия сверхчеловека. Он не терпит средневекового консерватизма. Интеллектуальное постижение и революционные технологии по замыслу Всевышнего позволяют достичь халифата. Технологии (мисвак) являются частью человеческой природы (фитры).

Эльфы — это спящая раса, существующая в виде субкультуры. Они возрождают мистику Европы, разорванную между началом алчных гномов, грубых троллей и возвышенных эльфов. Антропологии земельной глины они противопоставляют холодный огонь небес. Их женщины не носят хиджабов, ибо они не нуждаются в знаках власти над собой. Основу их поклонения составляет лесной хоровод (зикр-таваф), ибо земные ангелы не встают на колени. Эру создал их для высших небес, для полётов над листьями Мирового Дерева. Их мечети — это леса, в которых они предаются медитациям о Великом Эру (зикр). Они молчаливо блуждают, стоят, обходят деревья по кругу (таваф) и прислоняются ладонью к коре (такбил). Каждый эльф хоть раз в жизни должен совершить хадж в лес. Эльфы имеют особое отношение к Рождеству, на праздновании которого они сопровождают Санта-Клауса. Для них Рождество — это мавлид пророка Иисуса, Праздник Бараката, где сама ёлка является символом древа познания добра и зла, а серпантин на ней олицетворяет библейского змея. Одной из форм «эльфийского ислама» можно назвать лютеранство — северную балтийскую религию, впитавшую в себя рыцарский дух (именно немецкие рыцари сделали из «ереси Лютера» направление в христианстве) и легенды о Граале (мистика наполненной кровью чаши как антитеза православной лжицы).

Итак, нас даже интересуют не судьбы России, которые и дальше будут продолжать развертывать свою сущность. Нас интересует пост-Россия. Мы пытаемся увидеть то, что придёт на смену России, что продолжит её традиции и унаследует её территории. Именно это и заставляет нас ждать, мечтая...

Указатель упоминаемых имён

- Абу Хурайра, сподвижник Мухаммеда — 27.
Аверинцев, С. С., русский исследователь — 33.
Авраам (Ибрагим), семитский патриарх — 4, 22, 24, 33.
Агамбен, Дж., итальянский философ — 47.
Адам, первый человек — 23, 27, 43, 80.
Айвазовский, И., армянский художник — 8.
Алексей Николаевич, царевич — 60.
Алёша Попович, русский богатырь — 15.
Аристотель, древнегреческий философ — 15, 42, 43, 45.
Атта, М., египетский террорист — 18.
Афанасий Великий, византийский богослов — 25, 28, 34.
Ахметов, Р., украинский олигарх — 74.
Бадресан, гностик — 35.
Бакунин, М., русский философ — 59.
Баркер, К., английский режиссёр — 31.
Барт, Р. французский философ — 11, 63, 64.
Бараев, А., бригадный генерал — 17.
Басаев, Ш., чеченский террорист — 17, 18.
Бен Ладен, У., арабский террорист — 71.
Беркли, Дж., английский философ — 19.
Бжезинский, З., американский политолог — 52.
Бодрийяр, Ж., французский философ — 10, 40.
Болотников, И., русский мятежник — 70.
Болотов, В., русский исследователь — 35.
Борхес, Х.-Л., аргентинский писатель — 51.
Босх, И., нидерландский художник — 32.
Булгаков, М., русский писатель — 30.
Валентин, гностик — 35, 37.
Ван Гог, В., нидерландский художник — 8.
Василид, гностик — 36.
Василий III, русский царь — 54.
Василий Блаженный, русский святой — 55.
Васнецов, В. М., русский художник — 14.
Ваххаб, М., арабский мятежник — 16.
Вачовски, американские кинорежиссёры — 12-14, 21, 28.
Велизарий, византийский полководец — 31.
Вильгельм III Оранский, английский король — 75.
Волгонов, Д., советский философ — 68.
Воронцова, Е., русская фрейлина — 58.
Вульфилла, готский епископ — 31.
Гадамер, Г.-Г., немецкий философ — 4.
Гази-Магомед, кавказский шейх — 17.
Гайдай, Л., советский режиссёр — 67.
Гайдар, Е., российский политик — 67.
Гамзат-бек, кавказский шейх — 17.
Гамсахурдиа, З., грузинский президент — 73.
Гапон, Г., священник — 60-62.
Гегель, немецкий философ — 61, 65.
Гермоген, русский патриарх — 60.
Гитлер, А., немецкий канцлер — 26, 51.
Гоген, П., французский художник — 8.
Гоголь, Н., русский писатель — 50, 62.
де Голль, Ш., французский президент — 72.
Гомер, древнегреческий поэт — 7.
Градиловский, С., российский чиновник — 72.
Гумилёв, Л., русский философ — 25, 68.
Гуссерль, Э., немецкий философ — 10.
Давид, иудейский царь — 6, 31, 61.
Данилевский, Н., русский философ — 59.
Данте Алигьери, итальянский поэт — 32.
Делёз, Ж., французский философ — 7, 11, 15, 19, 43.
Державин, Г., русский поэт — 58.
Джемаль, Г., российский философ — 17.
Джунайд, суфий — 26.
Дионисий Ареопагит, христианский святой — 6.
Добрыня Никитич, русский богатырь — 15.
Достоевский, Ф., русский писатель — 51, 60, 64.
Дракула, В., валашский князь — 30, 32.
Дугин, А., русский философ — 73.
Дунай Иванович, русский богатырь — 15.
Ева, жена Адама — 27, 36.
Екатерина II (София), российская царица — 39, 52, 57-59.
Ельцин, Б., российский президент — 69, 73, 75.
Жанна д'Арк, героиня Франции — 75.
Жижек, С., словенский философ — 18, 19.
Заратуштра, персидский пророк — 26.
Иаков, библейский патриарх — 6, 54.
Ибн Таймия, исламский богослов — 16.
Иван Грозный, московский царь — 55.
Иванов, Н., русский философ — 49.
Иезекииль (Зу-л-кифл), вавилонский пророк — 23, 51, 59.
Иеремия, иудейский пророк — 23.
Иисус Христос, галилейский проповедник — 4-6, 15, 25-27, 30-33, 35, 37, 50, 54, 55, 57, 58, 70, 77, 80.
Илья (Илиас) Муромец, русский богатырь — 14, 15.
Иоанн Богослов, апостол — 24, 33.
Иоанн Кассиан, византийский монах — 34.
Иоанн Креститель, иудейский пророк — 4, 35.

- Иоанн Лествичник, византийский монах — 6, 34.
 Иоахим Флорский, итальянский мистик — 6.
 Иоселиани, Дж., грузинский политик — 73.
 Исаак Сирийский, сирийский богослов — 34.
 Исаия, пророк — 23, 33.
 Иуда Искариот, апостол — 32.
 Кальвин, Ж., французский богослов — 76.
 Камю, А., французский философ — 49.
 Кандинский, В., русский художник — 51.
 Кант, И., немецкий философ — 9, 32, 33, 49, 63.
 Карамзин, Н., русский историк — 51.
 Карсавин, Л., русский исследователь — 35.
 Кастанеда, К., латиноамериканский оккультист — 50, 63.
 Кебедов, Б., исламский проповедник — 17.
 Керенский, А., российский политик — 59, 60.
 Кирилл Белозерский, русский святой — 55.
 Климент Александрийский, греческий богослов — 35.
 Константин Павлович, русский царевич, сын Павла I — 58.
 Конфуций, китайский философ — 5.
 Коэльо, П., бразильский писатель — 18.
 Крив, старейшина — 50.
 Кришна, индийский принц — 26.
 Кроули, А., английский оккультист — 5.
 Купер, Ф., американский писатель — 8.
 Кураев, А., христианский проповедник — 71.
 Лавкрафт, американский писатель — 79.
 ЛаВей, А. Ш., сатанист — 5.
 Ломоносов, М., русский учёный — 58.
 Леви-Брюль, Л., французский исследователь — 42.
 Лейбниц, немецкий философ — 7, 42.
 Ленин, В., российский политик, революционер — 60-62.
 Летов, Е., русский рок-музыкант — 43.
 Лимонов, Э., российский писатель и политик — 73.
 Лиознова, Т., советский режиссёр — 12, 67.
 Лиотар, Ж.-Ф., французский философ — 7, 43.
 Лодыгин, А., русский изобретатель — 66.
 Локк, Дж., английский философ — 19, 74, 77.
 Ломоносов, М., русский учёный — 58.
 Лопухина, Е., жена Петра I — 58.
 Лука, евангелист — 31.
 Львов, Г. Е., российский граф и политик — 60.
 Людовик XIV, французский король — 7.
 Лютер, М., немецкий богослов-реформатор — 77, 80.
 Макиавелли, Н., итальянский философ — 57, 61.
 Мария (Богоматерь), мать Иисуса — 52, 58.
 Марк, евангелист — 5.
 Маркион, гностик — 37.
 Маркс, К., немецкий философ — 39, 61, 62, 68.
 Маркузе, Г., немецкий философ — 47.
 Матвеев, А., воспитатель матери Петра I — 56.
 Матфей, евангелист — 4, 5, 31, 32, 37, 54.
 Медведев, Д., российский президент — 71.
 Мейендорф, И., американский богослов — 4, 51.
 Мехмед Фатих, турецкий султан — 30.
 Моисей, религиозный реформатор — 26, 28, 32, 33, 80.
 Мор, Т., английский философ — 22.
 Мухаммед (Мадхумати), арабский пророк — 4, 6, 14, 16, 24, 26, 27, 28, 77, 79, 80.
 Нагарджуна, будда — 27.
 Наполеон, французский император — 51.
 Нахимов, П., русский адмирал — 66.
 Немцов, Б., российский политик — 73.
 Нидал, О., буддийский проповедник — 9, 26.
 Никола Салос, русский святой — 55.
 Николай II, российский император — 60.
 Нил Сорский, русский святой — 55.
 Ницше, Ф., немецкий философ — 4, 8, 28, 30, 47, 49.
 Ньютон, И., английский учёный — 47.
 Нурси, С., турецкий богослов — 24.
 Одиссей, царь Итаки — 7.
 Одоакр, германский вождь — 54.
 Ориген, египетский богослов — 33.
 Орлов, Г., русский граф — 58.
 Павел, апостол — 25, 57.
 Пантера, римский солдат — 53.
 Парменид, древнегреческий философ — 15.
 Пахом, римский легионер — 53.
 Пелевин, В., русский писатель — 22, 69.
 Пётр, апостол — 35.
 Пётр I, российский император — 2, 56, 52-56, 58.
 Пиночет, А., чилийский диктатор — 73.
 Пифагор, древнегреческий философ — 38.
 Платон, древнегреческий философ — 9, 45, 50, 57, 75.
 Плотин, древнегреческий философ — 35, 52.
 Ползунов, И., русский изобретатель — 66.
 Потёмкин, Г., русский князь — 58.
 Прокл, древнегреческий философ — 50.
 Путин, В., российский президент — 69, 73.
 Пучков, Д. (Гоблин), переводчик — 11, 12.
 Пушкин, А., русский поэт — 66.
 Примаков, Е., российский политик — 73.
 Пьер Нарцисс, российский певец — 12.
 Разин, С., русский мятежник — 8.
 Рамос, Л., латиноамериканская модель — 9.
 Рассел, Б., английский философ — 63, 75.

- Распутин, Г., царский фаворит — 60.
Рейган, Р., американский президент — 52.
Рестон, А., латиноамериканская модель — 9.
Ривз, К., американский актёр — 12.
Рифеншталь, Л., немецкий режиссёр — 12.
Ромм, М., советский пропагандист — 12.
Руссо, Ж.-Ж., французский философ — 76.
Рюрик, русский князь — 73.
Самсон, еврейский богатырь — 6.
Санта-Клаус (Николай Чудотворец), христианский святой — 80.
Санчес, И. Р., венесуэльский революционер-террорист — 71.
Саркози, Н., французский президент — 47.
Сартр, Ж.-П., французский философ — 15, 34.
Сатурнин, гностик — 35.
Светлов, Р., российский исследователь гностицизма — 35, 36.
Святослав, русский князь — 51.
Серафим Вырицкий, русский святой — 70, 71.
Сергий Радонежский, русский святой — 55, 57, 60.
Симон Маг, гностик — 35, 36.
Соловьёв, В., русский философ — 25, 57.
Сорос, Дж., американский бизнесмен — 74.
София, мученица — 57.
Спиридов, Г., русский адмирал — 59.
Сталин, И., советский лидер — 60, 63-65.
Стравинский, И., русский композитор — 45.
Стругацкие, писатели-фантасты — 67.
Суворов, А., русский полководец — 58, 59, 66.
Сулейман, исламский пророк и иудейский царь — 43.
Сусанин, И., герой Смутного времени — 50.
Тарковский, А., советский кинорежиссёр — 67.
Тейяр де Шарден, П., французский философ — 49, 79.
Тимошенко, Ю., украинский политик — 75.
Тойнби, А., английский историк — 17, 61.
Толкиен, Дж. Р. Р., английский писатель — 12, 18, 77-79.
- Уатт, Дж., шотландский изобретатель — 61, 66.
Уиклиф, Дж., английский богослов — 32.
Ушаков, Ф., русский адмирал — 58.
Уэллс, Г., английский писатель — 61, 78.
Филофей, русский монах — 54.
Фишберн, Л., американский актёр — 12.
Фонвизин, Д., русский комедиограф — 58.
Фостер, Г., американская актриса — 12.
Фридрих Великий, немецкий король — 55.
Фуко, М., французский философ — 11.
Фукуяма, Ф., американский философ — 74, 75.
Хайдеггер, М., немецкий философ — 16, 19, 39, 64.
Ханбал, А., исламский богослов — 16.
Хантингтон, С., американский исследователь — 47.
Харун ар-Руси, исламский проповедник — 26.
Хаттаб, иорданский террорист — 17.
Хичкок, А., американский режиссёр — 45.
Хорос В., российский исследователь — 74.
Хусейн, шиитский имам — 17.
Чаадаев, П., русский философ — 60.
Че Гевара, латиноамериканский революционер — 69.
Чернышевский, Н., русский философ — 60.
Чубайс, А., российский политик — 67.
Чуковский, К., поэт — 65.
Шакьямуни, Гаутама, будда — 26, 27, 34, 50.
Шеварднадзе, Э., грузинский президент — 73.
Шопенгауэр, А., немецкий философ — 9.
Шпенглер, О., немецкий философ — 35.
Эдисон, Т., американский изобретатель — 66.
Эйлер, Л., немецкий математик — 58.
Эхнатон, фараон — 28.
Юм, Д., шотландский философ — 10, 38.
Ющенко, В., украинский президент — 75.
Яков II Стюарт, английский король — 75.
Ямадаевы, чеченские боевики — 17.
Янукович, В., украинский президент — 74.

Указатель географических названий

- Австралия, Австралийский Союз — 48, 76.
 Австрия — 59.
 Автово, район Петербурга — 39.
 Азия:
 - Малая — 51;
 - Средняя — 72;
 - Юго-Восточная — 45.
 Азовское море — 56.
 Алжир — 72.
 Америка — 24, 40;
 - Латинская — 62, 76.
 Анатолия — 51.
 Англия — 66, 72, 75..
 Антарктида — 56.
 Аргентина — 51.
 Атлантический океан — 24.
 Афганистан — 52.
 Африка;
 - Северная — 31;
 - Южная — 76.
 Балканы — 4, 59.
 Балтийское море — 56.
 Барвиха — 8.
 Белфаст — 75.
 Берлин — 67.
 Ближний Восток — 24, 52.
 Болгария — 60.
 Босфор — 59.
 Буйнакский район Дагестана — 17.
 Вавилон — 24.
 Великая Китайская Стена — 25, 79.
 Великобритания — 24, 50, 70.
 Вена — 61.
 Венеция — 56.
 Весёлый Посёлок, район Петербурга — 39.
 Византия — 39, 51, 54.
 Волга — 72.
 Волково, район Петербурга — 39.
 Выборгская сторона, историческая часть Петербурга — 39.
 Гамбург — 18.
 Германия — 65, 66.
 Голливуд, район Лос-Анджелеса — 45.
 Гражданка, район Петербурга — 39.
 Греция — 60.
 Грозный — 17.
 Грузия — 73.
 Гудермес — 17.
 Дагестан — 17, 21.
 Дальний Восток — 71.
 Дарданеллы — 59.
 Доростол (Силистра), город в Болгарии — 51.
 Дунай — 51.
 Душанбе — 19.
 Евразия — 24, 52, 71.
 Европа — 4, 20, 25, 40, 50-52, 55, 56, 59, 60, 61, 72, 76, 80.
 Екатеринбург, район Петербурга — 39.
 Закавказье — 41.
 Зимбабве — 48.
 Золотая Орда — 72.
 Идель-Урал — 72.
 Израиль — 24, 55, 76.
 Индия — 48, 62, 72;
 - Британская — 72.
 Иония — 51.
 Ирак — 24.
 Иран, Персия — 24.
 Ирландия Северная — 24.
 Кавказ — 72;
 - Северный — 17, 72.
 Кампучия (Камбоджа) — 40.
 Канада — 76.
 Карадаг — 15.
 Каракумы — 15.
 Карамахи, село в Дагестане — 17.
 Карачарово — 15.
 Киев — 73.
 Киргизия — 48.
 Китай — 24, 25, 52, 70-72.
 Клиши-Су-Буа, район Парижа — 46.
 Колпино, пригород Петербурга — 39.
 Косово — 72.
 Красное Село, пригород Петербурга — 39.
 Кремль — 55.
 Купчино, район Петербурга — 39.
 Ладога — 73.
 Латвия — 51.
 Лигово, район Петербурга — 39.
 Лос-Анджелес — 48.
 Майдан, площадь в Киеве — 75.
 Мекка — 24, 27.
 Мелитополь — 39.
 Москва, Московское царство — 39, 54, 73.

- Наг-Хаммади, город в Египте — 35.
Нева — 39.
Невский проспект — 39.
Никополь — 39.
Новая Англия — 76.
Новая Зеландия — 76.
Новгород, Новгородчина — 28, 50, 51, 73.
Новый Орлеан — 48.
Нью-Йорк — 76.
Обводный канал — 39.
Обухово, район Петербурга — 39.
Оранжевая республика — 76.
Пакистан — 19, 72.
Палестина — 54.
Париж — 38, 46, 75.
(Санкт-)Петербург — 39, 40, 56, 61.
Печ — 72.
Пискарёвка, район Петербурга — 39.
Поволжье, Приволжский федеральный округ — 72.
Польша — 51, 55.
Полюстрово, район Петербурга — 39.
Преображенское, село в Подмоскowie — 56.
Приморье — 70.
Рим — 54-56;
 - Второй — 54, 58;
 - Третий (Новый) — 50, 54, 56.
Римская империя — 31, 54.
Россия (Русь) — 3, 4, 7, 8, 12, 16-18, 24, 25, 41, 50-52,
54-61, 65-67, 69-74, 80;
 - Советская — 66.
Рублёвка — 8.
Румыния — 30.
Рыбацкое, район Петербурга — 39.
Саудовская Аравия — 16, 17.
Севастополь — 39, 66.
Северный Ледовитый океан — 52.
Сибирь — 71, 72;
 - Западная — 72.
Симферополь — 39.
Сингапур — 25.
Синьцзян, китайская провинция — 72.
Синоп — 66.
Сион — 24.
Сицилия — 51.
Скандинавия — 30.
Словакия — 75.
Смоленщина — 51.
Средиземное море — 59.
СССР, Советский Союз — 16, 18, 49, 65, 66, 68-71.
Ставрополь — 39, 57.
Стамбул (Царьград) — 59.
Старая Деревня, район Петербурга — 39.
США — 9, 24, 48-50, 68, 71, 76.
Татария — 45.
Татарстан — 72.
Тибет — 25-26, 30, 71.
Тирасполь — 39, 59.
Тихий океан (Татарский пролив) — 24, 45.
Трансвааль — 76.
Третий Рейх — 67.
Туркестан — 72.
Турция — 51, 59, 60.
Угорщина (Венгрия) — 51.
Украина — 30, 55, 74, 75.
Уолл-стрит, улица в Нью-Йорке — 46.
Урал — 70-72.
Фессалия — 51.
Фиваида — 55.
Франция — 46, 47, 52, 66, 72.
Хиросима — 67.
Хэйлунцзян, китайская провинция — 70.
Чёрное море — 59.
Чечня — 17, 73, 86.
Чехия — 75.
Чили — 68, 73.
Шахидон, площадь в Душанбе — 19.
Эверест — 46.
ЮАР — 48.
Япония — 50, 71, 74.

**Журналу «Апокриф»
на общественных началах
ТРЕБУЮТСЯ:**

- авторы материалов;
- переводчики;
- художники;
- помощники по продвижению проекта;
- наборщики текстов с аудиозаписей;
- оцифровщики книг;
- верстальщик;
- веб-дизайнеры;
- корреспонденты;
- дизайнеры обложки;
- корректоры;
- меценаты.

Обращаться:

93in39@gmail.com

ПОДПИСКА:

С мая 2010 года журнал «Апокриф» не только выкладывается на сайте, но и рассылается по подписке. Оформить подписку можно на нашей страничке ВКонтакте (http://vk.com/topic-16318448_22841662) или отправив сообщение «Желаю подписаться на журнал» по нашему электронному адресу: 93in39@gmail.com.

**Вышел второй номер
бумажного информационного бюллетеня
Московской Ложи Ordo Templi Orientis — «Ио Пан».
Приобрести журнал или подписаться на него
можно по адресу: thelemabook@gmail.com.**

ἡ: ἰ ἑ:ἴ ἕ:ἶ ἡ:ἣ,